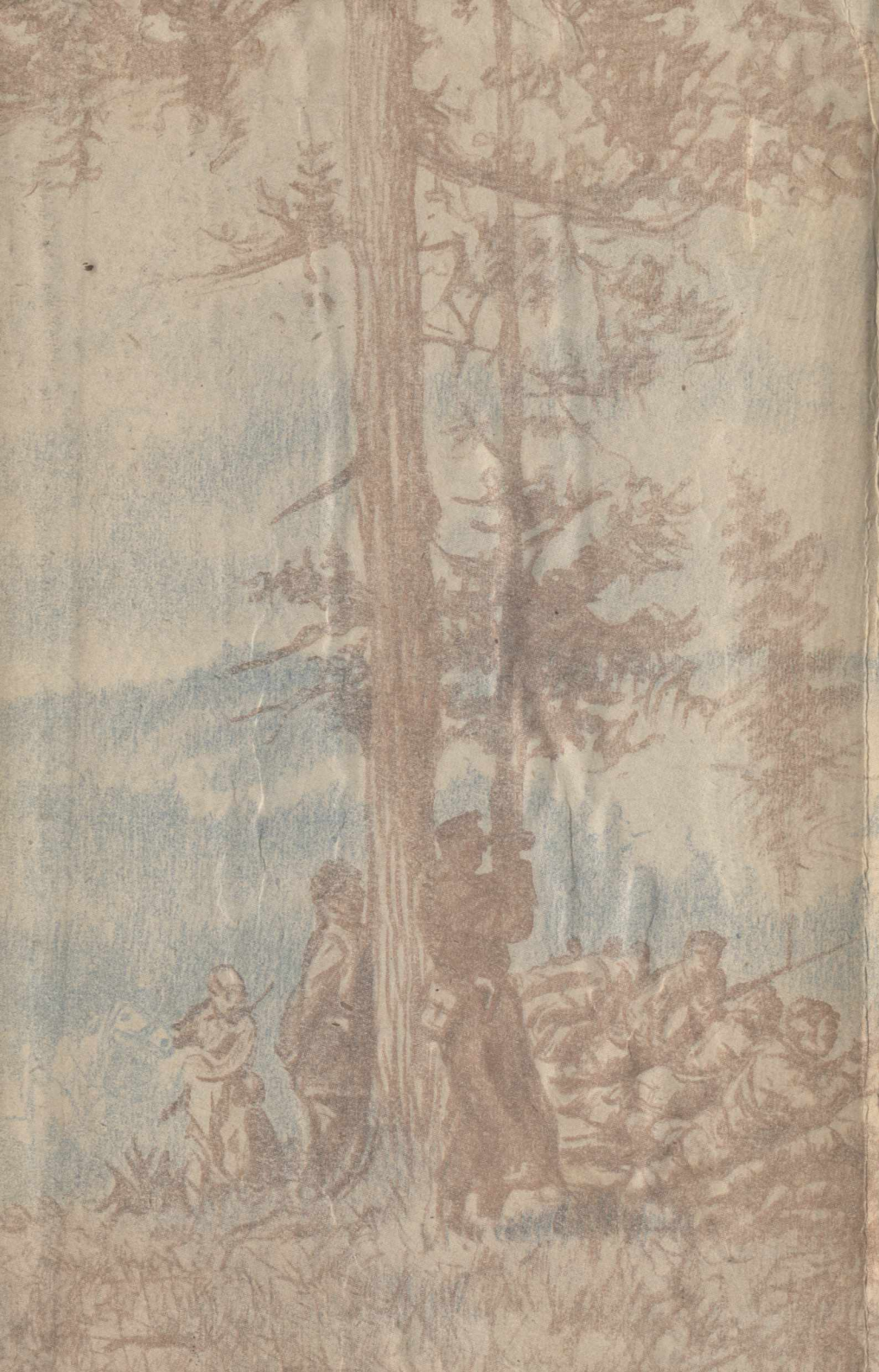
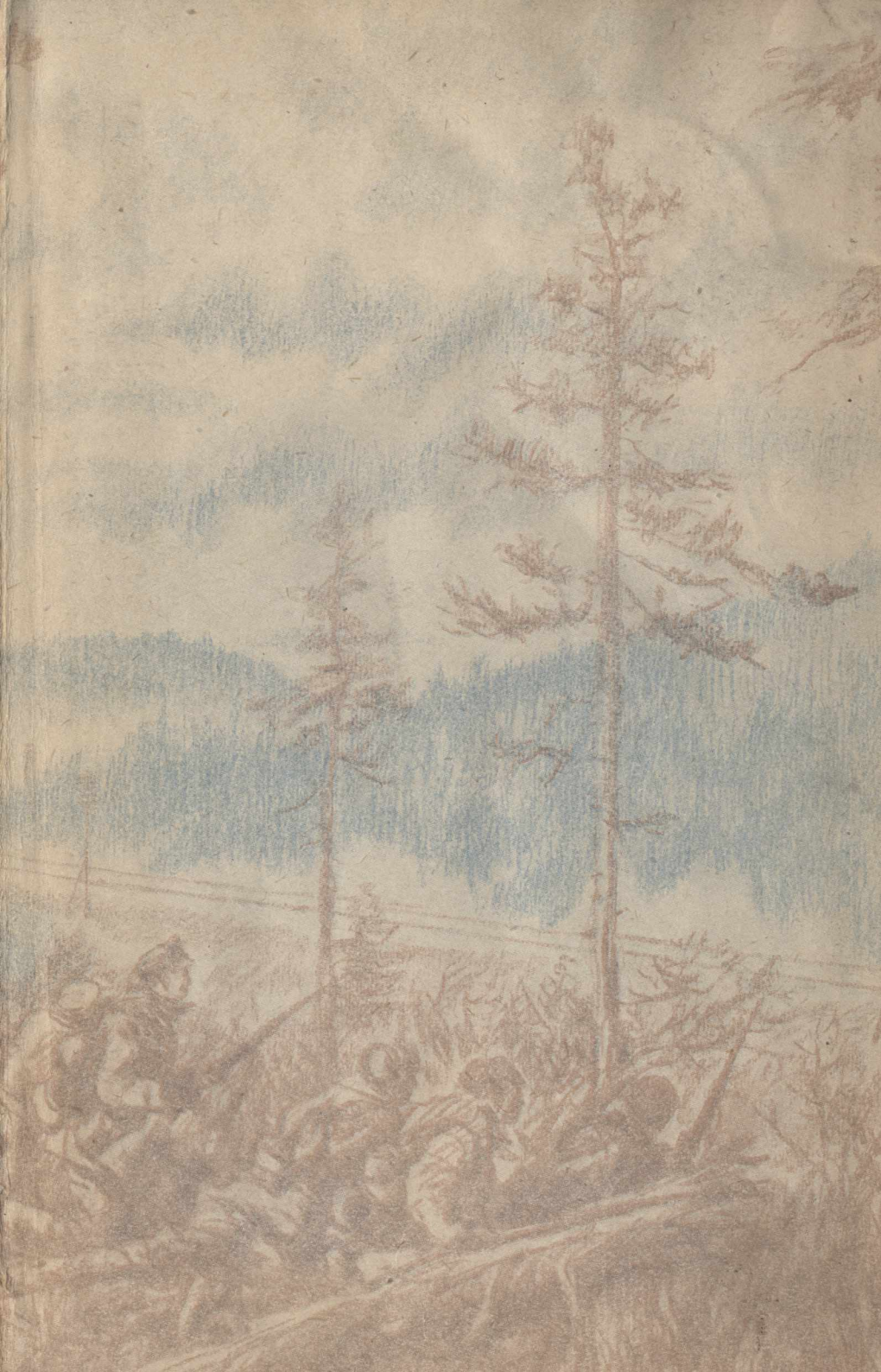

22

✓
✓

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

402 КОЧ 1 -

402 КОЧ 1 -

3 ТМО Т. 3.600.000 а. 2849-90

102652

ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СССР

СЕРИЯ СБОРНИКОВ

ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
1917—1922 гг.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СССР

В ОЧЕРКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ
УЧАСТНИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1938

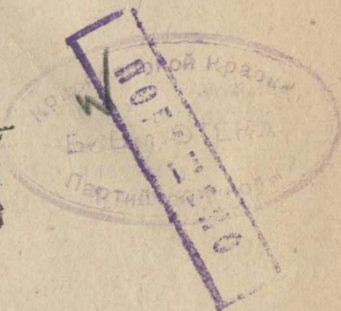
СЕРГЕЙ

ЛАЗО

Воспоминания и документы

92
л-17.

Всего 192

10100

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1938

3КП1
Л-17

АННОТАЦИЯ

9(47)
Л 17 ДОб. 92

✓ Сборник воспоминаний и документов о легендарном герое — руководителе дальневосточных партизан — Сергее Лазо, погибшем в 1920 году от руки японских интервентов, освещает основные этапы деятельности Лазо в годы революции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в 1917—1920 годах.

Впервые публикуются письма, приказы и выдержки из записных книжек и дневников Лазо.

Большинство документов предоставлено секретариату Главной редакции «Истории гражданской войны» Центральным архивом Октябрьской революции и часть — Партархивом Дальневосточного крайкома ВКП(б).

По своему содержанию сборник доступен широкому кругу читателей.

В составлении и подготовке сборника к печати принимали участие научные сотрудники секретариата Главной редакции

«Истории гражданской войны»:

Г. РЕЙХБЕРГ, А. РОМАНОВА, Р. КРОЛЬ.

СЕРГЕЙ ЛАЗО
(1894—1920)

COPIED 11.0
G. 11.0

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Г. НАЗАРЧУК

НАШ ОФИЦЕР

Я был на царской военной службе. В первых числах января 1917 года попал я в Красноярске в учебную команду 15-го стрелкового запасного полка. Офицером моего взвода был Лазо — прапорщик нового выпуска.

Скоро стало видно, что Лазо — офицер не царский. По его обращению можно было определить, что он какой-то близкий и родной всем солдатам. Наказаний — самых малейших — от него никто не получал, и обращался он с нашим братом как справедливый человек.

Один раз на словесных занятиях Лазо вместо словесности повел частную беседу: объяснил нам, с чего загорелась война с Германией, и тут же отвечал солдатам на вопросы, о которых в царское время и говорить-то было страшно. Заговорился Лазо до того, что забыл себя, забыл, что он офицер. Несколько раз Лазо повторил, что война и все прочее больше зависят от самих же солдат — ведь у нас вся сила в руках... Потом он как будто проснулся и, одумавшись, сказал нам:

— Давайте, ребята, заниматься словесностью!

Тут сразу и я и многие другие солдаты поняли, что Лазо кто-то есть, — стали втихомолку шептаться.

В конце февраля, рано утром, — как всегда это у нас бывало, — по городу забегали мальчишки с газетами. Но оказалось на этот раз не то — дело вышло необычное. Кругом шум, возгласы:

— Долой царя!

— Сбросили Николку!

Не успела газета попасть к солдатам, как вдруг подкатил к казарме на извозчике наш офицер Лазо. Удивились солдаты — ведь на извозчике Лазо никогда до того не разъезжал. Вбежал он в казарму и кричит:

— Здравствуйте, товарищи!

Все мы оторопели от радости, изумились новому слову «товарищ». А Лазо хватает одного солдата, другого — обнимает каждого, а у самого на глазах слезы. Объяснив наспех, что произошло, Лазо тут же сказал:

— Не величайте меня «ваше благородие», а просто — «товарищ Лазо».

Тут он распрощался с нами и пообещал:

— Я приеду к вам вечером!

Не могу я описать того момента, какой переживал в то время каждый солдат. Теперь всем стало понятно, кто такой был Сергей Лазо. Другие офицеры в тот день к нам даже не показались.

Лазо не смог приехать второй раз — он приехал на следующий день только к вечеру. Поздоровался по-вчерашнему с солдатами, заулыбался и объяснил, почему он не мог прибыть в команду раньше:

— Я, товарищи, несколько не отдыхаю ни днем, ни ночью: у меня много сейчас работы.

Лазо с первых же дней революции взялся за горячую работу в совете.

В команде он провел с нами всю ночь. Тут времени хватило, и Лазо разъяснил нам подробно о случившемся и предостерег насчет будущего:

— Это еще не все, еще много будет крови!

А когда мы стали допытываться, почему это так может быть, Лазо сказал:

— Потому, что мы не все одинаковы. Богачи легко не отдадут то, что они награбили у народа. Мы скоро закрепим бы власть за собой, но еще многие нас обманут и предадут. Борьба будет жестокая.

В июне месяце того же 1917 года, при Керенском, наша часть была отправлена на германский фронт. Не пришлось мне более встретиться с товарищем Лазо — пришлось узнать, что он загублен японцами.

До настоящего времени жалею о погибшем за народное дело.

РАПОРТ

солдат 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка о выборе своим ротным командиром С. Лазо

Принимая во внимание положение настоящего времени, чины 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка на своем общем собрании постановили следующее: заменить своего ротного командира подпоручика Смирнова по следующим причинам: 1) по получении приказа № 64 от 3 марта с. г. в личном разговоре с унтер-офицером и другими заявил себя открытым сторонником старого правительства (его подлинные слова: «Я давал присягу служить императору Николаю II...»). Его словам соответствовали и поступки, как, например, 4 марта он разогнал наше собрание, чем воспрепятствовал законному выбору делегатов от роты, и преследовал обмен мнений по поводу последних событий. К тому же отношение его к солдатам было деспотическое. 2) Выражаем желание иметь своим ротным командиром прапорщика Лазо.

К сему по доверию роты подписуемся (подписи).

А. ПОМЕРАНЦЕВА

В КРАСНОЯРСКЕ

Сергей Георгиевич Лазо, сын бессарабского землевладельца, родился в селе Пиатры Оргеевского уезда, Кишиневской губернии, 23 февраля 1894 года.

В 1915 году Лазо, студент Технологического института, мобилизован в царскую армию. После окончания военного училища он был зачислен прапорщиком в 15-й Сибирский стрелковый запасный полк. В конце 1916 года Лазо попадает в Красноярск и здесь сразу приступает к поискам революционных связей.

Десятки лет непрерывным потоком через Красноярск, через его пересыльную тюрьму или политические в ссылку и на каторгу. Большие железнодорожные мастерские были пролетарским центром Красноярска. Местная организация большевиков объединяла в своих рядах в 1917 году опытных организаторов, пропагандистов и крепких пролетариев — участников боевых схваток с царизмом в 1905 году. Красноярск стал оплотом большевизма в Сибири и рассылал своих агитаторов в другие города, чтобы отвоевать рабочие и солдатские массы у эсеров и меньшевиков. Каждый искренний революционер находил здесь себе место.

Таким честным революционером был Сергей Лазо, двадцатидвухлетний юноша-интеллигент, рвавшийся в бой за торжество революции, но еще недостаточно вооруженный революционной теорией.

Лазо в эту пору еще находился под влиянием мелкобуржуазной идеологии. Однако он не идет к видным красноярским эсерам, работавшим в кооперации и в других легальных общественных организациях. Он ищет связей с подпольем, он хочет вести настоящую революционную работу.

В 1916 году царское правительство рискнуло призвать в армию политических ссыльных, предусмотрительно разместив их по-одному в ротах, чтобы оградить солдат от революционного влияния. Но солдатская масса, взволнованная ужасами затянувшейся бойни, вестями о поражениях и генеральских предательствах, напряженно прислушивалась к каждому революционному слову. Красноярская подпольная большевистская организация воспользовалась пребыванием политических ссыльных среди солдат — установила связи, усилила свою работу и, образовав несколько солдатских кружков, посылала туда агитаторов и снабжала их листовками. Нелегальная литература против войны и ее виновников, издававшаяся в Томске военно-социалистическим союзом, доставлялась оттуда в другие города. В Красноярске эту литературу размножали на ротаторе и распределяли по полкам.

Лазо очень скоро нашел связь с нелегальной работой среди солдат. Он встретил Николая Мазурина, в то время эсера-интернационалиста, разделявшего пораженческую позицию большевиков в оценке империалистической войны и вместе с большевиками проводившего агитационную работу среди солдат.

При первых же известиях в Красноярске о свержении царизма вооруженные солдаты присоединились к рабочим и приступили к выборам депутатов в совет.

Красноярский совет рабочих и солдатских депутатов 3 марта 1917 года открыл свое первое заседание. Не было еще настоящей спокойной уверенности в окончательной победе над черными силами — цепи рабства разбиты, но их звон еще стоит в ушах. И вот Сергей Лазо, возбужденный и радостный, выводит свою войсковую часть из казармы, является с ней в совет и отдает себя в его распоряжение. Это было политическим шагом, положившим начало крепкой связи Лазо с большевиками.

Солдаты выбрали Лазо в полковой комитет, а когда в мае при Красноярском совете была образована комиссия «для разрешения вопросов, касающихся солдатского быта», Лазо вошел и в состав этой комиссии.

Горячо поддерживая большевиков по вопросу о войне и разделяя их отношение к Временному правительству, Лазо не сразу освободился от своих народнических настроений. Он

Сергей Лазо в 1917 году

вошел в группу эсеров-интернационалистов и крепко сдружился с Николаем Мазуриным и Адой Лебедевой, которые вели эту группу за собой.

Со всей юношеской восторженностью Сергей любил Аду Лебедеву. Ада была человеком сильной воли, настоящим бойцом революции, и вместе с этим в ее наружности было что-то детское, нежное, только острым огоньком вспыхивали глаза, да чуть насмешливой была улыбка... Николай Мазурин, Ада Лебедева и Сергей Лазо — все трое в 1918 году вступили в ряды коммунистической партии и все трое пали жертвами белогвардейцев-палачей.

Они умело и метко били красноярских правых эсеров, помогая большевикам раскрыть перед рабочими и солдатами контрреволюционную сущность эсеровской политики.

Особенно бурными стали митинги и собрания в июне, когда Керенский, выполняя приказ англо-французских империалистов, старался воспламенить армию призывами к наступлению. В эти дни красноярские эсеры, почуяв, что вместе с наступлением на фронте идет наступление на революцию, превратили свой клуб в центр оголтелой контрреволюционной агитации. Эсеры спешно связались с гарнизонным начальством и казачьим офицерством, чтобы подготовить расправу с Красноярским советом. Известия из Петрограда об июльских собы-

тиях, об аресте большевиков и разгроме «Правды» разнуздали эсеров: они повели погромные речи против «анархо-большевизма» и требовали расстрела бегущих с фронта солдат. Тогда Сергей Лазо и Ада Лебедева, участвовавшие вместе с большевиками в июльской демонстрации, выступили в эсеровском клубе в последний раз: они заклеили правых эсеров как погромщиков и предателей, заявили о своем решительном разрыве с ними и ушли с их собрания...

В начале августа Красноярский совет ввиду острого недостатка рабочих рук в деревне и угрозы гибели богатого урожая приступил к отпуску части солдат на полевые работы.

Это распоряжение совета начальник красноярского гарнизона полковник Толстов вместе с реакционным офицерством и с эсерами избрали поводом для бешеной травли Красноярского совета. В Иркутский военный округ посылались клеветнические доносы.

Иркутский военный округ, возглавляемый эсерами, только и ждал повода для похода против непокорного Красноярского совета, который не подчинился приказу военного министра об отправке членов исполнительных комитетов советов на германский фронт.

Организаторы контрреволюционного выступления заранее уже разбили Красноярск на боевые участки, ходили по ротам и требовали выдачи оружия, а своим приверженцам раздавали ручные гранаты. И хотя большинство солдат в ротах разоружаться отказалось, но часть фронтовиков, прибывших незадолго до того, готова была поверить клевете своего начальства, что большевики будто бы хотят отправить их обратно на фронт. Толстов добился-таки, чтобы в Красноярск была послана карательная экспедиция.

Из Иркутска двинуты были против Красноярского совета две роты пехоты и взвод артиллерии. Обманутые своим начальством, иркутские солдаты ожидали встретить в Красноярске восстание взбунтовавшихся частей под командой «страшных красногвардейцев». Но сильная своим единством и влиянием в массах красноярская организация большевиков сумела предупредить кровавое столкновение.

В эти тревожные дни Сергей Лазо был в числе самых горячих агитаторов, разъяснявших солдатам смысл злостной контрреволюционной попытки эсеров и офицерства. На всех экстренных заседаниях совета, принимавшего ответственные решения, мы видели Сергея Лазо в роли секретаря.

В эти дни Сергей Лазо, Ада Лебедева и Николай Мазурин еще больше сблизились с организацией большевиков. Они принимали самое горячее участие во всех мероприятиях по борьбе с контрреволюцией.

В результате войска карательной экспедиции оказались распропагандированными и вернулись в Иркутск. Контррево-

люционный гарнизонный комитет Красноярска был распущен, и при совете организовалась солдатская секция, председателем которой был избран Сергей Лазо.

На этой работе Сергей Лазо показал себя настоящим энтузиастом революционного действия. Состав частей красноярского гарнизона к этому времени был в значительной степени обновлен; прибывали части, слабо затронутые политической агитацией. Но очень скоро и они под влиянием разъяснительной политической работы большевиков становились активными сторонниками советской власти. Неутомимым агитатором был Лазо, солдаты ему верили, на его призывы горячо отзывались.

Лазо привлекал к себе даже своим видом: очень высокий, стройный, красивый, он не щеголял эффектными жестами и не искал красивых слов, он дышал искренностью, юной, непосредственной искренностью — ведь ему было всего двадцать два года! Когда он говорил, он приподнимался как-то по-детски, на носки, как будто хотел заглянуть в то будущее, к которому призывал, в которое верил...

Сергей близко сошелся с отдельными товарищами, стоявшими во главе нашей партийной организации. Особенно трогательным было его отношение к Адольфу Перенсону — крепкому большевику, работнику нашей военной организации, участнику кронштадтского восстания в 1905 году, прошедшему через каторгу и через поселение в глухих местах Приангарья. Перенсон был всегда уравновешенным, спокойным и по-дружески относился к молодым товарищам. Со своими вопросами и сомнениями Сергей Лазо всегда шел к «Бороде» (так звали Перенсона его близкие товарищи).

В дни борьбы с корниловщиной в начале сентября в Красноярске был образован губернский соединенный исполком советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Преобладающую роль в нем играли большевики. Был избран в состав этого исполкома и Сергей Лазо.

Эта революционная мера имела блестящий успех: красноярцы провели десятки митингов во всех воинских частях и на заводах Иркутска, нанося удар за ударом влиянию эсеров и меньшевиков, объединяя рабочих и солдат под большевистскими лозунгами.

В начале октября Красноярский совет делегировал в Иркутск на второй съезд советов Восточной Сибири группу большевиков в семь человек и двух эсеров-интернационалистов — Лазо и Лебедеву. Они же сохранили свои мандаты и для участия на первом общесибирском съезде советов.

Весть о победе пролетарской революции была получена в Красноярске 28 октября. После торжественного провозглашения власти советов нужно было произвести фактический захват правительственных учреждений города. Исполком поручил военной секции расставить караулы в главных пунктах.

Дело было ночью. Лазо, хорошо знавший настроение и степень боевой готовности воинских частей, предложил пойти в 10-ю роту 15-го полка. Пошли. Разбудили членов ротного комитета, рассказали им, в чем дело. Те вызвали фельдфебеля и отдали приказ поднять роту. И вот среди ночной тишины раздалась внезапная команда: «Рота, в ружье! Стройся!» Когда через пять минут во дворе казармы рота построилась, Лазо обратился к солдатам с короткой горячей речью о восстании рабочих и солдат Петрограда, о свержении Временного правительства и об установлении власти советов. Ответом на сообщение Лазо было дружное «ура». После этого Лазо и другие товарищи вместе с солдатами пошли выполнять поручение исполкома. Все это вышло так просто потому, что за восемь месяцев революционной работы большевики завоевали рабочих и солдат и лозунг «Вся власть советам» крепко вошел в их сознание.

Другое положение создалось в Иркутске — политическом центре Сибири того времени. Хотя иркутским большевикам при помощи красноярцев и удалось добиться резкого перелома в настроении масс, вырвать их из-под влияния эсеров и образовать ЦИК советов Сибири (Центросибирь), но противники советов упорно продолжали борьбу. Эсеры и меньшевики, объединившись с царскими офицерами в «комитет спасения революции», начали подготавливать мятеж против советской власти. На их стороне были вооруженные с ног до головы офицерские и казачьи части, военное училище, школы прапорщиков.

Иркутский военно-революционный комитет предъявил 5 декабря военному училищу и трем школам прапорщиков, ожидавшим производства в офицеры, требование, чтобы они сдали к двум часам дня 8 декабря оружие и разъехались по домам. Юнкера отказались выполнить этот приказ. 8 декабря, в четыре часа пополудни, они подняли мятеж и по всем правилам военной науки повели наступление на центры расположения плохо вооруженных, недостаточно еще обученных отрядов Красной гвардии и верных нам воинских частей, оставшихся без офицерского состава и без достаточного запаса оружия.

На помощь Иркутскому революционному комитету прибыли отряды Красной гвардии из Черемхова, Красноярска, Канска и Ачинска. С красноярским отрядом Красной гвардии выехал Сергей Лазо.

Девять дней шли упорные бои в Иркутске за власть советов. Они закончились победой советских сил. Так в декабрьских боях в Иркутске начал Сергей Лазо свой славный путь организатора и командира первых рабоче-крестьянских вооруженных отрядов.

ПИСЬМО С. ЛАЗО МАТЕРИ И МЛАДШЕМУ БРАТУ

Дорогие мои!

Милая мама и милый мой Степа. Пишу десятого декабря утром со станции Иркутск, куда я только что приехал. В городе один за другим, время от времени, громяхают артиллерийские выстрелы. Сейчас иду в девятый полк и, конечно, сразу попаду на работу, тем более что меня здесь немного знают. Думал написать тебе отсюда открытку, но боюсь до поры до времени тебя беспокоить, пересылаю это письмо в надежные руки в Красноярск, оттуда его тебе перешлют, если что случится...

С вещами я уже распорядился. Все личные бумаги, дневники и т. д. перешлют вам по почте. Я их всецело посвящаю Степе и все дневники, которые лежат в письменном столе в Кишеневе; чужие письма постарайся по возможности отослать адресатам или уничтожить. Передайте мой братский поцелуй Боре. Думаю, Степа, ты так же будешь революционером, как и твой брат.

Крепко целую. Сергей Лазо.

10/XII 1917 г., г. Иркутск.

БОИ В ИРКУТСКЕ¹

Юнкера были вооружены пулеметами, бомбами, гранатами. У нас же, у рабочих, вооружение было слабое.

Нашему отряду, состоявшему из 150 человек, предстояло выбить юнкеров, которые засели в церкви на Тихвинской площади. Это было приблизительно 11 или 12 декабря. Командовал нами товарищ Лазо.

На всех нас произвело большое впечатление, как искусно Лазо сумел повести отряд через огромную площадь под пулеметным и ружейным огнем врага. В нашем отряде были рабочие, большинство которых взяло винтовки в руки впервые. Казалось невозможным приблизиться к позициям врага. Лазо был впереди и воодушевлял нас. Сначала он приказал передвигаться, быстро перебегая от одного дома к другому. Когда мы подошли к площади, Лазо приказал ложиться. Мы легли, прижали к себе винтовки и, не поднимая головы, делали пе-

¹ По воспоминаниям участников. Из рукописного фонда секретариата «ИГВ».

ребезжки, чтобы не попасть под пулеметный огонь. Пулемет бешено стучал, но пули пролетали мимо бойцов.

Отряд во главе с Лазо добежал до церковной ограды, начал бросать бомбы в окна и двери церкви. Другая часть стреляла в пулеметчиков. Несколько часов длился бой. Но вот пулемет замолк, пулеметчики были убиты. Белые отступили, освободив колокольню. Пулемет был захвачен, и мы получили возможность связи с другими частями.

Вторая операция имела место на следующий день. Юнкера осаждали Белый дом. Там было немало наших ответственных товарищей-партийцев и отряд красногвардейцев, которые оказались отрезанными от нас. Этот дом превратился в осажденную крепость. Некоторую связь мы держали при помощи Красного креста. Сестры проявляли чудеса героизма, умудряясь снабжать осажденных продуктами питания и даже боеприпасами.

Белый дом осаждался в течение восьми дней. Перед нами была поставлена задача — освободить наших товарищей. Наступление было организовано под командованием Лазо. Бойцы продвигались по берегу реки Ангары; берег служил некоторым прикрытием. Напротив Белого дома находилось здание, где помещалось географическое общество. Здесь имелись своеобразные вышки, напоминавшие небольшие колокольни. В этих вышках засели юнкера с пулеметами.

Под руководством Лазо мы дошли почти до Белого дома и в течение двух часов вели ожесточенный бой с юнкерами. Юнкеров тогда мы не разбили, так как позиции белых были значительно лучше наших, но нам удалось в течение нескольких часов отвлекать силы противника, осаждавшего Белый дом.

Загудели тревожные гудки в Черемхове. Работа вся прекратилась, шахтеры вышли из шахт и повалили к клубу. Председатель нашего профсоюзного комитета сообщил, что в Иркутске подняли мятеж юнкера, что рабочие и солдаты просят нашей помощи. В это время докладчика прерывают голоса с мест: «Довольно, все понятно, мы должны выступить немедленно». Кто-то из товарищей объяснил, где мы можем получить оружие. Раздались голоса: «Быстрой, товарищи, время не ждет». Из клуба все направилось на станцию. Пришли на станцию и начали торопить начальника, чтобы быстрее подал поезд. Получили винтовки; знающие показали, как нужно с ними обращаться.

На следующий день, вечером, мы приехали в Иркутск. Нас послали в отряды. Я попал к Лазо. Он принял всех, переписал и разбил по-взводно вместе со старыми солдатами.

В эту же ночь мы пошли в бой. Я себя чувствовал скверно, жутко мне казалось, а потом ничего, привык.

Во время наступления Лазо приказал занять второй этаж и чердак одного из зданий, с которого было удобно стрелять по белогвардейцам, засевшим в Русско-азиатском банке. Названия улицы я и сейчас не знаю, так как в Иркутске никогда не жил.

Затем мы выбили юнкеров из этого здания и пошли дальше в наступление. Лазо сказал, что юнкеров надо во что бы то ни стало сегодня уничтожить. Мы заняли следующий дом и нашли там в подвале шесть офицеров. Я пробрался вдоль стены и бросил им в окно две гранаты: двух офицеров убил, а остальные сдались в плен.

Когда мы вошли в дом, Лазо обратил внимание на то, что я без шапки и что у меня отморожены уши. Я ему объяснил, что моя шапка слетела, когда я лез через забор. Тогда Лазо надел на меня офицерскую шапку и послал к воротам в караул. Я пошел. Вдруг ко мне подскочили незаметно другие часовые, взяли меня в приклады и как пойманного офицера повели к Лазо. Когда Лазо меня увидел, он рассмеялся до слез, но мне было не до смеха, — у меня болели бока. Я больше ни за что не хотел надевать эту гнусную шапку. Тогда Лазо сам спорол с нее офицерские канты, — пришлось ее снова надеть.

В свободное время после окончания боев Лазо вел с нами беседы о том, что значит политика и за что борется народ с капиталистами.

— Вся власть советам — вот мы сейчас за что боремся, — говорил Лазо, — а юнкера — они борются за капитал, а капитал даете им вы — рабочие и крестьяне, ваш труд им дает капитал.

В это время я стал понимать, что такое есть партия, и тогда же я и еще несколько наших шахтеров записались в партию большевиков.

О. ИОГАНСОН

ДВА ЭПИЗОДА

Большевики Иркутска не были застигнуты врасплох мятежом юнкеров. Они допускали возможность, что юнкера не подчинятся приказу о сдаче оружия и не разбегутся по домам. Для руководства военными действиями был создан штаб военно-революционного комитета.

Не дожидаясь окончания срока приказа о сдаче оружия, штаб начал действовать. В ночь с 7 на 8 декабря отряды советских войск заняли важнейшие стратегические пункты го-

рода и в том числе небольшой двухэтажный дом на Набережной улице у реки Ангара, в котором помещалась прогимназия Гайдук. С этого пункта легче было охранять понтонный мост. Мост был важен для нас потому, что он давал единственную возможность держать связь с предместьями Иркутска и с военным городком, откуда доставлялись для нас патроны и продовольствие. Только отсюда можно было ждать прихода подкреплений из других мест. Кроме того необходимо было держать в наших руках станцию Иннокентьевскую, в семи верстах от Иркутска. Здесь находилась 3-я школа прапорщиков — она могла помешать прибытию советских подкреплений по железной дороге. Но с юнкерами 3-й школы удалось сговориться просто: они согласились разойтись по домам, сдав оружие, если им выдадут на руки по 250 рублей и по отрезу сукна каждому. Вскоре школа опустела; станция была в наших руках, и штаб смог послать телеграмму о мятеже юнкеров в Канск, Красноярск и в другие места. Благодаря этому в Иркутск начала прибывать помощь. А помощь была необходима. Белые имели в своих руках пулеметы, бомбометы, гранаты — они были прекрасно вооружены. На их стороне выступили помимо двух школ прапорщиков военное училище, казачья сотня, кадеты, гимназисты и реалисты старших классов.

Лазо прибыл со своим красноярским отрядом в Иркутск 10 декабря. Он сразу же бросился в гущу борьбы и находил время и для работы в штабе и для личного участия в боях на линии огня. Своим бесстрашием и быстротой ориентировки в условиях уличного боя Лазо заражал красногвардейцев, и они под его командованием проявляли чудеса храбрости, выбивая противника из захваченных им домов.

В недолгие часы боевой передышки он сам обучал в казармах новые отряды красногвардейцев, ярко и образно показывая им правила уличного боя. Его урок состоял из кратких пояснений и показа военных приемов, причем он тут же чертил элементарные планы и схемы боев.

После таких занятий Лазо снова шел в бой с мятежниками. Он всегда сам водил свои отряды в атаку, хотя не раз говорил, что при правильном ведении боя командование должно находиться в безопасном месте. Но время было такое, когда только что организованные отряды необходимо было воодушевлять примером личной храбрости и бесстрашия.

В те дни, работая в нашем штабе, я постоянно имела возможность наблюдать действия Лазо. Когда я вспоминаю о встречах с этим человеком, мне хочется рассказать два эпизода.

В штаб, находившийся в прогимназии Гайдук, поступило требование — помочь раненым на Троицкой улице. С одним из товарищей я немедленно отправилась к раненым. На пути

встречаем Лазо. На минуту останавливаемся и делимся мыслями о том, как важно удержатъ Троицкую улицу и прилегающий к ней район, потому что наш штаб — рядом, а белые все время пытаются наступать.

Пока мы говорим с Лазо, вдруг совсем близко начинается перестрелка — мимо нас свистят пули, слышны пулеметные очереди. Лазо быстро затащил меня за какой-то дом и говорит: «Надо забраться повыше — посмотреть, в чем дело». Мы пробрались дворами до церкви и поднялись на колокольню. Был уже поздний вечер. Но все-таки можно было заметить, что по улице, с которой мы только что ушли, движется какой-то неопределенный предмет, словно мешок с вещами. Мы перегнулись через перила колокольни, вглядываемся пристально и слушаем. «Мешок» продолжает двигаться.

Лазо мне говорит:

— Военная хитрость! Это пулемет на лошади, закрытый брезентом.

Он быстро откачнулся всем корпусом от перил и бросил вниз гранату, затем — другую. Перегнувшись через перила, Лазо посмотрел вниз и говорит мне:

— Кажется, из кое-кого уложил — кто-то ползет на четвереньках. Но вы, товарищ Ольга, пока не спускайтесь. Не знаю, спибу ли я пулемет по-настоящему или юнкера нас обманывают.

Он бросил еще одну бомбу и, едва смолк грохот от взрыва, быстро начал спускаться с колокольни.

Я пристально смотрю вниз, на улицу, и вот вижу, что Лазо уже там, но как только он стал приближаться к пулемету, несколько человек бросилось на него с криками: «Стой!» Лазо начал отстреливаться и пятиться назад. Отступил он в ближайший двор и, все время отстреливаясь, вернулся в расположение наших отрядов, где он был нужнее всего. Юнкера преследовали его с винтовками, но пулемет их молчал. Пулемет врага Лазо уничтожил.

Лазо в совершенстве владел метанием ручных бомб. По очереди с одним из командиров отряда он уходил «бомбить» белогвардейцев. Красногвардейцы еще не умели как следует обращаться с бомбами, и надо было одновременно защищать такой важнейший стратегический пункт, как подступ к штабу, и обучать красногвардейцев.

На пятый день боя пришел ночью в штаб один товарищ, говорит, что надо покормить Лазо — он сутки ничего не ел. Я отправилась с Новосадской сменить товарищей, помогавших в бою раненым. У нас был свой Красный крест, так как почти весь медицинский персонал Иркутска оказался на стороне белых. Наших они не только не подбирали, но даже, когда мы сами привозили раненых в больницу, приходилось персонал заставлять одной долать порыважи. Отправляясь на смену,

я захватила с собой кое-что, чтобы Лазо перекусил хотя бы на ходу.

Идем с Новосадской по набережной. Перестрелки не слышно. Тихо. Ночь. Вдруг кто-то кричит: «Стой! Что несете?» Оказывается — наши, несколько красногвардейцев. Разговариваем с ними; неожиданно откуда-то прибегает Лазо, говорит красногвардейцам:

— Один беги в штаб, а все остальные за мной!

Новосадская предлагает ему:

— Сергей, возьми что-нибудь, поешь!

— Не до того! Идите на колокольню — ждите там!

Но мы его не оставили, пошли с Новосадской следом за ним — посмотреть, куда он повел отряд. Оказалось, что Лазо решил предпринять важную для нас разведку. Мы не знали точно, где штаб белых. Но по Троицкой улице туда и обратно все время шныряли подозрительные люди. Очевидно, там было сосредоточено какое-то руководство. Лазо останавливает свой отряд и объясняет, что надо сейчас же пойти и проведать, что там находится. Наши люди несколько суток не спали и почти не ели — все время были в боях, на морозе. Один из уставших красногвардейцев вдруг заколебался. Он остановился и сказал Лазо:

— Пойдешь на Троицкую — тебя там и кокнут!

Новосадская попробовала пристыдить его:

— Лазо знает, о чем говорит! Надо быстро действовать, а то за разговорами нас всех здесь захватят.

Но на красногвардейца это не оказало никакого впечатления. Тогда Лазо взял оробевшего за рукав и, сказав ему: «Пошли», сам двинулся вперед. В его голосе не звучало никакой угрозы, но тон его был таким отеческим и вместе с тем в нем чувствовалась такая абсолютная уверенность и непобедимая сила, что красногвардеец уже без всяких раздумий пошел за ним следом навстречу опасности.

Благодаря этой разведке Лазо своевременно смог предупредить наш штаб, что на него готовится наступление.

Лазо попевал всюду. Он оказывал нам громадную помощь, но сам этого словно не замечал.

Лазо был очень чутким товарищем, скромным, иногда даже застенчивым. Когда ему кто-нибудь напоминал, как он здорово дрался, он начинал говорить о других.

В ПЛЕНУ

Часть руководящих советских и партийных работников Иркутска осталась в момент восстания в так называемом Белом доме, бывшем дворце губернатора. Оружия у них нехватало; особенно острый недостаток испытывали они в патронах, а также в продовольствии. В течение всего восстания Белый дом был отрезан от основных сил красных; юнкера неоднократно предпринимали на него атаки, и перед самым концом восстания они его захватили.

Я помню ночь, когда Лазо должен был идти в наступление и освободить товарищей, отбывавшихся в Белом доме. В одной из комнат бывшего почтово-телеграфного управления среди груды наваленных на пол винтовок Лазо обсуждал с товарищами план действий. Лазо очень устал. На нем была старая солдатская шинель, длинная и сильно потрепанная; на ногах большие валенки с задранными кверху носками; голова глубоко ушла в солдатскую ушанку.

Товарищи, зная, какое трудное дело ему предстоит, начали уговаривать Лазо поесть немного и отдохнуть. Он сначала как будто бы согласился, сказал: «Полежу немного». И вытянулся вдоль стены на скамейке. Мы вышли на разведку. Слышим — сзади шаги. Оглядываемся, а это, оказывается, Лазо идет за нами следом. Товарищи без стеснения приняли его ругать за то, что он не хочет отдохнуть перед серьезной операцией. Но он так и не вернулся, идет следом, словно нас не слышит, идет и улыбается.

Дня через три я попала в плен. Юнкера посадили меня в подвал 2-й школы прапорщиков. На другой день утром влетает туда юнкер и, захлебываясь от радости, говорит часовому:

— Хорошая ночь у нас была: сегодня мы взяли в плен эту бандитскую сволочь — офицера Лазо!

Услышав эту новость, подошло еще несколько юнкеров. Один из них закричал:

— Какой там офицер — этот Лазо: он позорит офицерский мундир — связался со всяким сбродом и выступил против нас с целым отрядом!

Затем юнкер начал со смаком рассказывать своим приятелям, как начальник их белого штаба бил Лазо по лицу, когда его привели под арест.

В сумерках один из арестованных подполз ко мне и сказал:

— Сестра, не бойся, я свой. Наши тоже здесь. Я — отделенный Лазо. Мы отстреливались в училище слепых. Юнкера зашли со двора, с тыла всех захватили. Лазо увели в юнкерское училище. По дороге его били. Опасаюсь, как бы совсем не дончили.

Впоследствии один товарищ, арестованный юнкерами вместе с Лазо, рассказывал, что в плену Лазо держался с исключительной стойкостью и за это подвергался издевательствам со стороны белых. Они его ненавидели — ведь он был офицером.

В камере Лазо ободрял других товарищей. Не желая терять времени, он начал заниматься математикой, которую очень любил. Вынув из кармана огрызок карандаша и клочок бумаги и вытянувшись на полу, он решал, не обращая ни на кого внимания, математические задачи...

Юнкера торжествовали. Им казалось, что если Лазо взят в плен, — красные дрогнут. Но этого не случилось, ибо на подмогу Иркутскому военно-революционному комитету подошли отряды Красной гвардии из других городов Сибири. Белогвардейский мятеж был ликвидирован.

Руководители мятежа бежали из своего штаба и укрылись в одном из иностранных консульств Иркутска. Консулы Франции, Англии и Японии явились к нам в штаб, находившийся в то время в предместье Иркутска — в Глазкове. Они требовали письменной гарантии неприкосновенности жизни и имущества иностранных подданных. Во время переговоров консулы сделали также попытку выговорить для разбитой контрреволюции более выгодные условия сдачи и чтобы юнкерам и офицерам оставили оружие для «самообороны».

От имени советской власти делегацию принимал Лазо, владевший в совершенстве французским языком.

С большим достоинством Лазо указал консулам, что местные органы советской власти не могут допустить вмешательства иностранцев во внутренние дела России и отказываются от дальнейшего обсуждения последнего вопроса. Лазо потребовал также от консулов выдачи укрывшихся у них мятежников.

Во время переговоров Лазо проявил себя настоящим дипломатом-большевиком, умело отстаивающим интересы революции.

Так был ликвидирован мятеж, и в двадцатых числах декабря Лазо был назначен военным комендантом и начальником иркутского гарнизона.

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИРКУТСКИХ СОБЫТИЯХ

(декабрь 1917 года)

ИНФОРМАЦИЯ ЦЕНТРОСИБИРИ О РЕЗУЛЬТАТАХ ИРКУТСКИХ БОЕВ

Количество жертв не установлено. Предполагается, что общее количество убитых и раненых с обеих сторон 1 000 чел.

Потери юнкеров: военного училища — убитых 17, раненых 55; первой школы — убитых 11, раненых 76; 2-й школы — убитых 3, раненых 45. Среди раненых большая смертность.

Центральная часть города, где засели юнкера (Большая улица), пострадала от орудийных снарядов. Много зданий сгорело. Убытки миллионные. Сожжен снарядами государственный банк, представлявший собой заслон 2-й школы прапорщиков, в распоряжении которой имелось немало пулеметов. Сгорел пассаж Вророва.

Русско-азиатский банк разгромлен. Пострадали музей и колокольня Тихвинской церкви, откуда действовали пулеметы юнкеров. Пострадало много гостиниц и домов.

Во время восстания были грабежи, производимые уголовными элементами... Грабежами занимались также казаки и преступный элемент. Комендантом города назначен прапорщик Лазо...

Сообщение восстановлено, телефон и электрическое освещение исправляются. Железнодорожное сообщение не прерывалось. Иногородние части войск возвращаются обратно с взятыми от юнкеров пулеметами.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ИРКУТСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Рассматривая выступление юнкеров и казаков 8—17 декабря как восстание против Октябрьской рабоче-крестьянской революции, восстание против доподлинной народной власти — власти советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вся ответственность за которое ложится на те политические партии и группы, которые все время вели систематическую борьбу против советов, против рабоче-крестьянской революции и которые вооружали юнкеров политически и материально. Констатируя, что советские войска иркутского гарнизона и красногвардейцы, советские войска, солдаты и красногвардейцы соседних городов, мужественно отстаивая с оружием в руках завоевания рабоче-крестьянской революции, покрыли себя неувядаемой славой защитников рабоче-крестьянского дела, Иркутский совет рабочих и солдатских депутатов в заседании 22 декабря вновь подтвердил, что только власть рабочих, солдат и беднейших крестьян есть единственная власть, могущая защищать интересы городской и деревенской бедноты.

Совет постановляет:

1. Вся полнота власти в г. Иркутске, губернии и округе переходит к Иркутскому совету рабочих и солдатских депутатов и окружному бюро советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири...

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

Н. МАТВЕЕВ

БОРЬБА ЗА СОВЕТЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Отечественная и зарубежная контрреволюция, организуя и расставляя свои силы против пролетарской революции, одним из своих пунктов для нападения наметила Забайкалье.

Среди активных организаторов контрреволюции в Забайкалье есаул Семенов, сын крупного скотовода-казака, занимает самое видное место.

Главными его помощниками были генерал Шильников и член IV Государственной думы кадет Таскин, — оба забайкальцы, сыновья крупных казаков-кулаков, — прибалтийский барон Унгерн-Штернберг и подъяеул Тирбах.

В июле 1917 года Семенов со своим полком находился в Персии. Отсюда он написал военному министру Керенскому письмо с резкой критикой мероприятий Временного правительства. Есаулу эти мероприятия казались недостаточно сильными для того, чтобы «возродить армию» и задуть революцию.

В конце письма Семенов ходатайствовал о разрешении ему формировать монголо-бурятский полк. Просьба есаула Семенова Керенским была удовлетворена. Всероссийский комитет по организации Добровольческой армии, которую формировали для разгрома революции, назначил Семенова своим комиссаром

по организации добровольческих конных отрядов в Забайкальской области.

В сентябре 1917 года Семенов разослал по станциям, станциям и улусам Забайкалья вербовщиков.

Семенов лично побывал в станицах, всюду ведя агитацию, вербуя и устанавливая связи с бурятскими богачами и ламами, с кулаками и офицерами. Выбранный им район был богатый, скотоводческий. Вербовка и организация велись по двум направлениям: одна, так сказать, в легальный монголо-бурятский полк, другая — в тайные ячейки, в отряды для будущей контрреволюционной армии. Первоначальным местом формирования монголо-бурятского полка была станция Березовка, близ Верхнеудинска.

Из нескольких сотен завербованных Семеновым людей в монголо-бурятский полк явилось только ничтожное количество. В самом полку стали наблюдаться панические настроения.

Поняв, что Березовка — пункт неподходящий и для него опасный — не сегодня, так завтра его отсюда выбросят, — Семенов решил поскорее убраться на юг, в скотоводческий район, где были расположены богатые казачьи станицы. Он направился в пограничный поселок Манчжурия, на иностранную территорию. Там его уже с нетерпением поджидали японцы, англичане, французы и скопище белогвардейцев.

Поселок Манчжурия был, несомненно, удобным пунктом для нападения на советское Забайкалье. Взятие Читы отрезало бы весь Дальневосточный край от советской республики. Станция Манчжурия, расположенная на границе, с китайской стороны охранялась китайскими войсками. Восточно-китайская магистраль давала возможность Семенову сноситься с союзниками и получать от них вооруженную помощь. Кроме того на станции Манчжурия скопилось огромное количество ценных грузов, принадлежавших России, — было чем поживиться и пограбить.

Перед самым выездом со своим полком из Березовки в Манчжурию Семенов 18 ноября при участии местных белогвардейцев произвел нападение на станцию Верхнеудинск.

Перебраться в Манчжурию было легко: людей мало, багажа и инвентаря никакого. В Манчжурии Семенов при помощи китайского гарнизона разоружает 720-ю Пермскую дружину; терроризирует рабочих, порет одиночек-солдат, захваченных в поездах; расстреливает харбинского комиссара Аркуса и командированного из советской России матроса Кудряшева.

Семенов принимает в монголо-бурятский полк — офицеров, казаков, солдат, юнкеров, гимназистов, студентов, японцев, бурят, монголов, китайцев, хунхузов, сербов, французов, англичан и пр., по политическим убеждениям — монархистов, кадетов, эсеров, энесов и меньшевиков. «Надо всем сообща победить большевиков», говорил Семенов. Он формирует целую армию.

С 10 января 1918 года было приступлено к укомплектованию ее пехотой, артиллерией и пр. Эта армия получила наименование: «Особый манчжурский отряд» (ОМО).

За средствами дело не стало. Атаман захватил огромное количество грузов в Манчжурии, адресованных в Россию. Стоимость этих грузов по интендантской оценке равнялась 18 730 669 рублям. В феврале потянулись наперебой к Семенову щедрые руки союзников — организаторов интервенции. Сотни тысяч рублей дали вначале английское и французское правительства. От Японии через капитана Куроки получено 2 906 428 рублей. Это была ее первая подачка. С мая Япония берет Семенова на свое полное содержание.

Она снабжает его деньгами, оружием, снаряжением, продовольствием. 13 марта в его отряд прибыла с артиллерией первая группа японцев — 4 офицера и 47 солдат. Несколько позднее — вторая партия японцев в четыреста человек. Это был авангард интервентской армии, идущей на помощь Семенову.

Япония 25 марта навязывает Китаю соглашение, по смыслу которого Китай в случае оккупации Японией советской территории окажет ей в этом всяческое содействие, вплоть до вооруженной поддержки.

После наглой провокации 5 апреля Япония высадила во Владивостоке десант. Именно в этот период Япония предпринимает первые решительные шаги по осуществлению своих захватнических планов.

НАШИ СИЛЫ

Еще летом 1917 года члены районного комитета большевиков станции Чита 1-я товарищи Перевозчиков и Наумов начали организацию вооруженного отряда железнодорожников. Рабочие мастерских и депо выделили около ста человек, преданных революции. Из них была сформирована дружина под командой хорошо знакомого с военным делом большевика Недорезова. Удалось нелегально получить винтовки с патронами, и дружина занялась обучением военному делу. Постепенно началась организация вооруженных красных сил и в других местах. Июльские дни в Петрограде и корниловское выступление вызвали бурный рост красногвардейских отрядов.

В Верхнеудинске руководимое большевиками Центральное бюро профсоюзов организовало отряд Красной гвардии, доведя в ноябре 1917 года его состав до трехсот человек. Тогда же в Иркутске было получено триста винтовок с большим количеством патронов; удалось приобрести и пулемет. В сентябре были организованы небольшие отряды — на Петровском заводе, на Онохойском лесопильном заводе, на станции Хохотуй; был отряд и на Арбагарских угольных коях.

Почти по всем деповским станциям Забайкальской железной дороги создавались отряды.

Однако все эти отряды Красной гвардии не были прочно связаны между собой, они не имели общего военного руководства. Часть красногвардейцев еще находилась под влиянием эсеров и анархистов.

Но вот долетели до Забайкалья вести об Октябрьской революции. Победа пролетариата в далекой столице воодушевила рабочих. Ряды Красной гвардии начали пополняться, она была централизована, и во главе ее стал единый штаб. В отрядах Красной гвардии, разбросанных по станциям железных дорог, было около двух тысяч человек. К этому следует добавить небольшое количество вооруженных солдат, которые вернулись в свои села с фронта империалистической войны.

И все-таки вооруженные силы контрреволюции имели в январе 1918 года явный перевес над нами. В ту пору власть в Забайкалье принадлежала эсеро-меньшевистскому «Народному совету», который, разоружив отряд Красной гвардии в Чите, вступил с атаманом Семеновым в переговоры и дал ему обязательство не допускать установления советской власти в Забайкалье. Таким образом, под крылышком «Народного совета» семеновщина могла собирать и вооружать свои кадры почти беспрепятственно. В самой Чите на стороне контрреволюции были 1-й Читинский казачий полк, запасная казачья сотня и немалое количество офицерства из распущенных дружин гарнизона белогвардейцев, а также из числа бежавших сюда из Иркутска. В станицах и в поселках, расположенных близ Читы, было наготове вооруженное кулачье. В Нерчинске каждую минуту готов был присоединиться к Семенову 1-й Нерчинский казачий полк.

Такое соотношение вооруженных сил создало угрожающую обстановку для советской власти в Забайкалье. Наступление врагов началось. Атаман Семенов направил против Читы боевой дивизион под командой сотника Почекунина. 16 января этот дивизион занял станцию Оловянную и двинулся дальше. Семенов обратился за содействием в самую Читу к командирам 1-го Читинского полка. Положение Читы становилось почти безнадежным.

В конце января в Чите было получено известие: сюда с фронтов возвращаются казачьи полки. Но еще много было пережито тревожных часов, прежде чем мы узнали, кто едет к нам: друзья или враги? По одной версии, эти полки были настроены контрреволюционно, по другой — они сторонники советской власти.

Помню, как меня и моего брата Евгения пригласили по телефону в совет рабочих и солдатских депутатов. Комната совета была переполнена рабочими. Они были встревожены слухами о возвращавшихся полках. Нас забросали вопросами: «Что слыш-

но о полках? Что они замышляют? Скажите, кто ими верховодит?»

Наконец была получена радостная весть: казаки уже прибыли в Иркутск и выносят резолюции за поддержку советской власти.

Вскоре в Читинский областной комитет большевиков приехала делегация от двух казачьих полков, готовых оказать вооруженную поддержку рабочим.

Областной эсеро-меньшевистский «Народный совет» 16 февраля был разогнан и провозглашена советская власть. Теперь читинские большевики развернули организацию сил для борьбы с Семеновым. Приводится в боевой порядок Красная гвардия, и формируются новые рабочие отряды.

Возник важный вопрос о назначении командующего фронтом. На такой пост надо было подыскать товарища, который сочетал бы в себе большой военный опыт, популярность среди масс и горячую преданность пролетарской революции. При назначении командующего надо было помнить, что в стане врагов — у Семенова — много опытной военщины: генералов и полковников, строевых и штабных. Там были специалисты не только из бывшей царской армии — Семенову помогали и офицеры иностранных армий.

Центросибирь выдвинула на пост командующего товарища Лазо. Мы, читинцы-большевики, впервые услышали эту фамилию.

За несколько дней до отправки отрядов Красной гвардии на фронт (в конце февраля) в кабинет председателя исполкома Забайкалья вошел высокий, еще совсем молодой человек, в длинной потертой и как бы задымленной шинели. На нем не было никакого оружия, — на перекинутом через плечо ремешке висел один только бинокль. Вытянувшись по-военному перед председателем, он скромно, с оттенком смущения, произнес:

— Я командирован на фронт. Моя фамилия — Лазо.

Не торопясь, он вынул из кармана мандат и передал его председателю. В кабинете в это время находилось несколько членов комитета.

Председатель сказал:

— Знакомьтесь, товарищи, с нашим главкомом!

Пожали друг другу руки. Кто-то предложил кресло. Лазо сразу же, по-деловому, сообщил нам о положении в Сибири и о том, что думает предпринять Центросибирь в отношении фронта. Мы, в свою очередь, рассказали ему о Забайкалье, о силах и замыслах контрреволюции. По его вопросам и репликам видно было, что он хорошо осведомлен и в наших забайкальских делах. В конце беседы Лазо сказал, что перед выездом на фронт он считает необходимым ближе познакомиться с рабочими Читы.

Мы обещали немедленно организовать ряд собраний. После ухода Лазо один из наиболее сдержанных членов комитета сказал:

— Выйдет ли из него командующий фронтом — трудно сейчас сказать. Посмотрим. Но похоже, что иркутские товарищи не ошиблись, выдвигая его на такой ответственный пост.

Через два дня состоялся митинг в железнодорожных мастерских, на котором Лазо выступил с докладом. Митинг был огромный.

Рабочие слушали Лазо внимательно. По мере того как он говорил, интерес к его речи возрастал все больше и больше.

Лазо не был блестящим или красноречивым оратором, как его характеризуют некоторые из товарищей в своих воспоминаниях. В его речи не было особенных, своеобразных оборотов, неожиданных, метких слов, юмора и литературных сравнений. Он говорил просто, но не упрощенно, не шаблонно, не книжным языком. Он излагал свои мысли ясно и точно, всегда по существу вопроса, всегда деловито и был скуп на жесты.

Однако его речь не была сухой, бесстрастной. В тоне его голоса чувствовались искренность, задушевность и убежденность. Когда он говорил о волнующих вещах, когда он обращался к собранию с призывом, голос его креп и звучал громче...

НА ФРОНТ

Вскоре после митинга в мастерских Лазо уехал на фронт. Атаман Семенов в то время занимал линию железной дороги от станции Даурия до границы. Первые же бои в конце февраля принесли Семенову поражение. Он был отброшен за границу, в Манчжурию, в объятия японцев. Особенно сдрейфил Семенов перед 1-м Аргунским казачьим полком под командой есаула Метелицы. Этот отважный революционный полк был известен Семенову еще по фронту империалистической войны.

Опасаясь, как бы Лазо не перешел границу, китайские власти под давлением белогвардейцев и интервентов выставили на границе заслон из воинских частей. Одновременно с китайцами было заключено перемирие, и они взяли на себя обязательство не пропускать Семенова в Забайкалье до 5 апреля.

Лазо, заключив перемирие, занялся формированием боевых сил.

Казачьи полки, увлекшись первой победой над Семеновым, недооценили опасность, к тому же, измученные четырехлетней империалистической войной, они стремились в свои родные станицы и начали просить отпустить их домой на побывку. Они обещали возвратиться по первому же зову Лазо.

Лазо понимал всю опасность положения и предупреждал казаков, чтобы они не поддавались демобилизационным настроениям. Казаки разъехались, обещав на местах помогать укреплению советской власти. Помимо казаков пришлось снять с фронта значительную часть красногвардейцев Читинских мастерских — рабочие нужны были на производстве. На месте победы на Китайской железнодорожной ветке остался против Семенова лишь небольшой заслон.

Лазо, имея сведения о вооруженной силе Семенова, незадолго до срока окончания перемирия послал в Иркутск и Читу такую телеграмму:

«Товарищи! Приближается день решительной борьбы с семеновщиной. 5 апреля кончается срок, до которого по соглашению с китайцами Семенов не будет пропущен через границу. Спешите послать к этому дню все свои силы, все отряды. Посылайте людей только хорошо вооруженными, одетыми, обутыми — у нас здесь ничего нет. Предстоит упорная борьба. Знайте — наш враг силен, хорошо вооружен».

Иркутск и Чита во время перемирия вели подготовку к дальнейшей борьбе с Семеновым. Первый съезд советов Забайкалья в марте вынес постановление о срочной организации Красной армии из добровольцев и Красной гвардии. Совнарком и облисполком, избранные на этом съезде, немедленно разослали на места уполномоченных по вербовке добровольцев.

БОРЬБА В РАЗГАРЕ

Семенов, воспользовавшись перемирием, организовал отряд, доведя его численный состав до десяти тысяч человек.

Хунхуз Ли Хун-чен собрал для Семенова 1200 хунхузов; явились 800 воинственных харачен из монголов, примкнуло к нему около 400 китайцев — дезертиров из китайских частей, мелкие торговцы и др.

Наконец 8 апреля Семенов объявил мобилизацию всех офицеров и казаков Забайкальской области. Он широко распространял свои воззвания по Сибири. В числе его агитаторов было немало эсеров и меньшевиков.

Атаман Семенов выступил из Манчжурии 5 апреля. К нему присоединились восставшие против советской власти казаки ряда станиц, расположенных вблизи границы. Красный заслон не выдержал натиска и, неся потери, отступил по линии железной дороги до станции Адриановка. Мост через реку Онон был взорван. Благодаря этому удалось несколько задержать главные силы противника. К тому же занятие Оловянной Семеновым совпало с пасхой. Атаман с командной верхушкой решил отпраздновать победу в Манчжурии. Изрядно выпил там и задержался.

КАРТА

ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

100 0 200 км
Масштаб

- Государственные границы
- - - Границы губерний и областей
- - - окрестностей
- уездов
- Железные дороги

На этот раз передышка была недолгой. Банды атамана хлынули по станицам и волостям. Свиные хунхузы, японцы, сербы, ухари-казаки, офицеры, молокососы-гимназисты — все они жгли дома, тащили «добро», насиловали женщин, рубили людей пашками и расстреливали.

Заняв южную часть Забайкалья, семеновцы всюду на своем пути творили зверские расправы над большевиками, над представителями советской власти и над всеми, кто казался им подозрительным. Местное кулачье и попы оказывали бандам всемерную помощь. Карательные экспедиции рыскали по занятой семеновцами территории.

В одной из своих летучек атаман Семенов объявил: «Считаю долгом совести предупредить вас, что с движением моим по Забайкалью буду предавать смертной казни всех тех, кто будет оказывать противодействие моему отряду...»

Беженцы и нарочные разнесли по станицам и волостям Забайкалья весть о нашествии семеновцев. Партийная организация бросила клич: взяться за оружие, восстать и уничтожить банды, защищать советскую власть. По станицам и волостям начались митинги, собрания, сходь.

Трудовое население — бедняки и середняки — несмотря на бешеную агитацию эсеров и меньшевиков, всех этих агентов Семенова, начало организовываться в отряды, сотни и полки. Все это создавалось в пылу борьбы, иногда в один день, в одну ночь. Люди зачастую попадали в отряд прямо с митинга, с казачьего схода, с полевых работ. Местные большевики и фронтовики были первыми застрельщиками и организаторами восстания против Семенова.

Рабочие железнодорожного транспорта, шахтеры каменно-угольных копей, рабочие золотых приисков и других предприятий взяли за оружие, строились в роты и батальоны. Военнопленные мадьяры и немцы формировали свои части.

И все эти отряды по разным дорогам Забайкалья направлялись на фронт в распоряжение Лазо.

Семенов, заняв Оловянную и ряд пунктов вблизи Забайкальской железной дороги, создал непосредственную угрозу Чите.

Еще 11 апреля областной партийный комитет и исполком советов выпустили обращение к населению с призывом «браться за оружие» и объявили Забайкальскую железную дорогу и Читу на осадном положении. Тогда же вся полнота власти по области была передана военно-революционному штабу в составе И. Бутина, Д. Шилова и Н. Матвеева. Этот штаб пришел к выводу, что одним забайкальцам не под силу ликвидировать Семенова. Штаб и партийный комитет разослали телеграммы сибирским и дальневосточным советам с призывом о срочной помощи.

На военно-революционный штаб легла вся тяжесть подго-

товки людских резервов, оружия, продовольствия, финансов и всего необходимого для фронта.

Сибирские и дальневосточные советы откликнулись на призыв забайкальцев и двинули в срочном порядке значительные вооруженные силы, которые уже в конце апреля начали прибывать в Адриановку, где в то время находился Лазо со своим штабом.

Из Владивостока, Благовещенска, Омска, Иркутска, Новониколаевска, Красноярска, Черемхова, Кургана, Канска и Барабинска прибывали красные полки и отряды. Прибыли артиллерийский дивизион и несколько отдельных батарей, при них двадцать орудий, около тридцати станковых пулеметов и два примитивных бронепоезда. Пришли сформированные в Забайкалье 1-й Аргунский казачий и 1-й революционный полки, рабочие отряды Читы, станций Хилок и Оловянной, Черновских и Арбагарских угольных копей. Таким образом, выросла армия до девяти тысяч бойцов.

Часть этих революционных сил двигалась на фронт по линии железной дороги. Другая же часть — повстанцы северо-восточного Забайкалья — шла из своих станиц и сел разными путями, по трактам и проселочным дорогам, а то и просто по тропам, напрямик, через горы и пади. Некоторые отряды оказывались где-то на отлете, за сотню-другую верст от штаба фронта, даже в тылу противника (например, копунцы, зоргольцы и газимурцы). Случалось и так, что отряд на своем пути встречался с отдельной семеновской бандой и вступал с нею в бой.

При такой разбросанности и отдаленности повстанческих отрядов от штаба фронта, конечно, невозможно было в ближайшее время установить с ними более или менее прочную связь и единый план действий. Поэтому большая часть этих отрядов до взятия 11 июня главными силами Лазо станции Борзя вела партизанскую войну с противником.

Как только к началу мая в Адриановку, где находился штаб фронта, прибыли значительные подкрепления, Лазо с присущей ему энергией в течение нескольких дней сформировал из них и бывших у него до этого частей основательную ударную группу и повел наступление на Семенова, занимавшего Оловянну.

Вся ударная группа состояла почти исключительно из рабочих и матросов. Лазо непосредственно руководил этим наступлением, находясь на бронепоезде.

Противник оказывал упорное сопротивление, но не выдержал натиска красных и отступил за реку Онон. Красные заняли Оловянну 18 мая.

Продвигаясь с боями дальше, Лазо 11 июня занял большую станцию Борзя. Отсюда он устанавливает связь с отдаленными отрядами, производит учет их, подчиняет единому командо-

ванию и единому плану действий. Лазо носится на автомашине «чандлер» от одного отряда к другому и лично выясняет количество оружия, боевых припасов; переформирует, когда нужно, отряды; воодушевляет бойцов, призывая их к стойкости, мужеству в борьбе с врагами советской власти.

ЛАЗО О БОЙЦАХ СВОЕЙ АРМИИ

Когда обстановка на Забайкальском фронте позволяла отлучиться на короткое время, Лазо приезжал в Читу на сутки или на двое. Он приезжал не отдохнуть, не развлечься — на это у него не было времени. Надо было информировать областной центр и получить необходимое для фронта: деньги, продовольствие, оружие и пр. Лазо заботился о бойцах и думал о всех нуждах фронта.

Обычно Лазо приезжал с фронта в теплушке. Никаких торжественных встреч ему не устраивали. Останавливался он всегда в незатейливой квартирке товарища Кларка — командира одной из лучших казачьих сотен. Квартирка находилась в железнодорожном поселке Чита 1-я. Это очень устраивало Лазо — здесь он был ближе к рабочим, а повидаться с ними, поговорить, послушать их — к этому Лазо всегда стремился.

В один из таких приездов Лазо в Читу я попросил его рассказать о наших фронтовых частях. Я не могу восстановить в памяти все сказанное им; передам только основное содержание его высказываний. Самые лучшие части — красногвардейские, говорил он. Поскольку там главным образом рабочие, то о настроении их и говорить не приходится. Здесь все прочно, устойчиво — по-большевистски крепко. Политическое влияние рабочих на крестьян огромное. Особенно ценно их влияние на казаков, но военная подготовка рабочих слабее. Встречается среди них немало таких товарищей, которые впервые держат винтовку в руках. Учатся в бою. Но рабочие отряды идут в бой смело, самоотверженно, и я лично руковожу ими в бою.

Казаки-забайкальцы, ставшие в наши ряды, любят не без гордости называть себя повстанцами и партизанами. Непримируемость их к атаманщине, к старому строю несомненна. Они за советскую власть. Что они сохранили от прошлого — так это свою, казачью, войсковую выучку: умение владеть оружием, ездить ловко на лошади, быстро освоиться со строем и, наконец, дисциплину. Я говорю только о молодых, не отбывавших воинскую повинность. Их много в наших рядах. Что же касается отбывших службу, тем более участников империалистической войны, — так это подлинные бойцы. Для них ничего не стоит сформироваться в сотню, в полк на любом, что называется, аллуре. Самый лучший у нас полк — Аргунский. Им командует Балябин, мой ближайший помощник. Всем хо-

рош Балябин, только вот имеет слабость к выпивке. Самая образцовая сотня — «кларковская». Сам Кларк — рабочий, но подружился с казаками и приобрел у них авторитет.

— Что еще сказать о наших казаках? Вы их сами хорошо знаете — вы же из казаков, — сказал Лазо с лукавой улыбкой. — Спаянный народ: земляки, кумовья, сваты... Ну, иногда и удирают от противника тоже дружно. Изредка и это бывало. Кажется, это называется «казацкой хитростью?» — Лазо добродушно засмеялся.

Хорошо дерутся интернационалисты. Среди них подавляющее большинство мадьяр (80—85%), остальные — австрийцы, немцы. Вы знаете, что я большой сторонник привлечения их на фронт. Это придает нашим рядам интернациональный характер. Все они — бывшие солдаты, с боевым опытом. В бою они стремительны, дерутся с темпераментом. Преданы революции. Но жаль — большевистская работа среди мадьяр ведется слабо. Мадьяр, политически подготовленных, мало. Русские большевики не знают мадьярского языка. Отряды, где были командиры-анархисты Лавров, Пережогин, вели себя безобразно.

Красногвардейцы и казачьи части не один раз требовали убрать с фронта анархистов. Вам уже известно, что я арестовал Лаврова и отправил в Иркутск на суд трибунала. Пережогин сбежал.

Совсем по-иному обстоит дело в тех мадьярских отрядах, которыми командуют большевики. Таких отрядов большинство. Тут налицо стойкость, дисциплина и порядок.

БОЙЦЫ О СВОЕМ КОМАНДИРЕ

Однажды приехали с Забайкальского фронта в Читу два командира — Балябин и Богомягков, два друга, оба казаки-забайкальцы, впоследствии убитые семеновцами.

В свое время, вернувшись с фронта с казачьей дивизией, Балябин и Богомягков приняли деятельное участие в установлении советской власти в Забайкалье и особенно энергично участвовали в формировании наших вооруженных сил против атамана Семенова.

По внешности и по складу характера эти товарищи не походили друг на друга. Балябин — широкоплечий, грузный, носил нависшие, как у запорожца, усы. Он был молчалив, несколько угрюм и грубоват. Богомягков — худощавый, подвижной и, в пример своему другу, разговорчивый, любил побалагурить и пошутить. Я спросил однажды Богомягкова:

— Ну, а как Лазо?

— О, Лазо — замечательный командующий. Он сочетает два качества: во-первых, даровитого штабника-организатора и, во-

вторых, когда это нужно, прекрасного руководителя боем. Он, действительно, воодушевляет бойцов, и они идут за ним в огонь и в воду.

Балябин добавил:

— Да, в бою Лазо находчив, смел и проворен!

Казак-взводный Коренев так рассказал мне про первую встречу с Лазо:

«Вот остановились мы у высоких сопок, которые нас защищали от обстрела со стороны Мадиевской и Тавын-Тологая. Лошадей опутали и пустили на острецы, а сами прилегли отдохнуть. На вершине одной из сопок чернел, как степной коршун, наш наблюдатель. Вдали белела палатка, в ней штаб бригады, куда собирались командиры на совещание.

Было жарко. Хотелось страсть как пить. Но воды вблизи не было. Некоторые ребята нашли между сопок лужицу. Скоро обозники привезли бочки с водой. Бросились мы все к бочкам. И что это за вода! Вся кишит червячками какими-то черноголовыми. Но жажда — не свой брат. Тянули воду сквозь зубы, а червячков выплевывали. У которых ребят были платки, так они цедили сквозь них — все же было лучше.

Вдруг на дороге запылил автомобиль. Кто бы это мог ехать? Говорят ребята, что автомобиль есть только у главкома. «Он, он беспрерывно, наш Лазо!» закричали радостно ребята. Автомобиль остановился у палатки штаба. И мы все кинулись туда. Каждому хотелось увидеть Сергея Лазо, про которого среди нас ходили разные чудеса. Тысячная толпа окружила палатку. Ждем выхода его. А никто из нас и не обратил внимания на высокого молодого человека, что стоял у самой палатки. Приняли за шофера. И по одежде-то похож. На голове помятая кепченка. На ногах ботинки с обмотками. Рубашка серая, и брюки такие же, заношены. Вот точь в точь так одетого шофера с грузовика растерзали семеновцы возле озера Зан-Аралтуя. Смотрю на авто, в нем пулемет и наган. Молодец главком, не с пустыми руками ездит!

И что же вы думаете — этот самый молодой человек, похожий на шофера, вдруг в один прыжок очутился на авто, сбросил с головы кепченку, выпрямился и к нашему удивлению крикнул: «Товарищи, внимание! Вы, очевидно, хотите послушать мои сообщения, и я тоже считаю это нужным, полезным...»

Тут мы и поняли, что перед нами сам Лазо. Батюшки, что произошло, поднялось... Крики, общий рев восторга: «Это ты, Лазо?.. А мы-то не узнали тебя... Да здравствует Лазо!»

А он стоит на авто, улыбается и ждет, когда мы замолчим. Долго не давали ему говорить, будто одурели. Он уж несколько раз взмахом руки пытался остановить нас, даже нахмурился, ерошил свои черные волосы. Наконец мы затихли.

Лазо понятно объяснил нам, за что мы боремся. Почему до

сих пор не можем разгромить белогвардейцев, их атамана — бандита Семенова. Кто ему помогает. Призывал нас, как только будет приказ, взять Мадиевскую и Тавын-Тологой и выбить противника из этих последних позиций.

После речи Лазо мы были уже не те. Я слышал, как один казак упрекал другого за такой поступок, на который раньше никто бы из нас не обратил внимания. Мы стали замечать друг за другом ошибки и стараться исправлять их: «Ты слышал, что говорил Лазо о дисциплине?»

Мы как следует стали чистить винтовки и клинки.

В чем была сила товарища Лазо? А в том, что он с первой встречи становился близким, родным, он заботился о нас, дорожил жизнью каждого из нас», закончил свой рассказ Корнев.

Одностаничник Корнева, командир сотни (фамилии не помню), рассказал мне такой случай про товарища Лазо:

«У нас было совещание в Даурии, в штабе фронта. Решали очень важный вопрос. В комнату входит группа рабочих-красногвардейцев и говорит: «Товарищ Лазо, у нас общее собрание. Мы тебя выбрали в президиум. Нас послали за тобой. Ждут». Лазо ответил: «Сейчас приду!» Но уйти ему скоро не удалось. Рабочие явились вторично: «Никак не можем без тебя решить один серьезный вопрос. Попали в тупик. Выведи ты нас из него. Собрание требует тебя». Лазо пошел. Рабочие были потом довольны. «Вот это голова, — говорили они про Лазо. — Живо распутал дело!»

ПОРАЖЕНИЕ АТАМАНА

Почти в течение четырех месяцев (апрель — июль) велась напряженная борьба на Забайкальском фронте. За это время атаман Семенов потерпел ряд поражений, но окружить его и уничтожить не удавалось. Как только наши части его настигали, он отходил к самой границе, под защиту китайских властей и союзников. Манчжурия была его волчьим логовищем, куда он нередко, основательно потрепанный красными, спасался. Там его подкармливали зарубежные стервятники и восстанавливали его силы для новых вылазок в Забайкалье.

У нас был большой недостаток в патронах и снарядах. Помощь со стороны Сибири и Дальнего Востока с июня месяца почти прекратилась — там возникли свои фронты против белогвардейцев и чехословаков. Это выступление контрреволюции осложнило наше положение на Забайкальском фронте. Лазо должен был перебросить значительную часть бойцов на помощь Центросибири. Кроме того был снят с фронта и направлен на борьбу с Калмыковым в Приморье 1-й Дальневосточный социалистический отряд.

Немалую помощь Семенову оказывали белогвардейские организации в тылу у красных. Особенно они обнаглели с момента выступления на западе и востоке чехословаков. В Чите же духовенство во главе с архиереем Мефодием и директором отделения государственного банка Веремеевым организовало заговор против советской власти. Однажды большая толпа ханжой, черносотенцев, переодетых офицеров и чиновников двинулась с хоругвями и иконами к тюрьме, чтобы освободить попов. Провокаторы открыли из окон стрельбу по толпе. Были убиты женщина и девочка. Пришлось вызвать роту красногвардейцев, которая произвела несколько залпов в воздух, — толпа разбежалась, и порядок был восстановлен.

Забайкальцы под командованием Лазо 27 июля героическим штурмом сбросили семеновские банды с горы Тавын-Тологой. Это была последняя их укрепленная позиция перед самой границей. Разбитый наголову Семенов, спасая остатки своих банд, не задержался на этот раз даже в поселке Манчжурия. Он откатился дальше, за сто верст — в Хайлар.

На Забайкальском фронте наступило затишье.

НОВЫЙ ФРОНТ

Часть красногвардейских отрядов была переброшена на Прибайкальский фронт. Лазо отозвали в Читу для организации новых сил на помощь Прибайкальскому фронту.

Здесь создавалось чрезвычайно серьезное положение. 11 июля чехословаки заняли Иркутск. Советские войска по линии железной дороги вели ожесточенные бои с противником.

Силы чехословаков были очень велики. Это были отборные, дисциплинированные, вооруженные до зубов войска с опытным командованием; их численность увеличивали белогвардейские части. На передовой линии чехословаков и белых действовало до десяти тысяч человек. Кроме того по Сибирской железнодорожной магистрали был расположен корпус чехословаков; из его шестидесятитысячного состава только четырнадцать тысяч было переброшено в Приморье, остальных чехи в любой момент имели возможность двинуть на Прибайкальский фронт для подкрепления.

Две с половиной тысячи красногвардейцев — черемховские, черновские и арбагарские шахтеры, рабочие Иркутских и Читинских мастерских, мадьяры — самоотверженно вели бои с многочисленным врагом на всем протяжении Кругобайкальской железной дороги. Особенно героически сражались курсанты Иркутской военной школы. Почти все они погибли. Под станцией Мурино красные уничтожили два полка противника. Но силы были неравные. Чехи наступали, пользуясь своим количественным превосходством, военным опытом, хорошим во-

оружием и помощью поднявшегося кулачья. Под станцией Посольская чехам удалось зайти к нам в тыл. Произошел жестокий бой. Под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника погибли сотни красногвардейцев во главе с командиром Метелицей. Группа красногвардейцев, приблизительно в четырьеста человек, сражаясь врукопашную, пробилась по линии железной дороги в направлении к Верхнеудинску. Остальные отряды ушли в горы.

Путь для чехословацких войск на восток был открыт. Только небольшие отряды красных в том или ином пункте самоотверженно задерживали продвижение противника по железнодорожной магистрали.

Чехословаки заняли 8 августа Верхнеудинск. Центросибирь эвакуировалась в Читу.

Помню, в августе на одном из заседаний облисполкома в Чите присутствовал Лазо. Сидел он в отдаленном углу зала. Я в первый раз видел его в сумрачном, задумчивом настроении. Мне показалось, что ему нездоровится. Во время перерыва заседания я вышел на балкон подышать свежим воздухом. Вслед за мной вышел и Лазо. Он сел рядом и тихо спросил:

— Вы познакомились с последней сводкой фронта?

— Да!

— Мы терпим такие поражения, одно за другим, — с горечью говорил Лазо. — Ну, пусть чехи сильнее нас, приходится отступать. Но как надо отступать? Организованно. Ведь на фронте немало испытанных боевых красных частей — они дерутся самоотверженно и погибают. Вся тяжесть многочисленного врага обрушивается на них. В то же время анархистские отряды позорно удирают с фронта, мародерствуют в тылу. Опять там Пережогин, Лавров и подобные им! Лаврова в Иркутске выпустили, не расстреляли. Почему? Это же явный предатель, а у него двухтысячный отряд. Анархисты — наше зло, беда! — Лазо положил руку на мое плечо. — Поневоле, товарищ Матвеев, я впал в несвойственное мне настроение.

— Насчет анархистов у нас не может быть двух мнений, — сказал я Лазо. — Многие из нас, большевиков-руководителей, как в Сибири, так и в Забайкалье, повинны в том, что во время не успели изолировать анархистскую головку от массы, дали возможность собирать людей в отряды, командовать ими. Между тем люди в этих отрядах, хотя бы те же мадьяры, не анархисты. Будь они под другим руководством — большевистским — из них получились бы дисциплинированные отряды. Основной причиной наших поражений на Прибайкальском фронте я считаю то, что мы не собрали больших сил. Крестьянство и казачество в значительной своей части держатся пассивно. Нам вредит лживая агитация эсеров и меньшевиков о том, что чехословаки будто бы сторонники демократической власти.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Для руководства дальнейшей работой и борьбой совещание, на котором присутствовали представители Центросибири, Забайкальского областного исполкома и совнаркома, военного комиссариата и представителей фронтов, решило организовать Сибирский совет народных комиссаров.

Чехословаки приближались. Лазо было поручено составить арьергардный заслон с подрывной командой для обеспечения планомерной эвакуации. Организовав отряд в семьдесят человек из курсантов инструкторских школ и подрывников, Лазо занял станцию Хилок.

В Чите создавалась напряженная обстановка.

В гарнизоне Читы самыми надежными и дисциплинированными в это время были Советский отряд — двести с чем-то человек — и кларковская сотня. Основные силы были на фронтах. Большинство же гарнизона находилось или прямо в руках анархистов или под их влиянием.

Анархисты предъявили требование Сибирскому совнаркому о выдаче им золота, по пяти тысяч рублей на каждого человека. Когда им было отказано в этом, они пустили провокационный слух, что Сибирский совнарком решил золото не эвакуировать, а оставить его в Чите.

Ко всему этому безобразию добавилось новое обстоятельство, которое усилило панику в городе: около сотни молодых мобилизованных казаков, еще не вооруженных, под влиянием контрреволюционных элементов бежало ночью из города. За ними была послана сотня казаков Кларка. В нескольких верстах от Читы Кларк был убит из засады. Его сотня уничтожила банду и вернула в Читу бежавших казаков. Отряд анархистов во главе с Пережогиным ночью захватил большую часть запасов золота из банка и умчался на поезде из Читы на восток.

Из шестнадцати поездов-эшелонов, вышедших при эвакуации Читы на восток, наш эшелон отправился последним. В нем находились ответственные партийные работники Центросибири и Читы. Позади нашего эшелона на некотором расстоянии двигался заслон под командой Лазо. Анархистские отряды с награбленным золотом, а также поезд с бывшим командующим Прибайкальским фронтом Голиковым и его штабом умчались далеко вперед, направляясь в Благовещенск.

На станции Урульга 28 августа на совещании партийных и военных работников руководитель забайкальской областной партийной организации Исаев сказал:

— Покидая пределы Забайкалья, мы должны заявить рабочим и всем трудящимся, как мы смотрим на дальнейшую борьбу с контрреволюцией и в каких формах она должна вестись. Мы должны призвать их к этой борьбе! Недопустимо

просто разойтись в разные стороны. Это не в правилах большевиков. Какие бы неудачи ни постигли нас, хотя бы даже и разгром, мы меняем тактику и стратегию, набираемся новых сил, организуемся и боремся.

— Я вполне согласен с товарищем Исаевым, — заявил Лазо. — Вношу предложение: сегодня же здесь, в Урульге, организовать конференцию и на ней обсудить неотложный вопрос о формах дальнейшей борьбы.

Быстро, уже к двенадцати часам дня, были избраны делегаты от следовавших с эшелонами организаций и от казачьих и красногвардейских отрядов.

Открывший конференцию председатель Гаврилов дал слово Лазо для информации. Лазо спокойно, ровным голосом сообщил нам о действиях арьергардного отряда:

— Во время эвакуации Читы я со своим отрядом находился в Могзоне. От Хилка до Могзона взорваны все мосты. Почти весь железнодорожный путь испорчен. Под станцией Карымская взорваны два моста. Порвана телеграфная линия. Только таким способом удалось задержать нападавших чехословаков.

Кратко рассказывал Лазо о выполнении заслоном труднейшей и опасной оперативной задачи. Благодаря самообладанию и отваге Лазо с горсточкой бойцов и подрывников выполнил эту задачу превосходно.

— Мы сделали длительную остановку на Чите 1-й, — продолжал свою информацию Лазо. — Там нас встретила огромная толпа рабочих. Настроение среди них тревожное. Многие задают вопросы: «Что дальше делать?» Из расспросов я узнал, что около них выются, как мухи, меньшевики и эсеры. «Но, — говорят рабочие, — мы не верим этим буржуазным прихвостням, предателям. Ведь они атамана с японцами считают избавителями». В железнодорожном клубе был созван митинг — пришли рабочие с семьями. В своей речи я говорил о том, что советы пали временно, что скоро победа будет за нами. Надо не падать духом, а крепко и надежно спланиваться, прятать оружие и запастись новым. Поражение здесь есть поражение лишь на отдельном участке нашего общего фронта советской России. В общем гуле я слышал крики: «За советскую власть будем бороться до последней капли крови!»

После информации Лазо по основному вопросу конференции — о формах дальнейшей революционной борьбы — выступил ряд товарищей. Все они высказывались за прекращение фронтовой борьбы, потому что для борьбы с десятками тысяч чехословаков и белых в нашем распоряжении достаточного количества бойцов и оружия не было.

— Если в данный момент, — сказал Лазо, — фронтовая борьба для нас непосильна, то мы должны увести Красную гвардию. Надо снабдить каждого бойца деньгами, продоволь-

ствием, обмундированием и документами. Также всем необходимым надо снабдить и руководящих работников, направить их на подпольную работу в деревню, в города. Надо обеспечить отряд интернационалистов, уходящих в тайгу. Это будет один из наших резервов в борьбе с контрреволюцией. Временно мы уходим. Нам нужно идти в деревню и вести там революционную большевистскую работу. Запасаться оружием. Деревня не помирится с атаманщиной и интервенцией, примкнет к рабочим, и партизанская борьба неизбежна. Мы должны готовиться к ней.

От отряда интернационалистов выступил их комиссар. Он сказал:

— Мы, интернационалисты, никогда не отделяли себя от русских товарищей. Мы боролись в ваших рядах и будем бороться. Враг у нас общий. Мы не сдадимся, не выпустим винтовки из рук. Мы уйдем в тайгу, проведем там зиму, а потом — видно будет. У нас нет каких-то своих особых интересов. Они у нас общие с русскими товарищами. Когда борьба возобновится, мы опять будем драться рядом с вами!

Затем конференция вынесла постановление о роспуске Сибирского совнаркома. Тогда возник вопрос, какому же временному органу передать власть до полной ликвидации всех военных и хозяйственных дел на пути отступления до Свободного.

Большинством голосов конференция решила избрать временный ревком из пяти человек: Лазо, Бутин, Балябин, Н. Матвеев и Д. Шилов.

Перед закрытием конференции была принята такая резолюция:

«Борьбу с врагом организованным фронтом ликвидировать.

Признать, что форма дальнейшей революционной борьбы должна сообразоваться с создавшейся международной политической обстановкой и должна быть направлена к использованию всех легальных и нелегальных возможностей к дезорганизации всех усилий наших врагов закрепить власть буржуазии и иностранного капитала...»

Сейчас же после закрытия конференции наш эшелон двинулся дальше на восток. Делегаты уже на ходу поезда, в вагонах, информировали красногвардейцев о решениях конференции.

В пути мы принимали всевозможные меры предосторожности: держали наготове пулеметы, часть красногвардейцев была всегда в боевой готовности; днем и ночью на царовозе стояли часовые; на тех станциях, где по нашим сведениям таились враги, мы по прибытии туда выставляли вооруженное опеменение вокруг станций. Прежде чем двинуться дальше, мы запрашивали по фonoпору о положении на линии. Позади нас мы имели небольшой заслон.

Большую помощь в этом деле оказывали нам путевые сто-

рожа и рабочие на разъездах и станциях. Они неусыпно оберегали нас от всех зол и бед. Только благодаря вниманию, заботам рабочих и низовых служащих железной дороги мы продвигались сравнительно быстро и не потерпели ни одного крушения. Поезда наших эшелонов, составленные при эвакуации из Читы из самых разнообразных вагонов — товарных, теплушек, пассажирских и служебных, — были необычайно длинные и громоздки. Паровозы с грузом тащили их за собой. Амурская железная дорога всегда была одной из самых ненадежных в техническом отношении дорог. Она пролегает на сотни верст по дикой тайге, через горы, высокие насыпи, между скал, через зыбкие болота и вечную мерзлоту. Сотни неустойчивых, дребезжающих мостов перекинута через горные, бурные реки.

Вот большая станция Зигово. Рабочие встретили нас с красными флагами и с пением революционных песен. Организовали митинг в депо. Выступал Лазо. Он несколько минут не мог начать свою речь, — рабочие бурно аплодировали, приветствуя любимого революционного воина.

Лазо сообщает собранию о положении в Сибири и Забайкалье, о решении Урульгинской конференции, о борьбе большевиков и трудового народа с контрреволюцией в советской России:

— Пролетарская революция победит — в этом не может быть сомнения. Мы здесь, на далекой окраине, потерпели поражение: советская власть здесь пала. Отечественным белогвардейцам помогла зарубежная контрреволюция. Без нее мы уничтожили бы белогвардейцев. Я, товарищи, знаю, какой вопрос больше всего мучает вас: «Что дальше делать?» Прежде всего — не падать духом, не поддаваться панике, не терять веру в победу, ни на минуту не забывать о борьбе, готовиться к ней, работать в подполье, вооружаться! Власть советов здесь пала временно. Трудовой народ вновь сплотится, подыметесь, ряды борцов умножатся во сто крат, и мы опять победим. Да здравствует партия большевиков! Да здравствует советская власть!

Последние возгласы Лазо были подхвачены криками «ура».

С пением «Смело, товарищи, в ногу» рабочие вместе с Лазо двинулись из депо к поезду.

Популярность Лазо была огромна. Как только останавливался поезд где-нибудь на станции и он выходил из вагона, рабочие вперегонку бросались к нему, окружали плотной толпой. Каждый старался протиснуться поближе к нему, пожать его руку, перекинуться с ним словом.

Во время движения поезда Лазо вел беседы с красногвардейцами. Он старался их ободрить. Лазо приветливо присаживался к ним и начинал душевный разговор. Подбадривал тех, кто падал духом, убеждал, что все повернется к луч-

шему. Смотришь — товарищ и повеселеет, подымет голову.

Помню, как-то днем я прилег на полку лицом к стенке вагона. Чувствую легкое прикосновение чьей-то руки к плечу. Повертываюсь, вижу — около меня Лазо.

— Простите, я не разбудил вас? — тихо, и как бы смутившись, спросил он.

— Нет, я просто прилег отдохнуть.

— А не взгрустнулось ли вам?

— Как будто нет.

— Вот и отлично!

И мы оба засмеялись.

— Ну, отдыхайте, до заседания ревкома еще целый час, — сказал Лазо.

Ревком действовал на территории от станции Урульга Забайкальской железной дороги и дальше — по Амурской — до Свободного. Все распоряжения ревкома исполнялись в точности.

Канцелярия ревкома помещалась в служебном вагоне. В этом же вагоне ехали три члена ревкома: Д. Шилов, Бутин и Н. Матвеев. Лазо помещался в соседнем вагоне. В столовой служебного вагона почти все время, днем и ночью, выдавались паспорта и деньги красногвардейцам.

В начале сентября, ранним утром, наш поезд прибыл в Свободный. Советская власть здесь доживала свои последние дни. Двигаться от Свободного на восток было невозможно: японцы и атаман Калмыков уже заняли Хабаровск. Навстречу нам прибывали в Свободный эшелоны красных. Свободный являлся удобным пунктом для роспуска красногвардейской массы. Отсюда открывался безопасный путь на север, особенно на пароходе вверх по рекам Зее и Селенге, и в стороны от этих рек — пешком в тайгу.

Сотни вооруженных людей покидали вагоны и спеша, в одиночку, парами и небольшими группами, пешими и верхом на лошадях уходили в станицы и села, на прииски и заводы, а то и просто в тайгу.

Начинался новый этап борьбы с контрреволюцией.

Лазо не доехал до Свободного. Он с небольшой группой товарищей покинул наш эшелон на станции Малый Невер и ушел с ними в сторону от Амурской дороги в тайгу.

Прощаясь и крепко пожимая мне руку, Лазо сказал:

— Не судьбы неизвестные нас ждут, товарищ, — нет, мы скоро вновь победим! Итак, до скорого свидания!

Лазо был прав: советская власть победила, но самого Лазо я видел в последний раз.

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДИРА

Вместе с Лазо мне пришлось воевать на Забайкальском фронте. Дальневосточный краевой комитет партии отправил в распоряжение Лазо три отряда — владивостокский, хабаровский и благовещенский. Они были сформированы из рабочих, грузчиков, железнодорожников и матросов.

Владивостокский отряд был хорошо вооружен. Он имел в своем распоряжении и артиллерию и пулеметы. Весь состав отряда состоял исключительно из большевиков. Нашим политическим комиссаром был старый большевик товарищ Губельман. Кроме него в отряде были: член Далькрайкома Калнин — казначей отряда, Гульбинович — командир 2-й роты и другие рабочие-большевики.

Руководителем владивостокского отряда краевым комитетом партии назначен был я. Мы прибыли в полдень 12 мая в Адриановку, где в это время находился штаб Забайкальского фронта.

Здесь я впервые лично встретился с Лазо. Когда я отрапортовал ему о прибытии владивостокского отряда красногвардейцев, он искренно обнял меня и сказал:

— Тут нам предстоят горячие дни! Надо уничтожить банду японского ставленника атамана Семенова. Владивостокцы, хабаровцы и амурцы должны объединиться в один отряд и создать мощный боевой кулак.

Во время последовавшего за этим нашего разговора вбегает вестовой-красногвардеец и рапортует:

— Товарищ командующий, у нас в тылу, у железнодорожного моста, слышна редкая ружейная пальба.

Лазо спокойным голосом обращается ко мне и говорит:

— Ну, вот вам на первый раз задание: выделите небольшую часть и срочно пошлите ее к мосту. Пусть произведет разведку и узнает причину стрельбы. После отправки части зайдите за получением дальнейших указаний.

При этой первой встрече своей выдержкой, честным, открытым лицом, своей искренностью и дружеским отношением к вновь прибывшим Лазо сразу произвел на меня очень хорошее впечатление. Спокойствие, с которым он выслушал рапорт и отдал распоряжение, меня, человека, никогда не бывшего во фронтовой обстановке, сильно подбодрило. Я стал уверенней и решительней в своих действиях.

Прибывшие из Владивостока отряды были сведены в единый Дальневосточный социалистический отряд, командиром которого назначили меня. Политическим комиссаром остался Губельман.

Лазо предложил сформировать в нашем отряде три роты,

небольшую кавалерийскую группу и четыре артиллерийских батареи, что и было сделано на другой день.

В ночь на 13 мая в штабе командующего были собраны все командиры отрядов. Лазо обрисовал нам состояние фронта и сказал, что, начиная бои за Оловянную, мы должны в ближайшие сутки повести наступление на противника, который тоже предполагает наступать. От перехвата инициативы за висит исход первого боя.

Прежде чем дать приказ об общем наступлении, Лазо внимательно выслушал доклады командиров всех отрядов о боевой готовности, о вооружении и настроении частей и учел их высказывания при разработке плана предстоящей операции.

Нашему 1-му Дальневосточному отряду Лазо приказал выступить в железнодорожном направлении, которое являлось главным и решающим участком боевых действий.

В ночь на 14 мая мы пошли в наступление. По установленной диспозиции все наши вооруженные силы направлялись к станции Булак. С нами двигался состав со штабными вагонами и с платформами. В разведку на бронепоезде поехал сам Лазо.

Мы взяли станцию Булак, которая была в руках неприятеля, и пошли дальше. Пройдя несколько верст, услышали сади нас артиллерийскую стрельбу. Снаряды рвались вдоль железной дороги. Я шел по линии со своим начальником штаба Радыгиным и казначеем Калниным. Когда снаряды стали ложиться позади и впереди нас на расстоянии нескольких метров, мы поняли, что бьет неприятель. Наша артиллерия сюда стрелять не могла.

В это время из-за горы вылетает вернувшийся из разведки бронепоезд. Снаряд падает на полотно и разрушает путь. Мне показалось, что паровоз стал на дыбы. Подбегаю ближе к бронепоезду. Оттуда соскакивают наши товарищи, среди которых я узнаю командующего фронтом Лазо. Он кричит машинисту:

— Как там у тебя, все в порядке?

— Да, товарищ командующий, все в порядке!

Тогда Лазо обращается ко мне:

— Видимо, мы в кольце. Неприятельские силы зашли с правого фланга к нам в тыл. Надо две роты вернуть. Артиллерия пусть остается на позициях. Впредь до моего распоряжения ни при каких обстоятельствах огня не открывать! Одну роту оставьте на прикрытии батарей.

Получив распоряжение, я немедленно разослал товарищей на батареи с приказом не открывать огня, а сам вернулся обратно, чтобы перехватить идущую пехоту и двинуть ее в направлении, которое указал Лазо.

Вот при какой неожиданной обстановке мне пришлось с двумя ротами рабочих военного порта и матросами столкнуться

с неприятелем. Вражеская артиллерия не давала нам покоя. Она била по нашим частям и по штабным вагонам. Ночь была на исходе, уже светало. Из-за хребта начали показываться кавалерийские части противника. В это время появляется сам Лазо.

— Товарищи красногвардейцы! — кричит он. — Вы первый раз видите здесь неприятеля. Еще будет много боев! Нам ли бояться врага! А ну-ка, давайте снимать орудия!

И он первый бросается к платформам, на которых у нас оставалось еще два неиспользованных орудия, так как для них у нас нехватало лошадей. Захваченные его примером, красногвардейцы взбираются на платформы и вместе с Лазо переносят на руках трехдюймовые орудия — одно следом за другим, устанавливают их на позицию, и наши артиллеристы открывают огонь. В кавалерийских частях неприятеля начинается замешательство. Лазо поднимает нашу пехоту, и, воодушевленные его участием в бою, цепи красногвардейцев устремляются вперед.

Под горой мы натываемся на брошенное бежавшими семеновцами орудие, из которого они стреляли по нашему бронепоезду.

Когда мы возвратились на станцию Булак к разбитым вагонам нашего состава, там стонали еще неподобранные раненные, а оставшаяся здесь для прикрытия часть торопливо окапывалась, принимая меры обороны. Вскоре и здесь появился Лазо, чтобы навести порядок.

Он всегда поспевал как раз туда, где был всего нужнее.

На всех решающих участках боев среди красногвардейских отрядов мы всегда видели нашего командующего фронтом Лазо.

Я чувствовал, что Лазо был действительно организатором военных сил Забайкальского фронта. Этот человек обладал крупным военным талантом и был настоящим революционером. Наше успешное наступление на Оловянную говорит о том, что диспозиция была выработана умело. Не имевшие еще военного опыта и выучки, рабочие-красногвардейцы победили благодаря своей преданности революции и потому, что их вел в бой Лазо.

В ночь на 18 мая первые цепи Дальневосточного социалистического отряда вошли в Оловянную, а 19-го она была нами окончательно взята.

Однажды — это было перед занятием нами Оловянной — группа красногвардейцев приручила кормом какого-то поросенка. Поросенок не отходил от красногвардейцев.

Подъезжают на машине Лазо и Губельман, начинают разговаривать с красногвардейцами и случайно замечают возле них поросенка. Лазо обращается к ним и говорит:

— Не следует заниматься даже мелочным мародерством!

Может быть, хозяин этого поросенка тоже дерется в рядах красногвардейцев. Вы должны помогать мне бороться против мародеров!

При занятии Оловянной это предупреждение Лазо сыграло большую роль. Наши красногвардейцы сами задержали бегущих с винтовками двух типов, в руках которых были узлы с самоваром, швейной машиной и другими домашними вещами. Это были мародеры, позорящие ряды красногвардейцев. По распоряжению командования они были расстреляны на месте.

Командующий фронтом Лазо созвал 25 мая в штабе фронта комсостав для выработки плана дальнейшего наступления и разгрома сил противника.

С занятием Оловянной в наших руках оказался левый берег Онона — глубокой горной реки с очень быстрым течением. На правом берегу расположились семеновские части. Но как переправить туда войска? Огромный железнодорожный мост взорван, понтон построить на глазах у неприятеля и под его обстрелом — невозможно. Поломаны прилегающие к нашей стороне два пролета моста, из которых один как бы свесился в воду, образуя своего рода лестницу из поломанных шпал, искорверканных рельсов и железных клеток. Все это высотой, примерно, в пятнадцать метров. По такой жуткой лестнице решено было ночью 27 мая взобраться на уцелевшую часть моста и переправиться со всей нашей пехотой. Первым пошел на мост взвод матросов нашего Дальневосточного социалистического отряда.

Операция была начата в одиннадцать часов вечера. Надо было провести ее без единого пороха. Для этого наши ребята применили свой морской прием. К каждому взбиравшемуся на мост к ноге был привязан кусок шпата. Он взбирался, оттягивал шпата, опускал его нам и этим давал сигнал, что он на мосту. Следом за ним направлялся другой. Третьему взбиравшемуся дали толстую веревку, к одному концу которой был прикреплен наш флотский пулемет. Когда был подан сигнал, что пулемет уже на мосту, стали подниматься по очереди остальные товарищи.

Мимо непрерывно летали пули, поражая среди нас то одного бойца, то другого. Противник обстреливал наш берег. Его передовые части залегли на самом берегу Онона.

Я стоял слева, в пролете, на коленках. Мне кто-то говорит: «Командующий появился». Я посмотрел — в самом деле, ползет Лазо. И тут пошел по нашим рядам шопот от бойца к бойцу: «Лазо... командующий... здесь».

Переправа оказалась такой трудной, что к часу ночи мы успели переправить всего только шестьдесят красногвардейцев и командующего фронтом. Приближался рассвет. Дальнейшая переправа стала невозможной. И тут Лазо пустился

на хитрость. Он приказал ребятам кричать «ура». Их поддержали оставшиеся на берегу несколько сотен красногвардейцев, которые тоже заорали что было сил «ура».

Передовые части врага, вообразив в темноте, что на них бросилась огромная боевая сила, в большой панике удрали и освободили для наших бойцов свои окопы.

К рассвету мы перебросили на другой берег всех своих стрелков, а наши славные кавалеристы-аргунцы переправились через Онон вплавь, держась за хвосты и гривы своих коней, и соединенными усилиями выбили врага...

Вскоре открылся новый фронт. Выступил второй ставленник японского империализма — атаман Калмыков, и наш отряд по распоряжению Владивостокского совета был отозван с Забайкальского и направлен на гродековский фронт в Приморье.

Мы попрощались с любимым командующим фронтом Лазо, который при отъезде сказал нам:

— Какие бы ни были трудности впереди, — верьте, товарищи красногвардейцы, рабочий класс все эти трудности преодолеет, и победа будет на нашей стороне.

А. КЛАРК-АНОСОВА

ДРУГ

1917 год. Гром Февральской революции докатился и до нас, в далекой Австралии, где мы были в эмиграции после побега в 1907 году с Нерчинской каторги. Возможность вернуться на родину была встречена ликованием всей семьи.

В Читу приехали мы в июне. Прошло десять лет, как мы покинули ее. Чита бурлила, празднуя свержение самодержавия. Но наряду с ликованием уже чувствовалось разочарование: «Не того ждали от революции, думали — война кончится, а тут — на тебе — опять «до победного конца».

Муж мой, Борис Павлович Кларк, работал слесарем в железнодорожных мастерских станции Чита 1-я. По вечерам, обсуждая дневные дела, он рассказывал мне, что творится кругом.

Пришла Октябрьская революция. На Дальнем вокзале организована Красная гвардия. Борис — красногвардеец. События надвигались. 1-й Читинский казачий полк пришел с фронта в Читу. Радужно встреченный читинской буржуазией, угощенный на славу вином и колбаской, он по приказу эсеров-меньшевистского «Народного совета» и своих офицеров разоружил Красную гвардию.

Но с фронта подходят новые революционные силы: 2-й Читинский, 1-й Аргунский и другие казачьи полки. Красная

гвардия вновь организована, и она становится твердым оплотом советской власти в Чите.

На станции Манчжурия появляется атаман Семенов. Борис мне говорит, что атаман — это контрреволюция, придется итти с ним драться. Борис уходит с Красной гвардией на фронт. Я остаюсь одна со своей мелюзгой, которой у меня было от двух до восьми лет — целая шестерка. В душу закралось сомнение — опять война...

Наша квартира находилась недалеко от вокзала. Часто товарищи с фронта забегали ко мне передать какое-либо поручение от Бориса или спросить, как я живу со своими малышами, а то просто рассказать, как они дерутся с белыми. И вот от них-то я услышала, что на фронте появился командующий, что зовут его Сергей Георгиевич Лазо. Рассказывает, бывало, какой-нибудь красногвардеец про товарища Лазо — так прямо преображается.

— Вот это командир! — говорит он. — Вот это человек. Не только заботится о нас, но и домашними-то нашими интересуется. Обо всем поговорит, все выпросит, парень хороший, редкий командир.

Меня очень интересовали эти похвалы командующему, и мне хотелось увидеть его самого, посмотреть, что это за человек, которого так хвалят и Борис и все товарищи. Я представляла себе его огромным, сильным, но очень добрым человеком.

Однажды вечером приезжает с фронта Борис. Заходит. Глажу — с ним какой-то высокий, черноглазый, чернобровый, опрятно одетый в военную форму человек.

Борис знакомит меня:

— Знакомься, Нюта, это наш командующий Сергей Георгиевич Лазо.

Я растерялась, а от его крепкого рукопожатия чуть не вскрикнула.

— «Команда» уже спит? — спрашивает меня Борис.

— Спит, — отвечаю я. — Завтра поздороваетесь с ними, а сейчас не буди их.

— Вот товарищ Лазо интересуется малышами нашими. Все про них выпрашивает. Надо показать ему их хоть сонных, а завтра ближе познакомится с ними.

Мы прошли в комнату, где стояли шесть детских кроваток, а на них, разметавшись, спали шесть маленьких человечков.

Долго стоял Сергей Георгиевич и смотрел на спокойно спящих ребят. Я смотрела на его лицо и удивлялась — чего, думаю, человек радуется, чему он так радостно улыбается? Дети, как дети, самые обыкновенные.

Утром рано, когда еще все спали, я увидела, что Сергей Георгиевич, согнувшись над столом, что-то пишет. «Когда же он спал? Легли почти в три часа, а сейчас семь, вот бессонный-то», подумала я.

Стала просыпаться детвора.

Утро и вечер для меня были самым беспокойным временем: нужно было одеть, умыть и накормить всех. Забот, как всегда, было не мало.

За хлопотами я не заметила, как моя «команда» познакомилась с Сергеем Георгиевичем. Вскоре послышался радостный смех ребят. Заглянула в комнату. Вижу, сидит Сергей Георгиевич, а у него на спине, на руках — везде ребята; как мухи, облепили они его и что-то рассказывают ему.

«Быстро познакомились, — подумала я, — очевидно, и впрямь хороший парень, ведь дети так чутки к хорошим людям».

Три орла, как я их в шутку называла, — Лазо, Вася Бронников, командир 1-го Аргунского полка, и мой муж Борис Кларк, командир Особой 7-й сотни, — изредка бывали у меня, иногда порознь, а иногда и все вместе.

Для детей бывал большой праздник, когда отец приезжал с дядей Сережей, как они его звали.

Бывало, придет, выстроит всех их лесенкой, скомандует «смирно», наделит их незатейливыми фронтовыми гостинцами, скомандует «вольно», и начинается «светопреставление». Непривычному человеку не выдержать того шума и крика, что поднимались у нас. Начиналась «война» на детском языке: летели подушки, одеяла, и все, что можно было пустить в ход, — все пускалось. Игра заключалась в том, чтобы взять дядю Сережу в плен. И если это удавалось, то детский восторг выражался в оглушительном воинственном крике. Дядя Сережа валился на пол и на него наседали детвора.

Сергей Георгиевич говорил мне, что он нигде так хорошо не отдыхает, как в кругу моих малышей.

Часто надо мной он подшучивал.

— Вот это я понимаю, — говорил он. — Ведь это просто замечательно — шесть маленьких гражданчиков и все в одной семье, ведь это целое богатство. Да ведь это еще не конец, — обращался он к Борису.

Борис отвечал самым серьезным тоном, что план еще не выполнен.

Я смеялась, отмахивалась от них, желала этого богатства Лазо, на что он охотно соглашался.

Иногда Сергей Георгиевич оставался ночевать у нас.

Уложив детей спать, я присоединялась к друзьям. Они начинали разговор о своих военных делах. В эти минуты я жила их победами и поражениями, беспокоилась и рвалась на фронт. Просила их взять меня на фронт. Но они оба меня останавливали, указывая на детей:

— А с кем детей оставишь?

Иногда я задавала вопрос Сергею Георгиевичу:

— А если убьют Бориса, то как же я останусь со своей шестеркой?

Он мне отвечал:

— Убьют Бориса — останусь я, убьют меня — останется Вася, убьют Васю — останутся тысячи товарищей, которые помогут тебе поднять малышей.

После разгрома семеновской банды и ухода их на территорию Манчжурии приехали в Читу и зашли ко мне муж, Вася Бронников, Лазо и Оля — жена его. Остались все ночевать. Весело провели вечер. Наутро решили прокатиться верхом на Кручину (бывшая кларковская заимка). Решили взять двоих старших детей — Марусю и Гришу. Оба они прекрасно ездили верхом. Из казармы привели верховых лошадей. Всю дорогу Сергей Георгиевич неся с детьми вперегонки.

Дети были наверху блаженства. Приехали на заимку — в сорока верстах от Читы. Развели на берегу речки Кручины громадный костер. Сварили ужин. После ужина детей уложили спать на стого сена, а сами всю ночь провели в разговорах. В рассказах о фронте, в воспоминаниях о прошлой революционной работе прошла короткая летняя ночь. Это была незабываемая последняя наша прогулка всех вместе.

1918 год для меня был ужасно тяжелым. Сначала я потеряла одного из своих малышей — дочку Верочку, которая заболела воспалением брюшины и умерла. Не успела я оправиться от одного горя, как меня постиг второй удар — убили моего мужа.

В августе белые банды уже начинали свою злодейскую работу в окрестностях Читы и в самой Чите, пользуясь выступлением интервентов, которые надвигались на нас и с запада и с востока. Борис находился в Чите со своей сотней для поддержания порядка.

Утром 21 августа Борис позвонил мне, чтобы я немедленно собиралась и переезжала к своей матери в город. Он беспокоился обо мне и детях и, очевидно, боялся меня оставлять на вокзале на казенной квартире.

К трем часам я переехала в город. По городу прошли слухи, что Борис убит около деревни Каштак белыми офицерами.

Часа в четыре пришел красноармеец и сообщил, что Борис ранен. Я помчалась в казармы, где стояла сотня Бориса.

Первой меня встретила в казармах Ольга — жена Лазо. Лицо ее было залито слезами. Я поняла, что случилось что-то ужасное.

Окружили меня товарищи. Все старались хоть чем-нибудь выразить свое сочувствие моему глубокому горю.

Хоронили Борю на другой день. Провожать его сошлось

много народа. Гроб утопал в цветах. Отданы были все воинские почести командиру Красной армии.

Сергей Георгиевич в это время уже был переброшен на Прибайкальский фронт против чехов.

Увидеться мне больше с ним не удалось, хотя при проезде через Читу он провел собрание в железнодорожных мастерских и отступил на Амур с Центросибирью.

От него я получила коротенькую записку, в которой он писал:

«Мерзавцы убили Борю, но я жив, Вася жив и тысячи товарищей живы — отомстим за его смерть. О детях не беспокойся, вырастим. Сергей Лазо».

1919 год был годом разгула атамановщины. С опаской заглядывали ко мне товарищи-железнодорожники, чтобы узнать, как я живу с детьми, и если нужно — то и помочь.

Тяжело жилось мне. Обыски, издевательства — все это было мной пережито. Знакомые моей матери советовали ей, чтобы она уговорила меня скрыться куда-либо, а то меня могут забрать семеновские палачи в свои застенки. Передавали, что атаман Семенов гневается и обещает это «змеиное гнездо» вырвать с корнем.

Я наотрез отказалась оставить детей, тем более тогда, когда моя старшая дочь заболела нервной болезнью. На ребенке отразились обыски и страх за меня. Кто-то ее напугал, что «твоя мать могут увезти ночью семеновцы». И действительно, у нас в Чите ночью в автомобиле приезжали к намеченной жертве, забирали ее — и человек исчезал. И вот Маруся, услышав гудок автомобиля ночью, вскакивала с диким криком, цепляясь за меня, и у нее начинался нервный сердечный припадок. Ребенок был на волосок от смерти. Но все же выжила.

О Сергее Георгиевиче я имела сведения, что он пробрался в Приморье. Два раза он дал мне о себе знать. Однажды приходит к нам молодая девушка. Осторожно спрашивает, где живет такая-то. Я говорю, что я самая и есть. Позвала ее в комнату. Она сообщила мне, что приехала от Лазо, привезла мне деньги, привет от него и от его жены. Деньги у нее были зашиты в кушаке юбки.

Выспросила она меня подробно о моей жизни. Нужно, говорит, мне все знать о вас, товарищ Лазо велел подробно разузнать про вашу жизнь.

Второй раз напомнил он о себе.

Приходит тоже женщина. Она привезла мне посылку для детей. В этой посылке была обувь для ребят и материал им на платье. Что меня больше всего поразило в этих подарках — так это то, что вся обувь была впору каждому из детей. Как будто он снимал с них мерки. Глубоко была я тронута его вниманием.

Прошел еще год. Никаких сведений о моих друзьях — Сергее и Ольге Лазо — нет. Носятся слухи, что Лазо погиб во Владивостоке, но мне не верится, и я живу надеждой увидеться с ними когда-нибудь.

В середине 1920 года я получаю письмо из Владивостока за подписью «Ольга». Она просит ее встретить на вокзале.

С трудом дождалась указанного дня и помчалась на вокзал. Подходит поезд, бегу к указанному вагону. Поезд еще не остановился, я увидела в окне вагона характерную белокурую голову женщины, с которой было пережито так много тяжелого, что связало нас неразрывной, крепкой дружбой.

Ольга вышла из вагона. На руках у нее был прелестный ребенок. Целуемся. Она подает мне ребенка со словами:

— Знакомся, Нюта, Адочка — дочка Сергея.

Крепко обняла я ребенка того, кто так горячо любил моих детей. Поехали домой. Дети окружили Адочку и старались наперебой оказать ей внимание.

Ольга рассказала мне жизнь свою и Сергея за последние два года — вплоть до исчезновения Сергея в разведке японцев. В то время только можно было предполагать, что Сергея нет в живых, точных же сведений о его гибели и такой ужасной расправе с ним еще не было. И мы с ней жили надеждой на то, что он жив, но что просто упрятан японцами в Японию.

Прожив три дня у меня, Ольга уехала в Москву учиться.

Провожая ее, я думала: «Эх, если б не моя пятерка, то я тоже бы покатила с ней в Москву учиться».

Третий товарищ — Вася Бронников — погиб месяцев через восемь после свержения советской власти в Чите. Вместе с Лазо он отступил на Амур, но перед долгой разлукой со своими стариками-родителями захотел с ними повидаться и стал пробираться в свою станицу. И там его арестовали белые. Привезли в читинскую тюрьму. Вскоре от него через тюремную фельдшерицу Григорьеву я получила коротенькую записку, в которой он мне сообщал, что арестован и хотел бы со мной повидаться.

С большим трудом я добилась разрешения на свидание с ним. Вася несмотря на то, что сам был почти обречен, был бодр и весел, успокаивал меня и поддерживал в моем горе.

Через несколько месяцев Вася так же, как и многие товарищи, был вывезен ночью из тюрьмы, и о его судьбе приходилось только догадываться. Та же фельдшерица — товарищ Григорьева — сообщила мне, что вывезли Васю ночью в числе семи товарищей и увезли их как будто на станцию Маккавеево — главный злодейский притон семеновщины, — где происходили пытки и казни наших лучших людей. Дело было ясно — возврата из Маккавеева не было никому.

Так погибли мои товарищи.

Прошло восемнадцать лет. Дети выросли. Прав был доро-

гой Лазо, когда меня успокаивал, говорил, что «детей вырастим». Партия и товарищи помогли мне их вырастить. И теперь по праздникам, собираясь у меня, дети со мной вместе вспоминают тяжелые 1918—1920 годы, когда погибли близкие, дорогие нам люди.

Я и дети мои крепко знаем, что если враг опять посягнет на нашу чудесную родину, то они так же, как их отец, как дядя Сережа и дядя Вася, отдадут свои жизни за свою любимую родину.

О. ЛАЗО

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

БОРЬБА С СЕМЕНОВЫМ

В апреле 1918 года я приехала в Читу для того, чтобы присоединиться к своему 1-му Томскому боевому отряду, который был отправлен на Забайкальский фронт. Я задержалась на несколько дней в Чите. Было очень тревожно. Семенов находился на станции Оловянной и угрожал городу. В самой Чите орудовали подпольные белогвардейские организации. Отряды Красной гвардии были сосредоточены на Адриановке. Лазо уже около двух месяцев командовал Забайкальским фронтом.

Читинцы обратились ко всем советам Сибири с просьбой выслать отряды для борьбы с атаманом Семеновым. По всем предприятиям, учреждениям, клубам Читы прошли собрания и митинги; на улицах были расклеены объявления и листовки, призывавшие к защите советской власти:

«Все под ружье! Все, кто способен, вставайте в ряды бойцов за советскую власть против атамана Семенова!»

Я отправилась с товарищами на митинг в железнодорожные мастерские на станцию Чита 1-я, где ждали выступления Лазо.

Железнодорожные мастерские объединяли до трех тысяч рабочих и являлись пролетарским центром Читы. Там постоянно бурлила революционная жизнь.

На митинг мы приехали слишком рано. Работа в мастерских еще не кончилась, и мы пошли побродить. Вдруг, видим — навстречу нам на забайкальской маленькой лошади едет Лазо по направлению к мастерским. Он заметил нас только тогда, когда с нами поравнялся. Поговорили. Лазо был очень доволен, когда мы ему сообщили, что посланы томской партийной организацией к нему на фронт:

— Работы очень много, предстоит еще больше. Люди нужны. Поскорее приезжайте.

Мы вместе направились к мастерским, где рабочие уже ждали Лазо. Собрались в цехе. Лазо выступил с докладом. Простыми словами он обрисовал положение на фронте, подчеркнув, что Семенов является по существу прямым агентом японского правительства и что он закупает лошадей, верблюдов, оружие, обмундирование и нанимает войска на японские деньги.

— Вы должны понять, товарищи, — говорил Лазо, — что Семенов играет роль охотничьей собаки, которую империалистические хищники натравливают на Страну советов. В боях на Забайкальском фронте участвуют японские солдаты, переодетые в русскую форму. В армии Семенова, состоящей из офицеров и богатых казаков, много наемного войска, завербованного из отсталых слоев китайцев, монголов и бурят.

Рабочие слушали Лазо с большим интересом. Их выступления были проникнуты ненавистью к Семенову, стремлением на фронт. На фронт буквально рвались, почти никому не хотелось оставаться в мастерских. Лазо пришлось вновь выступить и разъяснить, что работа в мастерских также необходима, так как для борьбы с Семеновым нужны паровозы и вагоны и что на фронт может уйти только часть рабочих, остальные должны остаться в мастерских, одновременно состоя в отрядах Красной гвардии. Тогда один из рабочих предложил бросить жребий, кому оставаться.

Свое отношение к Лазо рабочие выразили в телеграмме, разосланной по линии Забайкальской железной дороги 28 апреля, которую привожу целиком:

«По докладу штаба Красной гвардии Забайкальской железной дороги Главный исполнительный комитет совета железнодорожных депутатов Забайкальской железной дороги постановил: в ознаменование заслуг доблестного отряда Красной гвардии по революционной защите железной дороги от банд Семенова, руководимых укрывшимися в пределах Китая контрреволюционными вождями капитала и буржуазии, избрать командира нашего доблестного отряда революционной Красной гвардии товарища Лазо почетным членом штаба Красной гвардии».

Лазо был очень тесно связан с рабочими мастерских, которые непрерывно давали ему пополнения на фронт. Во время своих приездов в Читу он обязательно останавливался у них, выступал на митингах, многих знал лично и заходил к ним домой.

Через несколько дней я уехала в Адриановку, где в это время находился штаб фронта. Масса людей стекалась туда с оружием и без оружия: шло местное население и казачество близлежащих станиц, прибывали рабочие дружины. Помню,

приехал в Адриановку отряд рабочих с Черновских копей со своей санитарной летучкой, что нас очень порадовало, так как в то время большинство медицинского персонала — врачи и фельдшеры — поддерживали саботаж интеллигенции и отказывались работать в красногвардейских отрядах. Через некоторое время прибыл канский отряд, затем троицкосавский и др.

Боевые силы росли не по дням, а по часам. Каждый день прибывали отряды из разных концов Сибири.

В первые дни у бойцов было несколько подавленное настроение, вызванное нашим отступлением под напором семеновских войск, захвативших в апреле станции Борзю и Оловянную. Приезд новых частей поднял настроение бойцов. Дальневосточные отряды, прибывшие с Бородавкиным и Губельманом, вызвали настоящий энтузиазм. В этих отрядах было много матросов и рабочих. Мы им устроили встречу с другими отрядами, так как это было первое подкрепление, прибывшее с востока.

Партийные организации Сибири и Дальнего Востока направили к нам в составе отрядов Красной гвардии многих большевиков. Начали выделять комиссаров; в каждом отряде была своя, пока неофициальная политическая часть. Вырабатывались планы политработы. Вскоре Центросибирью был командирован в Адриановку Русские, который организовал и возглавил политическую часть штаба фронта.

Политико-воспитательная работа велась не только в отрядах, но и среди местного населения. Мы выезжали в окрестные станицы, проводили беседы и митинги и формировали новые части. Люди записывались в отряды тут же, после митинга. Приходили и приносили с собой самого разнообразного вида оружие: ржавые пашки, охотничьи берданы и трехлинейные винтовки. Кто не имел оружия — шел без него.

Я думаю, что именно в это время (в конце апреля — начале мая) по-настоящему развернул свою работу штаб Забайкальского фронта.

Лазо был весь в действии. Он проводил огромную работу по реорганизации отрядов Красной гвардии. Одновременно шла их боевая подготовка. Были сформированы основные боевые единицы и введен институт комиссаров. Проходило комплектование отрядов интернационалистов из мадьяр, австрийцев и немцев, бывших военнопленных. Приехавшие владивостокский, благовещенский и хабаровский отряды были сведены в один Дальневосточный социалистический отряд.

Лазо знакомился с составом каждого отряда, интересуясь всем, вплоть до проверки постов, вникая во все мелочи. Он беседовал с командирами и отдельными красногвардейцами и внимательно прислушивался к их мнениям.

Одной из причин нашего отступления была слабая дисциплина красногвардейских отрядов, брошенных на фронт против

Семенова. Поэтому Лазо устремил всю свою энергию на борьбу за централизованное руководство фронтом, против анархистских тенденций в отрядах, пьянства и мародерства.

Однажды Лазо доложили, что вновь прибывшие — не помню, откуда — красногвардейцы заходят в дома жителей поселка и требуют продуктов. Лазо дал приказ немедленно погрузить их в вагоны и отправить обратно, сообщив об этом случае председателю Центросибири Яковлеву.

После этого иркутские организации стали проверять отряды, прежде чем посылать их к Лазо. Целой группе людей из томского отряда, известной своими анархистскими замашками, не разрешили ехать на фронт.

Эти мероприятия еще больше повысили авторитет Красной гвардии в глазах местного населения. Все увидели, как командный состав штаба, и особенно Лазо, борются с мародерством. Одновременно с организационной работой велись и военные операции, правда, пока небольшого масштаба. Все же мы время от времени беспокоили Семенова по линии железной дороги, чтобы не дать ему возможности выйти из Оловянной. Для этой же цели Сергей еще при первом нашем отступлении из Оловянной приказал взорвать мост через Онон.

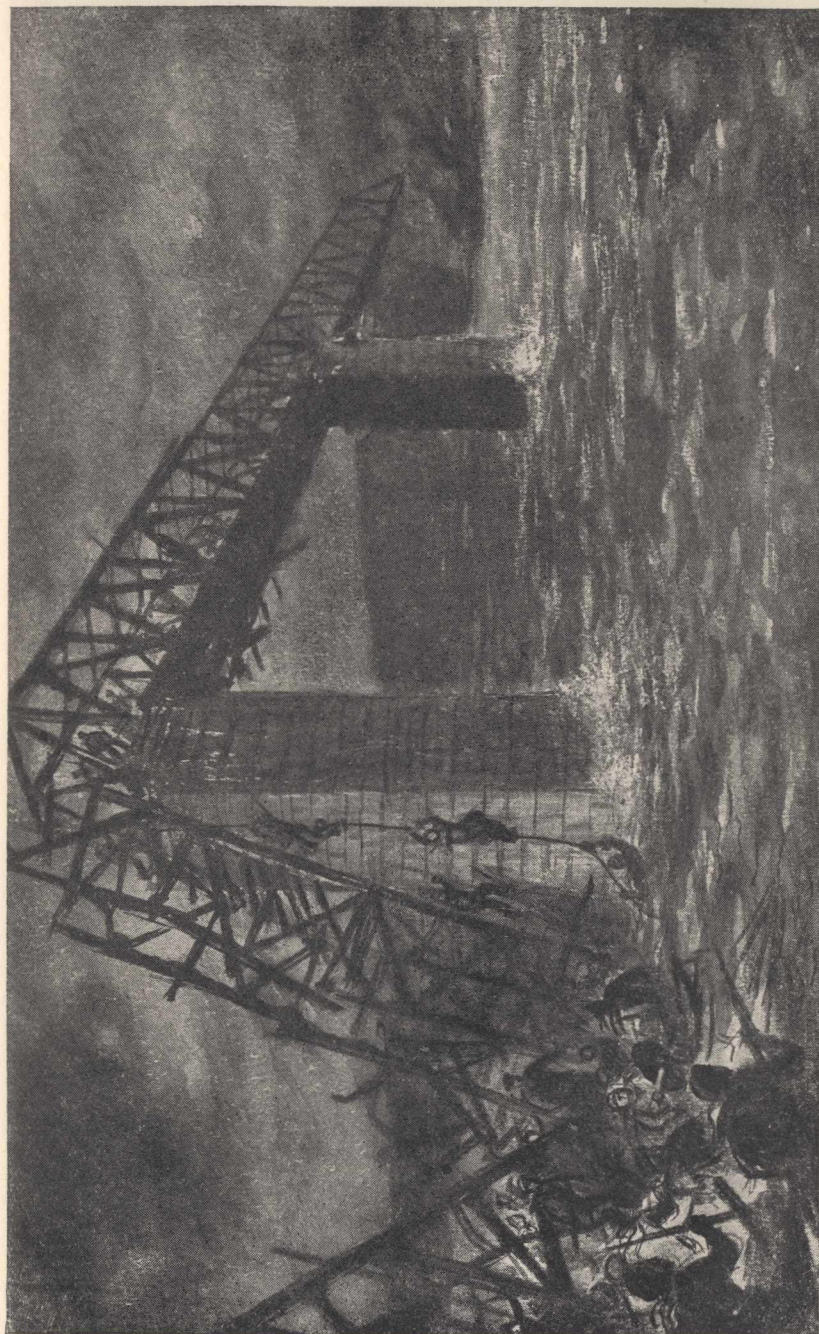
Во время военных операций Сергей входил во все детали боя. Он старался лично проехать в расположение каждого отряда, в особенности тех, которые бывали на репающих участках, и выяснить, как у них идут дела.

В Забайкалье раскрылись большие организационные способности Сергея, — ведь ему до этого не приходилось бывать на фронте. Участие в подавлении иркутского мятежа было его первым и единственным боевым крещением. Теоретический его багаж сводился к пройденному им курсу в Алексеевском военном училище. Он как-то сказал мне:

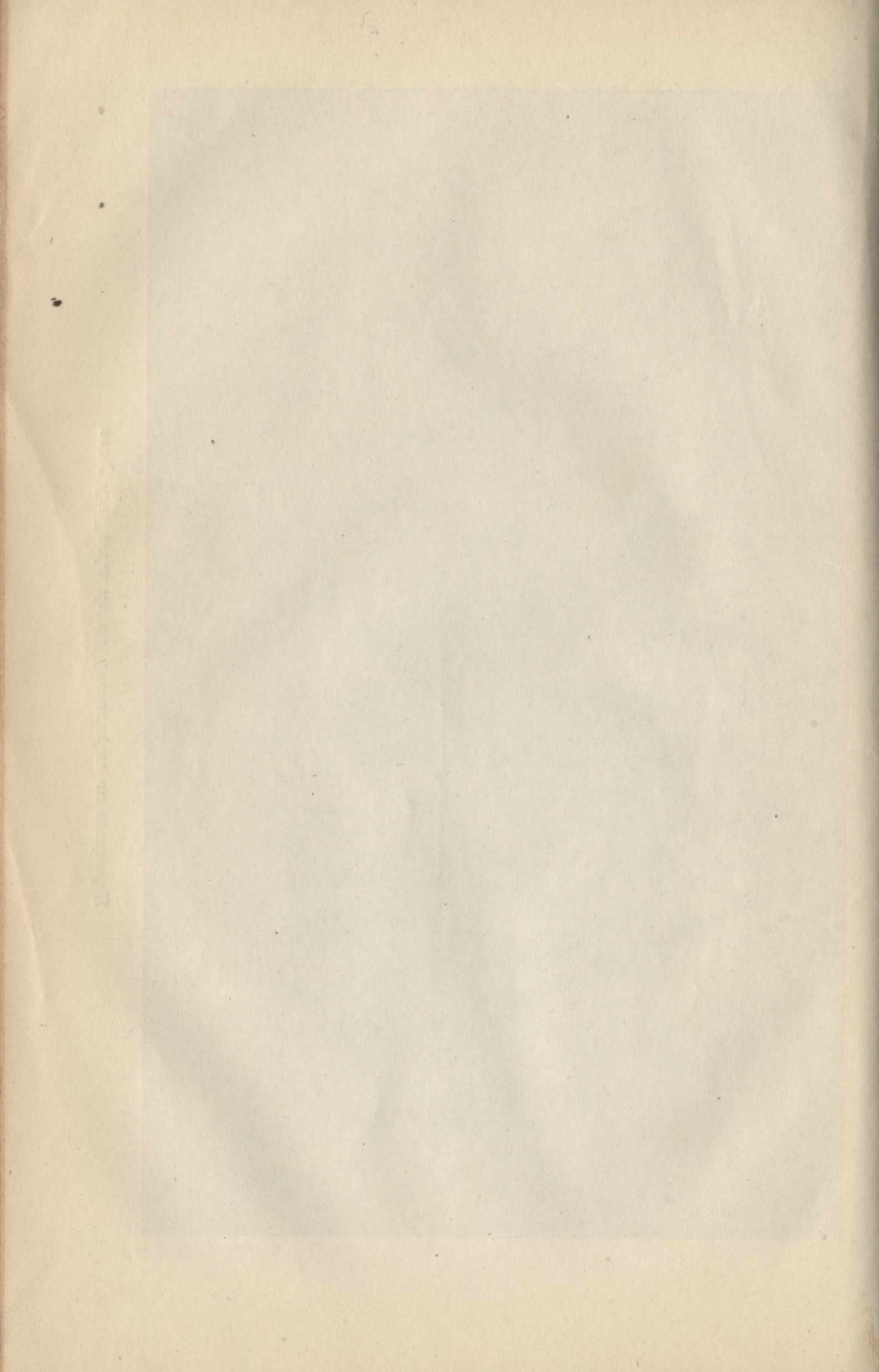
— У Семенова в ставке — генералы и офицеры, знающие военное дело. Мы не должны им в этом уступать!

Во время пребывания его на фронте он постоянно, обычно ночью, пополнял свои военные знания. В редкие минуты передышки он любил делиться с товарищами новыми мыслями, наваянными той или иной книгой. Военной библиотекой его снабдил бывший генерал Таубе, которого Сергей очень уважал и чьими советами он пользовался. О генерале Таубе хочется сказать несколько слов. Это был старый генерал царской армии, безоговорочно признавший советскую власть и назначенный Центросибирью на одну из командных должностей в Красную армию. Он не успел уехать из Иркутска и был арестован белогвардейцами. Чешский генерал Гайда предложил ему вступить в белую армию. Тяжело больной старик ответил:

— Мои седины и контуженные ноги не позволяют мне идти на склоне моих лет в лагерь интервентов и врагов трудящейся России.

Переправа по взорванному мосту через реку Онон

После этого он был приговорен к смертной казни, но умер в тюрьме от тифа, прежде чем казнь была приведена в исполнение.

Сергей обладал исключительной работоспособностью, мог по несколько суток совершенно не спать. Он говорил, что ночью его мысль может, не отвлекаясь, более углубленно работать. У него было сильно развито чувство ответственности за порученное ему дело. В работе он был неутомим. Он не гнушался никакой, даже самой мелкой, черновой работой. Лазо нередко можно было видеть в штабе за пишущей машинкой. Секретную корреспонденцию, сводки, донесения в Центросибирь и некоторые ответственные приказы он печатал сам, большей частью по ночам.

Напряженная работа командующего фронтом, требующая большой сосредоточенности, не превращала Лазо в замкнутого человека, не отгораживала его от масс. Одним из основных условий успеха на фронте он считал правильно поставленную агитационно-пропагандистскую работу, и сам был неутомимым агитатором. Не говоря уже о его частых выступлениях на митингах и собраниях красногвардейцев, он, когда ездил в Читу по делам фронта, почти на каждой более или менее длительной остановке не упускал случая побеседовать с рабочими, казаками и крестьянами на собраниях или в частном разговоре — разъяснить им, за что борются большевики.

По прибытии в Адриановку я была зачислена в 3-ю сотню 1-го Аргунского полка политбойцом, — так называли на Забайкальском фронте командированных партией коммунистов. Они несли обычные обязанности красноармейцев, — были пулеметчиками, разведчиками, но в то же время вели политиковоспитательную работу в отрядах.

Аргунский полк во время империалистической войны был на германском фронте и вернулся при полном вооружении в Забайкалье. Настроение его было революционное — против войны и за советы. Впервые мне пришлось с этим полком столкнуться в феврале 1918 года на станции Тайга, куда наш томский красногвардейский отряд выезжал разоружать аргунцев, так как мы были неправильно информированы о его настроении. Нас тогда поразила их дисциплинированность.

На наше предложение разоружиться аргунцы ответили с усмешкой, что казак никогда не расстается с оружием. Командный состав в большей своей части оказался на стороне советской власти. Подъесаул и первый после революции избранный командир Аргунского полка Метелица, хорунжий и командир 3-й сотни Бронников, командир 4-й сотни Чижик, 5-й сотни — Зверев и даже полковой врач — все они остались на своих постах, внося еще большую дисциплинированность и сплоченность в ряды казаков. Аргунский полк насчитывал,

примерно, до тысячи сабель. К моменту моего приезда в Адриановку командиром полка был Мегелица.

Аргунцы переименовали себя в 1-й Аргунский советский красногвардейский полк. Они побывали у себя дома в станицах, но когда потребовалось — оказались на своих местах и под ружьем.

Мне впервые пришлось близко столкнуться и познакомиться с условиями жизни забайкальских казаков. Я обратила внимание на то, что они очень строго карали за военную дисциплинированность и за плохой уход за лошадью.

Аргунскому полку Лазо уделял много внимания. Аргунцы представляли собой крепкую боевую единицу, были испытанными фронтовиками, получившими первые боевые уроки еще в 1917 году. К тому же это были коренные забайкальцы, они связывали нас с местным населением и несли в свои станицы наше большевистское слово.

Политико-воспитательную работу в этом полку проводила наша крепко спаянная группа коммунистов, куда входили Бронников, Чижик, Зверев, Кларк и я, причем первые три товарища были для аргунцев своими станичниками, с которыми они вместе прошли империалистическую войну.

Бронников, Зверев и Чижик еще в средней школе в Чите участвовали в революционных кружках и были тесно связаны с политическими ссыльными, а большевистскую закалку получили на фронте в 1917 году.

Силы наши были, конечно, ограничены, но мы все же наладили работу. На моей обязанности лежало снабжение полка литературой. Для этого приходилось периодически ездить в Читу, где с помощью секретаря Читинского комитета партии я эту литературу доставала.

Мы устраивали собрания, читки и беседы с казаками, старались использовать регулярно проводившиеся казачьи сходы. К ним мы тщательно готовились при помощи имевшегося в каждой сотне актива, и добились того, что старые казаки стали сами воспитывать вновь прибывающую в полк молодежь. Мы знакомили бойцов с идеями и с историей большевистской партии и разъясняли им подлинный смысл происходящих событий. Помимо этого мы постоянно обсуждали с ними текущие вопросы фронта: борьба за дисциплину и др. Боролись против немедленной расправы с пленными без допроса и суда, за то, чтобы «язык до штаба доводить», так как пленные давали нам иногда ценные сведения. Кроме того в семеновские полки попадали и случайные люди — крестьяне и казаки, насильно взятые туда.

Для углубления воспитательной работы среди казаков Лазо приказал влить в наш полк особую сотню Кларка, состоявшую наполовину из читинских рабочих. Аргунцы получили крепкое рабочее ядро.

Лазо был очень близко связан и дружил с Борисом Кларком. Борис еще с детских лет начал вести революционную работу и семнадцать лет был приговорен царским судом к каторге за участие в революционном восстании в Чите. С каторги он бежал и эмигрировал в Австралию, где жил около десяти лет. Он вернулся в Россию вскоре же после Февральской революции и стал работать слесарем железнодорожных мастерских станции Чита 1-я.

С первых же дней организации Красной гвардии Кларк был избран командиром отряда железнодорожных мастерских. Он пользовался большой любовью и уважением красногвардейцев. Неудержимо смелый, он брал на себя самые опасные поручения, и отряд у него был весь как на подбор — храбрые, выдержанные и дисциплинированные бойцы.

Кларк сдружился с Бронниковым, Зверевым и Чижиком, и у нас, как я уже говорила, образовалась тесная группа друзей. Сергей любил приезжать к нам, побеседовать, на ходу переброситься словом, посоветоваться с Кларком и Бронниковым, опытным командиром, о том, как наметить ту или иную военную операцию. В нашем кругу он чувствовал себя непринужденно, делился с нами своими сомнениями, удачами и неудачами.

Еще после VII съезда партии, в марте 1918 года, группа красноярских левых эсеров-интернационалистов — Мазурин, Ада Лебедева и др. — вошла в коммунистическую партию. Лазо об этом знал, он переписывался с красноярцами и был полностью с ними согласен, но сам несколько задержал свое вступление в партию большевиков. Боевая обстановка не давала ему возможности покинуть фронт. На фронте же оформленной партийной организации в то время не было. К тому же он хотел сделать это в Красноярске или в Иркутске, где его хорошо знали. Но это не удалось, и он приблизительно в июне 1918 года вместе с Борисом Кларком подал заявление о приеме его в коммунистическую партию. Заявление было недлинное, и в нем он указывал, насколько я помню, следующее:

«По ряду вопросов еще до Октябрьской революции я разделял взгляды большевиков. После Февральской революции я с группой левых социалистов-интернационалистов состоял в Красноярском совете в одной фракции с большевиками. Я пришел к заключению, что только большевистская партия способна повести за собой массы рабочих и крестьян и закрепить победу революции. Поэтому прошу принять меня в члены коммунистической партии».

Заявления Лазо и Кларка я передала в Читинский комитет партии. При этом я сказала, что этих двух товарищей надо поскорее оформить. Секретарь парткома спросил меня:

— Хорошо ли вы знаете этих товарищей, ручаетесь ли вы за них?

Прежде чем я успела ответить, он увидел на заявлениях фамилии Кларка и Лазо и сказал:

— Ну, об этих товарищах не может быть и речи — их все знают! На первом же заседании комитета мы их утвердим.

Июнь и июль были решающими месяцами на Забайкальском фронте, и Сергею удалось вырваться в Читу только накануне ее падения — в августе. Тогда же он получил партийный билет в читинской организации и довел об этом до сведения Центросибири.

Однажды в десятых числах мая нам приказали готовиться к бою.

Лазо вечером объехал все отряды и поговорил с командирами. В нем чувствовалось большое внутреннее напряжение, но внешне он казался спокойным.

Ночью наш отряд двинулся в поход. Мы пошли в наступление на Оловянную. Семенов не ожидал, что красные сумеют собрать свои силы и ударить ему в лоб. Несмотря на предпринятое Семеновым сейчас же контрнаступление наши части, расставленные в полном боевом порядке, с артиллерией и пулеметами, стойко держали свои позиции.

Лазо во время наступления находился с недавно прибывшим Дальневосточным отрядом. Это был его обычный метод. Когда появлялся новый отряд, он старался несколько дней провести с этим отрядом, чтобы узнать командный состав и бойцов.

Станция Оловянная была нами занята 19 мая. Семеновцы нас, повидимому, не ждали. В большом поповском доме мы застали следы веселой пирушки. На столах оставалось еще много еды. Я не заходила в этот дом, но помню, что наши аргунцы притащили белого хлеба, пирогов и торжественно нас угощали.

Взятие Оловянной еще не решало вопроса. По ту сторону реки Онона, куда мы не могли пробраться, так как мост был взорван, находились очень удобные в стратегическом отношении высоты. Их занял Семенов, и его войска непрерывно нас оттуда обстреливали.

В двадцатых числах мая Лазо приехал к аргунцам, чтобы посоветоваться с Бронниковым, Кларком и Зверевым и окончательно решить, каким путем выбить Семенова с оловянинских высот. До этого Лазо в течение нескольких дней тщательно изучал обстановку. После небольшого совещания и обмена мнениями Лазо предложил следующий план действий: часть Дальневосточного отряда должна была вместе с артиллерией, сделав небольшой обход вправо, начать днем перестрелку с Семеновым и не прекращать ее всю ночь. В то время, когда внимание семеновцев будет отвлечено огнем артиллерии, другая часть Дальневосточного отряда, главным образом мат-

росы и моряки, умеющие хорошо плавать, должны были ночью в одиночку пробраться по остаткам взорванного моста через Онон.

Река Онон — горная, быстроходная. Ползти предполагалось с гранатами, бомбами и, если будет возможно, перетащить пулемет. План был целиком выполнен. Вместе с бойцами переполз на другой берег и Лазо.

Аргунцам было поручено углубиться вниз по течению Онона, верстах в пятнадцати ниже моста постараться переплыть реку и на рассвете ударить Семенову в тыл.

Лазо, договорившись с Кларком, уехал, сказав, что в этой операции он будет с Дальневосточным отрядом.

Я помню, как мы собрались на берегу Онона перед тем, как пуститься вплавь вместе с лошадьми. Тем, кто еще не был достаточно опытен, аргунцы разъяснили, как это нужно проделать. Верхом нельзя было переплывать — это слишком тяжело для лошади. Спустившись в воду, надо держать ее за гриву или за хвост, так как лошади хорошо плавают. Но приблизившись к противоположному берегу, необходимо от лошади немного отплыть, чтобы она, выбираясь на берег, не ударила пловца ногами.

Тут же быстро соорудили нечто вроде парома, на котором было переправлено оружие и часть людей. Когда мы переправились на рассвете на другой берег, Кларк пустил вверх ракету. Она явилась сигналом к началу действий. В этот же момент Дальневосточный отряд начал атаку на семеновские окопы, а мы налетели с тыла.

Через несколько часов Семенов был выбит с высот. Это произошло 26—28 мая 1918 года.

Взятие нами Оловянной еще больше подняло дух в наших войсках. Среди семеновских войск усилилось разложение. Атаман еще пытался задержать у себя людей выплатой им денег, быстрым повышением и раздачей чинов. Он принимал в свои отряды всякий сброд, хунхузов и бандитов. Рядовые казаки из его отрядов стали чаще перебегать к нам.

В тылу у Семенова образовались целые отряды, которые пытались установить с нами связь. Это часто удавалось, и в таких случаях Лазо, поскольку было возможно, увязывал действия наших отрядов с действиями этих тыловых частей.

После взятия Оловянной и оловянинских высот мы повели быстрое наступление на Семенова, не давая ему отдыха.

Двинулись на Борзю. Поселок еще был занят семеновцами. К утру надо было выбить их оттуда во что бы то ни стало. Семенов все еще не верил в наши силы. Взятие Оловянной казалось ему случайностью. Он продолжал чувствовать себя спокойно и, выставив несколько отрядов для ответной стрельбы, кутил с офицерами. Но на рассвете наши войска стали организованно подходить к Борзе. Семенов быстро очистил ее.

Беспорядочно отступая, семеновцы угоняли скот и увозили все ценные вещи. Утром 11 июня мы заняли Борзю.

Красные почти безостановочно двигались вперед. К станции Даурия аргунцы подходили с правого фланга. По плану, данному Лазо, одновременно с аргунцами Даурия должна была быть занята с левого фланга отрядом Петрова-Тетерина.

Медленно двигались аргунцы, подходя к Даурии. Вперед в разведку были посланы сотни Кларка и Бронникова. Лазо объехал весь фронт на машине. Проверив и убедившись, что справа и в центре по линии железной дороги все в порядке, Лазо направился к левому флангу. Оказалось, что наших отрядов там нет. Оголенный левый фланг мог испортить положение.

Лазо углублялся все дальше и дальше в сторону левого фланга, недоумевая, куда делись наши части. Вскоре он увидел одного из бойцов отряда Петрова-Тетерина.

— В чем дело? — спросил он. — Почему ваш отряд не наступает?

— Как? Куда наступать? Нам ничего неизвестно, — растерянно ответил товарищ.

Оказывается, отряд митинговал. Правый фланг организованно вел наступление, а левый его не мог поддержать. К счастью, разведка донесла, что Семенов уже очищает Даурию. Сергей вместе с членом штаба Русским и еще с одним бойцом втащили на машину пулемет и направились в Даурию с левого фланга, ожидая, что подкрепление подойдет. Осторожно, разглядывая местность с помощью бинокля — нет ли где засады, Лазо с Руским въехали в Даурию. Оказалось, что они первыми заняли эту станцию.

Из Даурии Лазо подъехал к правому флангу. Разведка доложила Кларку:

— Неизвестная машина показалась из Даурии — едет к нам.

Кларк скомандовал:

— В атаку!

Отряд помчался навстречу машине, оттуда махнули куточком красной материи. Машина подъехала, и вышел Лазо. Кларк напал на него:

— Зачем ты так поступаешь? Ведь мы могли тебя обстрелять!

Лазо разъяснил ему положение на левом фланге и добавил:

— Ты подумай: имея приказ о наступлении, зная, что с других флангов подходят отряды, устраивать митинги и оголять фронт!.. А ведь командир — не плохой вояка!

Аргунцы вошли в Даурию 19 июня.

Отброшенный еще дальше к Манчжурии, Семенов продолжал делать налеты и вылазки.

Мы укрепились на станции Даурия. Вокруг Даурии не

было воды, и приходилось ее подвозить на паровозе за десятки верст. Воды нехватало ни для людей, ни для лошадей. Между лагерем красных и белых находился источник Урубудук. Семеновцы день и ночь обстреливали эту местность с бронепоезда, не давая возможности набрать воды. Лазо решил во что бы то ни стало отвоевать источник.

Зная лично многих рабочих железнодорожных мастерских Оловянной, Лазо выбрал из них одного машиниста побойчее и помоложе и сказал ему:

— Нужно выполнить одно задание. Давно ездить на паровозе?

— Шесть лет уже работаю, товарищ Лазо, — ответил машинист.

— Ну, если хорошо ездить, придется поучиться еще кое-чему.

И несколько дней после этого можно было наблюдать, как Лазо вместе с машинистом ездили на паровозе по линии. Умея управлять паровозом, он иногда становился на место машиниста, а машинист — то на более быстром, то на более медленном ходу — учился соскакивать с паровоза.

Дня через три к полотну железной дороги подвезли камень, щебень и черепицу. Нагрузили две платформы. Позади платформ прицепили паровоз. Во время тренировки Лазо точно рассчитал, сколько минут идет поезд от одного разъезда к другому, и, когда семеновский бронепоезд начал свой обычный обстрел красных, не подпуская их к источнику с пресной водой, машинист разогнал на полный ход паровоз вместе с платформами и пустил этот состав на семеновский бронепоезд. На платформах были заложены взрывчатые вещества, и при столкновении с бронепоездом получился взрыв. Семеновский бронепоезд был разбит вдребезги. Было убито шесть человек команды и ранено четыре. В числе убитых нашли также и японского офицера.

Бронепоезд атамана Семенова — его гордость — был уничтожен. Наш машинист во-время соскочил с паровоза — помогла предварительная тренировка.

Мацевская была последней станцией между Читой и Манчжурией, дальше шли только разъезды, до самой границы. Семенов получил довольно значительное подкрепление от японцев. У него появился новый бронепоезд, он собрал все свои силы, чтобы укрепиться на Мацевской, вырыл там окопы и опел их проволочными заграждениями.

Три раза пришлось идти в наступление на Мацевскую. Два раза отступали с тяжелыми потерями и снова готовились к бою. Упорство красных бойцов росло, иногда даже приходилось сдерживать их пыл, чтобы поднакопить силы для последнего удара по противнику.

На Мацевскую были брошены все наши силы — пехота

и кавалерия. С утра до позднего вечера 19 июля длился упорный бой. К вечеру несмотря на превосходство военной техники белые сдали Мадиевскую и отступили на 86—87-й разъезды. Они заняли укрепленные позиции на тавын-тологойских высотах. Семенов и его части помещались в палатках, так как там построек и зданий почти не было.

В конце июля Лазо получил секретное письмо из Центросибири от товарища Яковлева о том, что по директиве Москвы в интересах международных отношений ни в коем случае не следует переходить границу Манчжурии и даже затрагивать китайскую территорию снарядами. В этом же письме указывалось на необходимость скорейшей ликвидации Семенова.

Предстояло решить сложную задачу — выбить врага путем обычного наступления было невозможно, не переступая границы. На узком совещании группы военных работников Сергей предложил следующий план операции: отряд, составленный из сотни Кларка и еще нескольких сотен Аргунского полка, ночью пойдет внезапно в атаку. Одновременно с другого фланга подрывная команда зайдет в тыл к противнику и испортит железную дорогу, чтобы отрезать врагу отступление. Мы стремились по возможности уничтожить семеновскую живую силу — офицерство — и не дать ему скрыться за границу.

Решено было действовать только бомбами, пашками и криками (своего рода психологической атакой), не пуская в ход ни винтовок, ни пулеметов. Детальный план был на руках у Кларка. Отряд выступил в поход, и только когда он отошел на определенное расстояние и все уже были на счету, бойцам был подробно рассказан план их действий.

Отряд был разделен на три небольших группы. Темной ночью одна группа приблизилась к палаткам. Враг ничего не подозревал. В палатках слышались шум, музыка, пение. Разведка выяснила, где находится обоз. Решено было в первую очередь создать панику среди людей и лошадей обоза. Часть наших товарищей была направлена на коновязь, другая приблизилась к палаткам, а третья — к обозу. По данной команде с криками «ура» были брошены бомбы в палатки; красные подняли страшный шум, перерезали коновязь — лошади в панике разбежались по степи. Третья группа окружила обоз.

Надо отметить, что мы недостаточно смело бросились на палатки. Ночь была темная, и мы не знали сил противника. Но все же мы панику посеяли большую. Офицеры не могли получить лошадей и бежали пешком до станции Манчжурии. Они срывали с себя погоню; часть их удрала в белье, не успев одеться. Нами был захвачен обоз.

Сергей сам руководил всей этой операцией. Сначала он отправился с командой подрывников. Убедившись, что железная

дорога испорчена, как было намечено по плану, он подъехал к аргунцам и продолжал руководить боем.

Семеновские банды освободили территорию Забайкалья и ушли в Манчжурию.

Сергей получил поздравительную телеграмму из Центральной Сибири от товарища Яковлева за успешное выполнение задания.

Бойцы отдыхали, измученные ночным боем. С первыми лучами солнца через границу уже перебежало много китайских торговцев с плетеными манчжурскими корзинами. Они предлагали нам китайские пампушки и печенье из манчжурской муки. Красногвардейцы охотно покупали эти изделия.

К утру нам навстречу выехал поезд с китайскими дипломатами, которые повели с нами переговоры о нейтралитете. Мы требовали, чтобы китайское правительство не пускало семеновских банд на нашу территорию.

Китайская делегация заявила, что она желает вести переговоры только с командующим фронтом Лазо. Лазо, принимавший личное участие в ночной атаке, вконец измученный, находился в своем вагоне. Когда ему доложили о приехавшей делегации, он сказал Кларку:

— Я думаю, что в таком виде не стоит принимать иностранцев. Передайте им, что через час я смогу начать с ними переговоры.

За этот час Лазо умылся, побрился и приоделся и со своими адъютантами и членами штаба пришел в китайский вагон. Там произошел короткий разговор при помощи переводчика. Китайская делегация заявила, что семеновцы не будут переходить границу в течение определенного срока, просила, чтобы командующий фронтом Лазо не допустил перехода красных отрядов на китайскую территорию. Так и договорились. В знак своего миролюбия они преподнесли подарки — китайский чай, какие-то китайские безделушки и мешок сахара. Лазо, в свою очередь, пригласил их к двенадцати часам дня на завтрак в свой вагон, куда были приглашены также командиры красных отрядов. Стол был сервирован, насколько это было возможно в условиях фронта. Один из работников штаба сказал Лазо:

— Товарищ Лазо, сахар, который нам преподнесли китайцы, подмочен. Как прикажете, подавать его на стол или нет?

Лазо возмутился:

— Они думают, что мы совсем нищие! Надо немедленно достать нашего настоящего рафинаду. Я им докажу, какой у нас сахар!

На это дело «мобилизовали» несколько человек, которые с большим трудом отыскивали хороший русский рафинад. Во время завтрака Лазо в разговоре с китайцами сделал тонкий намек на то, что русские люди предпочитают пить чай

с рафинадом и не любят сахарный песок, в особенности если он подмочен.

Китайская делегация была очень любезна, предложила посетить Манчжурию, сделать там необходимые покупки, погулять, отдохнуть после фронта. Лазо согласился и с группой товарищей пошел в Манчжурию, но китайская охрана ходила за ним по пятам.

В течение двух-трех дней на фронте было спокойно. Семеновские бандиты не показывались, оттянув все свои части в глубь Манчжурии.

Лазо использовал свободный проход в Манчжурию не только для того, чтобы просто отдохнуть. Его давно уже просил один из товарищей выручить его отца — рабочего на Манчжурской железной дороге. Семеновцы неоднократно над ним издевались и избивали его плетьюми.

Местное население Забайкалья знает многочисленные тропы, большей частью контрабандистские, по которым можно пробраться в Манчжурию. Красногвардейцы-забайкальцы вспомнили эти тропы и двинулись в Манчжурию, благо, китайцы смотрели на это сквозь пальцы. Они просили только не брать с собой оружия. По просьбе Лазо товарищи нашли и переправили старика-железнодорожника на нашу территорию.

Перемирие было заключено на пять недель. Китайская делегация заверила, что в течение этого времени белогвардейцы не будут переходить границу. Бойцы получили возможность передышки, часть их была отпущена по домам косить сено.

Лазо выехал в Читу.

ЛАЗО НА ПРИБАЙКАЛЬСКОМ ФРОНТЕ

С запада по линии железной дороги наступали чехи. Обстановка становилась серьезной.

Центросибиря пришлось эвакуироваться из Верхнеудинска в Читу. На заседании Центросибиря и читинских организаций решено было послать Сергея на Прибайкальский фронт.

Ночью 20 августа Сергей забежал ко мне в городской партийный комитет сообщить об этом и попрощаться.

— Положение очень тревожное, — сказал Сергей. — Мне предлагают организовать фронт против чехов. Я думаю, что едва ли это будет возможно. Верхнеудинск уже сдан. А, впрочем, на месте будет виднее. Я предполагал взять с собой отряд Кларка, но он оставлен для охраны Читы. Есть сведения, что белогвардейцы с попами готовят мятеж. При первой возможности сообщу, как там сложится положение, а пока передай привет Борису.

Попрощавшись, Сергей поспешил на вокзал.

На рассвете за мной прислали и попросили немедленно прибыть в отряд Кларка. В городе начинался белогвардейский мятеж. Офицеры использовали нашу мобилизацию, проведенную в исключительно трудных политических условиях, и повели среди мобилизованных агитацию против советской власти. Отряд Кларка был послан на ликвидацию этого мятежа. Разведка доложила, что мобилизованная крестьянская молодежь находится в лесу, близ деревни Каптак. Мы туда выехали. Борис сказал:

— Я думаю, что белогвардейцы спровоцировали парней. Надо будет попробовать с ними переговорить, не открывая стрельбы.

Он выехал с небольшой группой бойцов, предложив нам всем остаться у опушки леса. Когда было сообщено о нашем мирном намерении находящимся в лесу мобилизованным, они стали выбирать делегата для переговоров, но в этот момент один из офицеров, притаившись в кустах, метким выстрелом убил Кларка. Это была провокация. Мобилизованные уже поняли, что их подвели, и готовы были идти на переговоры.

Мы окружили лес. Молодые солдаты перешли на нашу сторону. Офицеры поспешили скрыться, оставив обманутых ими людей.

Бойцы, бережно украсив тело своего командира Кларка цветами, привезли его в казармы.

Днем меня вызвали в исполком, где была телеграмма от Лазо, уже с Прибайкальского фронта — со станции Хилок. Он просил направить к нему коммунистов, в том числе и меня. В ту же ночь несколько человек выехало на Прибайкальский фронт. Мы отправились на паровозе, который шел в распоряжение Лазо.

К утру, приехав на станцию Хилок, мы нашли Сергея в служебном вагоне. Лицо у него было измученное, глаза воспаленные. Видно было, что он несколько ночей не спал. Он обрадовался нашему приезду:

— Хорошо, что приехали! Люди здесь новые, я почти никого не знаю.

Лазо сразу же распределил приехавших товарищей, направив часть из них на укрепление броневой команды. Когда мы остались с ним одни, он сказал:

— Посылая меня на фронт, надеялись, что я сумею его организовать. Это, конечно, утопия. Держать фронт невозможно. За эти дни я сделал все, что мог. Сейчас надо задержать наступление чехов, чтобы выиграть время для организованного отступления. Некоторые части разложены, отступают в беспорядке и бросают раненых. Я сообщил в Читу о том, что принимаю все меры, какие могу, чтобы задержать чехов и дать возможность Центросибири эвакуироваться из Читы. Са-

мая надежная часть, которую мне удалось укомплектовать и укрепить, — это броневая команда.

Мы были окружены врагами. Чехи двигались к Чите со стороны Иркутска. Верхнеудинск был уже сдан. Со стороны Владивостока тоже наступали чешские эшелоны. Семенов опять начал мобилизацию офицерства, выжидая, лишь срока окончания перемирия, чтобы вновь перейти границу и продолжать борьбу против нас.

На Забайкальском фронте командование было поручено Бабину.

Когда Сергей рассказал о положении на фронте, мы заговорили о Кларке. Сергей уже знал о его гибели. Я ему рассказала более подробно, как это все произошло. Его очень беспокоила судьба семьи Кларка. Он надеялся еще увидаться с женой Бориса Нютой и хотел снабдить ее деньгами, посоветовать ей с детишками уехать куда-нибудь в деревню, подальше от глаз белогвардейцев.

Удержать фронт не удалось. Под напором чехов пришлось отступить.

Сергей орудовал с броневиком и двумя платформами. Он начал портить железную дорогу, уничтожая и взрывая мосты, чтобы задержать наступление чехов. Броневая команда была подобрана хорошо. Лазо знал каждого бойца. Дисциплина была крепкая.

Прежде чем взорвать мост, приходилось выяснять, нет ли где частей Красной армии. Надо было подобрать раненых, которых не успели эвакуировать отступающие части. Был случай, когда группа анархистов — часть из них была в нетрезвом виде — бросилась на Лазо с винтовками и кулаками, требуя денег; он продолжал спокойно с ними разговаривать, как будто не замечая того, что происходит. Мы забеспокоились, но несмотря на все наши просьбы Сергей не хотел уйти в вагон. В это дело вмешалась броневая команда. Командир подозревал Сергея якобы для того, чтобы выяснить какой-то срочный вопрос, и буквально втащил его на бронепоезд, а дебоширившей группе пригрозил оружием.

По ночам Сергей изучал железную дорогу, изучал мосты; на всех станциях, которые мы проезжали, советовался с местными товарищами железнодорожниками, решая вопрос, какой из мостов нужно взорвать, в каком именно месте повредить, чтобы легче было потом исправить. Жаль было разрушать дорогу, но в то же время этого требовали интересы борьбы — надо было задерживать врага и мешать ему продвигаться вперед. Переезжали через мост и посылали назад группу подрывников из броневого отряда; те вкладывали капсулы и зажигали фитиль. Мы, отъезжая на броневике, видели, как мост взрывался, с болью наблюдая эту картину вынужденного разрушения.

Сергей рассчитал, что мы задержали чехов дней на семь-восемь. Когда мы подъехали к Чите, она оказалась эвакуированной. Остановились в Читинских мастерских. В самый город пройти уже было нельзя — его заняли белые. Рабочие Читинских мастерских рассказали Сергею, что Чита была эвакуирована в панике в течение двух часов, так как был пущен провокационный слух, что чехи пошли в обход и отрезали Лазо от Читы.

Сергей, поговорив с отдельными товарищами, решил созвать собрание. Несмотря на то, что была ночь, на это последнее собрание пришло много рабочих. Это было их прощание с Лазо. Настроение у рабочих было — не прекращать борьбы.

После митинга мы должны были ехать дальше, но и мне и Сергею очень хотелось установить связь с семьей Кларка. В город идти было невозможно. Тогда Сергей написал записку и передал ее одному из товарищей, который дал слово, что он на другой же день повидается с Нютой и передаст ей эту записку.

Проехав станцию Карымскую, опять начали взрывать мосты и портить телеграф. Таким образом, доехали до станции Урульга, где была созвана конференция из представителей сибирских и читинских организаций и военных работников, а затем собрание всего сибирского актива.

На этой конференции должны были быть Яковлев — председатель Центросибири — и Лыткин — его заместитель, находившиеся в Благовещенске, но они не смогли приехать и дали телеграмму, в которой предлагали распределить силы партийного актива по городам Забайкалья и Амура для нелегальной работы, а военным руководителям Забайкальского фронта — временно скрыться в тайгу, чтобы впоследствии призвать массы к борьбе и возглавить партизанское движение.

Выступая на конференции, Лазо требовал, чтобы оставшиеся еще под его командованием бойцы были снабжены документами и деньгами. Излишки продовольствия он предлагал отправить в рабочие районы.

Особенно трудно было решить вопрос, как поступить с отрядом интернационалистов. Задерживаться в деревнях и городах им было почти невозможно. Они решили уйти в тайгу.

После окончания собрания мы спели революционные песни и распрощались. Сергей опять прикрывал своим бронепоездом отступление, продолжая разрушать железнодорожный путь и телеграф. Вокруг него сгруппировались работники Забайкальского фронта, решившие вместе с ним отправиться в тайгу.

Все эшелоны ушли. Взорвано еще несколько мостов, чтобы задержать наступление чехов. На одной из небольших станций Амурской железной дороги в руки Лазо попала принятая дежурным телеграфистом лента с приказом какого-то белогвардейского полковника ко всей железнодорожной администрации немедленно приступить к восстановлению путей, разрушенных «бандитами»-большевиками. Рассмеявшись, Лазо сейчас же дал задание порвать телеграфную связь, чтобы отрезать белым возможность пользоваться телеграфом.

Бронепоезд кончил свою работу. Команда загнала его в тупик. Обычный паровоз перевел на главный путь два классных вагона, оставив в тупике бронеплощадки и броневой паровоз.

Командир броневого отряда дал команду:

— Ну, ребята, приступайте!

Надо было уничтожить бронепоезд, вынудив оттуда все затворы, замки и части, чтобы ничего не оставить врагу. Два пулемета спрятали в надежном месте, третий и два орудия разобрали по частям.

После этого команда прибыла на станцию «Ерофей Павлович». Короткое собрание. Лазо отметил заслуги отряда, его сплоченность и дисциплинированность.

— Ваша команда, — сказал он, — выполнила хорошо свой долг. Мы выиграли время, чтобы распустить боевые части и дать возможность бойцам разойтись по всей далекой Сибири, не попадаясь врагу. Враг временно оказался сильнее нас. Мы должны отступить перед его силой. Но наша победа придет! Думаю, что она не за горами. Сибирь велика. Разбредитесь по деревням и поселкам и готовьтесь. Примите от меня последнее товарищеское спасибо!

Бойцы были взволнованы.

Небольшая команда в тридцать человек крепко сжилась с Лазо. Он уже давно кончил свою речь. Говорить уже как будто не о чем. Бойцы получили документы, деньги, некоторый запас продовольствия.

Наступила тяжелая минута... Бойцы молчали.

Один не выдержал:

— Товарищ Лазо, нельзя ли и нам с вами?!

Лазо грустно улыбнулся:

— Нет, товарищи, вместе нельзя.

Бойцы столпились вокруг Лазо. Каждому хотелось на прощанье пожать ему руку. Лазо сердечно со всеми попрощался. Кинув последний взгляд на любимого командира, товарищи стали расходиться.

Осталась последняя группа в тринадцать человек. Это были военные руководители Забайкальского фронта.

По директиве партийной организации они должны были временно уйти в тайгу с оружием и пробыть там месяц-два. Тут вместе с Лазо были: Балябин, Богомягков, Киргизов и другие командиры. Среди них оказался также Виктор — молодой казак из станицы Шарасун, небольшого роста, с широким скуластым лицом и непокорной белокурой шевелюрой. Он прошел с Лазо весь Забайкальский фронт, был его вестовым, и никакие уговоры, чтобы он уехал один, на него не подействовали. Он остался с Лазо.

— Может быть, я тебе и пригожусь, — говорил он.

Лазо махнул рукой и уже больше его не убеждал.

В вагоне устроили короткое совещание. Гоша Богомягков доложил, что по уговору с председателем Центросибири Яковлевым надо продвигаться по направлению к Якутску по таежному тракту, тянувшемуся от станции Рухлово на тысячу с лишним верст. Сергей, внимательно выслушав Богомягкова и еще нескольких товарищей, сказал:

— Я думаю, что нам необходимо выгружаться с малонаселенного пункта — с Малого Невера. Это разъезд, где поезда не останавливаются.

После небольших прений было решено взять с собой один пулемет (легкий «кольт»), по винтовке на каждого, запас патронов, немного продовольствия (мука, крупа и жиры) и, таким образом, попытаться добраться до Якутска.

Медлить было нельзя.

Небольшой состав двинулся в путь. На станции Рухлово все излишки продуктов были сданы в местный кооператив. Сергей вызвал к себе в купе машиниста Агеева и сказал ему:

— Отвезешь нас до Невера. После этого загни куда-нибудь наш состав подальше. Разбросай вагоны по разным станциям, а мой служебный, который, очевидно, известен семеновцам, загни так, чтобы никто не подумал, что мы остались в Невере.

Агеев внимательно слушал, стараясь не проронить ни одного слова, и сразу понял, что ему нужно делать.

— Есть, товарищ Лазо, будет сделано!

Вот доехали до Невера. Темной ночью, когда население еще спало, мы осторожно выгрузились и сели на лошадей. Пришлось взять две подводы. На одной везли продовольствие, а на другой — ящики с патронами. Мы еще до восхода солнца миновали деревню Невер и вышли на тракт к Васильевскому прииску. Дорога шла по глухой тайге.

В населенных пунктах мы не останавливались, опасаясь шпионов. По пути, если попадался крестьянин или рабочий, расспрашивали, какие поселки и приiski находятся впереди, тяжела ли дорога на Якутск.

Вот миновали прииск Васильевский. Через два десятка верст будет еще один прииск — Бородинский, а там пойдет

уже глухая тайга с изредка встречающимся зимовьем — небольшими домиками, расположенными по таежному тракту, в которых живут зимовщики, обычно один-два человека. Они обслуживают проезжающих и проходящих на прииски людей. Иногда эти зимовья встречаются нежилыми, но законы тайги таковы, что в них есть все необходимое для человека: печка, немного муки, иногда даже чайник и кружка.

После короткого отдыха тронулись дальше. Были насто-роже, чтобы не попасться впросак, если встретятся хунхузы.

Начал накрапывать дождь. Дорога стала вязкой. Пришлось ехать медленно, лошади скользили.

Вдали показалось небольшое строение, как видно — зимовье.

Трое ехали впереди, спокойно разговаривая, как вдруг через дорогу из тайги по направлению к зимовью пробежал китаец в военной шинели, без шапки, с трехлинейной винтовкой в руке.

«Хунхузы» — мелькнула у всех мысль.

Богомягков и Киргизов моментально прищипорили своих лошадей и быстро помчались вперед. Сергей поспешил установить наш пулемет. Мы спешили, но боялись стрелять, так как впереди были двое наших товарищей. Было ясно, что в зимовье хунхузы. Сергей быстро вставил ленту пулемета и описал дугу пулеметным огнем, взяв дальний прицел. Сделал он это больше для острастки.

Тайга в этих местах впервые услышала пулеметные выстрелы, встревожившие всех ее обитателей.

После этого четыре человека остались около подвод с оружием, а другие кустами поползли по направлению к зимовью, осторожно оглядываясь по сторонам, чтобы не попасть в ловушку. Зимовье оказалось пустым. Очевидно, хунхузы удрали.

В зимовье была натоплена печь, стояла забытая кружка с горячей водой, и на куске жести, на огне, жарились из белой манчжурской муки китайские лепешки.

Так окончилась встреча с хунхузами. Было больше смеха, чем страха. Отдохнув возле натопленной печки, немножко просушив одежду после дождя, двинулись дальше. Ночевали в лесу. По нашим расчетам утром мы должны были притти к старому зимовщику Шкарубе.

Показалась река Тыгда, а за ней жилые постройки. Это и были владения Шкарубы. Часть людей осталась в тайге, двое пошли в разведку. На противоположном берегу появился невысокий худой старик с большой бородой. Он быстро сел в лодку, переплыл на нашу сторону и перевез двоих. Остальные ждали около часу. Товарищи вернулись и сказали, что Шкаруба согласился за деньги на несколько дней скрыть нас всех у себя.

Через некоторое время мы на примитивном плоту перевезли все наше имущество.

Нужно было несколько дней прожить здесь, чтобы выяснить, что делается на приисках, расположенных дальше, какая там власть и, может быть, получить кое-какие сведения о Якутске. Все это необходимо было проделать очень и очень осторожно.

У Шкарубы было несколько построек: одна в лесу, другая у дороги, где жил он сам с женой, а третья — совсем в стороне; ее занимали два старика — замечательные таежники. Они знали тайгу на десятки верст вокруг.

Чтобы избавиться от лишнего груза, мы отдали Шкарубе часть муки и риса. Но особенно привлекли его внимание наши прекрасные лошади. Он договорился с Мусоновым, который ведал у нас всеми хозяйственными делами, что получит одну или, может быть, две лошади, если будет оказывать нам помощь.

Днем мы уходили в тайгу, бродили близ зимовья, чтобы не попадаться никому на глаза. К вечеру собирались вместе и делились последними новостями. Так продолжалось три дня.

Нашим информатором был один из стариков, умевший во время перевоза людей с берега на берег поговорить с любым прохожим и выведать от него все, что требуется.

Выяснилось, что в близлежащие прииски возвратились их прежние владельцы, а в Якутске белая власть установилась уже давно, даже раньше, чем в городах, расположенных по линии железной дороги.

Надежды товарища Яковлева на то, что в отдаленный от железной дороги Якутск белые не пойдут и не пошлют больших отрядов, не оправдались. В Якутске местные контрреволюционные силы совершили переворот.

Это в корне меняло наш план, по которому мы предполагали в Якутске устроить свою советскую базу; туда же со стороны Олекмы шла другая группа во главе с председателем Центросибири Яковлевым.

Сергей принялся за изучение местности. Вскоре он уже знал, где какой прииск находится, где жилые и нежилые места. Он принимал все меры к тому, чтобы поддержать наш боевой дух. Некоторые товарищи приуныли, появилась апатия.

Двигаться дальше было бессмысленно. Мы решили спуститься на плотях по Тыгде по направлению к реке Зее, прожить некоторое время в тайге и потом, в зависимости от обстоятельств, наметить, что делать дальше: установить ли связь с близлежащими приисками или выбраться опять на линию железной дороги.

Под руководством Сергея и Гоши мы соорудили примитивные плоты — ряд бревен, скрепленных веревкой, — и на другой день, взяв самое необходимое, тронулись в путь. Старик

взялся быть провожатым. Шкаруба снабдил каждого из нас оленьей шкуркой и тулупом. Лошадей мы оставили близ зимовья.

Временно мы выбрали по указанию старика удобное место и расположились там. Старик доставлял нам хлеб и соль. Мы стремились скорее изучить местность и расстаться со стариком — уйти так, чтобы замести свои следы. Мы предполагали устроить несколько баз на расстоянии десяти-пятнадцати верст одна от другой для того, чтобы было куда скрыться в случае погони.

С уходом в тайгу мы потеряли связь с миром. Появилась боязнь чего-то. Люди чувствовали себя, как затравленные звери. Первые дни пытались заняться работой: с утра разжигали костер, шли на охоту, глушили рыбу при помощи бомб, но и это стало опасным — звуки выстрела могли привлечь врага. Для того чтобы убить птицу или зверя, уходили за восемь-десять верст без дороги, без тропинки, по заросшей тайге или по болоту. Ходить было очень тяжело, и эти восемь верст, пожалуй, равнялись сорока верстам обычной дороги.

Ночью спали по очереди; устраивали дозоры и обходы вокруг нашего жилья. Настроение становилось все тяжелее, сон был беспокойный — прислушивались к каждому шороху. По ночам крик гуранов¹ напоминал лай собак — казалось, что идет отряд с собаками. Сергей в эти дни изо всех сил старался поддерживать товарищей. Видя, что товарищ впадает в уныние, Сергей подсаживался к нему и подолгу с ним беседовал.

Наступили холода. По утрам все было покрыто инеем, начались заморозки, но снега еще не было. С вечера устраивались на оленьих шубах, одевались двумя тулупами, в рукава одного из них засовывали ноги, опоясывались каким-нибудь полотенцем или шарфом и так засыпали у костра. Преодолевая все трудности таежной жизни, люди старались казаться спокойными.

Однажды мы устроили собрание, чтобы решить, что делать дальше. Сергей, выслушав всех, сказал:

— Я думаю, что оставаться в таком положении больше нельзя. Зимовать мы здесь не можем. Нам нужно начать изучение окрестностей, немедленно связаться с близлежащими приисками и, сменив одежду, может быть, устраиваться на приисках под видом рабочих. Затем надо попытаться сблизиться с нашими организациями в Чите и Благовещенске по тем явкам, которые мы получили на конференции в Урульге.

На этом же собрании выделили меня и еще одного товарища для поездки в Читу и Благовещенск. Мы должны были выяснить, что происходит в городах: существуют ли там наши

¹ Горный козел.

партийные организации и имеется ли возможность выхода в жилые места. На это мы должны были потратить, примерно, около месяца. За это время Сергей с Гошей Богомятковым ознакомились с приисками.

На другой день Богомятков перевез нас на плоту на противоположный берег. Мы шли в неизвестность — не знали, как пройдем, как наладим связь и что нас ждет.

К вечеру мы добрались к зимовью Шкарубь. К нему не заходили, а зашли к старику, где не было людей, и поговорили с ним. С помощью этого старика мы сменили одежду и под видом приисковых рабочих отправились в путь.

Жизнь таежной группы разбилась. Как выдержат те, кто остался в тайге, и как нам удастся выполнить задание, чтобы найти связь в городе и вернуться обратно на выручку к товарищам?

Мы ехали по знакомой дороге через зимовье. На Бородинском прииске пришлось заночевать. Один из приискателей вошел в комнату и стал пристально вглядываться в нас. После этого я всю ночь не спала — ждала ареста. Утром поехали дальше. На прииске Васильевском, когда мы остановились, чтобы напоить лошадей, нас задержали. Внешних улик для ареста как будто не было. Заранее уговорившись, что мы являемся только попутчиками и не знаем друг друга, мы рассказали каждый свою историю о том, кто куда едет, зачем и откуда.

Нас продержали несколько дней, а затем отправили дальше как арестованных вместе с группой красногвардейцев, взятых в плен в тайге. Нас отправили в Рухлово. Там моего спутника освободили, а меня задержали. В Рухлове оказалось много забайкальцев, скрывавшихся там, и, узнав о моем аресте, они довольно быстро установили со мной связь. В их числе был и машинист Агеев, который вез наш знаменитый бронепоезд, прикрывавший отступление. Улучив удобный момент, он указал мне свой адрес на станции Рухлово.

Из Рухлова нас, человек двенадцать, в арестантском вагоне отправили в Свободный. Наш вагон охраняли вместе с милицией японцы. Милиционеры были насильно взяты на службу. Часть из них уже получила от Семенова плети. Разговаривали они с нами очень осторожно, но явно сочувствовали.

Японские солдаты имели при себе словарь, при помощи которого они пытались объясняться. Первый вопрос, который они задали милиционеру, увидев нас, был такой: «Это бурсо-совику?» Милиционер растерялся, а затем пробормотал: «Не большевики, а арестованные». Японцы поняли, что мы не большевики, и успокоились. При слове «большевик» они приходили в ярость. Очевидно, при отправке в Сибирь с ними проводилась соответствующая работа.

Мне в руки попал этот словарь. Я попробовала составить

фразу для агитации, но убедилась, что это почти невозможно. Словарь заключал в себе только ругательства по адресу большевиков.

На одной из небольших станций к нашему арестантскому вагону подвели арестованного рабочего-железнодорожника. Был он пожилой, с бородой, без шапки. Его подталкивали прикладом японские солдаты. Сзади шли японские офицеры, которые разговаривали до-английски. За рабочим бежали два мальчика: одному было лет десять, другому — восемь. Маленький бежал впереди, он что-то выкрикивал и плакал. Старший безуспешно старался его догнать. Рабочий оборачивался, делал какие-то знаки мальчикам, очевидно, чтобы они ушли, но младшего нельзя было остановить — он упорно бежал за отцом. Рабочий опять обернулся, хотел что-то сказать, но удар прикладом японского солдата свалил его на землю. В это время маленький мальчик догнал отца. Японский солдат грубо его оттолкнул. Стиснув зубы, мальчик со сжатыми кулачками бросился на японца. Японец пришел в ярость и грубо отбросил мальчика в сторону. Отца, пытавшегося вмешаться в это дело, окружили солдаты и связали ему руки.

Эта жуткая сцена привлекла внимание. Собралась большая толпа. По адресу японцев посыпались враждебные возгласы. Старший мальчик бросился выручать младшего, и началась свалка между детьми и японским солдатом. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы случайно не проходил мимо американский офицер. Он что-то быстро сказал японскому офицеру, и тот позвал солдата, избивавшего мальчика. Рабочего ввели в вагон. Старший мальчик увел своего братишку, вытиравшего заплаканные глаза.

Поезд отправился дальше.

Около Свободного арестованными был заполнен весь вагон. Приводили арестованных и белогвардейцы и японцы.

Рабочий-железнодорожник оказался председателем совета станции Ин (товарищ Гук). Он собирался уехать с детьми в теплушке и устроиться на какой-нибудь станции на работу, но его обнаружили и арестовали. Ребята остались одни.

Нас перевели в тюрьму. Тюрьма была небольшая. Против нашей камеры находилась маленькая следственная комната, где лежали горы материала. Следователи уже потеряли все нити — путали имена арестованных, путали дела. А телефон все звонил — сообщали о новых партиях арестованных.

Мне удалось наладить связь с товарищем Гуком. Через несколько дней он сообщил, что у окошка тюрьмы появились его детишки. Какой-то сердобольный железнодорожник привез их в Алексеевск (Свободный). Их было уже трое — два мальчика и девочка лет девяти. Они с утра надевали сумку и уходили выпрашивать хлеб, который передавали через окошко отцу, а он делился с нами. В тюрьме почти не кормили. Мы

собирали имеющиеся у нас деньги, передавали через окно ребятам, и они снабжали нас продовольствием. Так через них наладилась первая связь с волей.

Несколько раз меня вызывали на допрос, но улики против меня почти не было. Следователи были безграмотные. Дело запутывалось. Я упорно доказывала случайность своего ареста и без конца предъявляла сохранившиеся у меня документы вольнослушателя Томского университета.

Наконец меня освободили.

Мне даже не верилось, что так легко удалось выпутаться. Я еще не решила, как мне дальше действовать, куда ехать. Явки были уничтожены, связи не было, тянуло к своим, в тайгу, но появляться там было опасно.

На другой день ребята принесли записку от Гука, где сообщалось, что мне немедленно надо выехать, так как следователь неожиданно поднял скандал по поводу моего освобождения — нашел в материалах указания на связь с отрядом Лазо. В ту же ночь, удостоверившись с помощью детишек, что за мной нет слежки, я села в первый попавшийся поезд и уехала на станцию Рухлово.

Приехав, я сразу пошла по известному мне адресу машиниста Агеева. Он очень обрадовался и встретил меня словами:

— Ну что, выкарабкалась? А ребята тут горевали, устраивали тебе побег, но не успели, — добавил он. А потом, посмотрев внимательно, сказал:

— А Лазо-то здесь, почти все Рухлово об этом говорит.

Я насторожилась. Видимо, слишком широкий круг людей знает, что Лазо здесь. Это было опасно.

Утром Агеев связал меня с семьей одного оловянного рабочего, который подтвердил, что Лазо несколько дней тому назад подошел к Рухлову, выбравшись из тайги. Рабочий сообщил мне, что он устроил Лазо близ Рухлова, у железнодорожника. Об этом его местопребывании никто не знает, но о том, что Лазо появился около Рухлова, знают очень многие из забайкальцев и болтают много. В ту же ночь жена рабочего понесла Сергею от меня записку.

Днем я старалась в Рухлове не показываться, чтобы не попасть на глаза милиции, которая меня охраняла при аресте и знала в лицо. Вскоре вернулась жена рабочего, рассказала мне о том, что она передала записку Сергею; он, прочитав записку, в первый момент ничего не соображал — никак не мог допустить той мысли, что я нахожусь в Рухлове: они считали нас расстрелянными.

На следующую ночь увиделись мы с Сергеем. Жил он в железнодорожной будке. Был еще в военной одежде, не имея возможности переодеться в штатское. Решили принять все меры к тому, чтобы скорее уехать из Рухлова и держать

направление на Владивосток — большой промышленный город, где легче было устроиться и найти связь с партийной организацией.

Сергей рассказал о том, как без меня развивались события в тайге. Там довольно быстро узнали о нашем аресте, и товарищи, опасаясь облавы, решили как можно скорее уйти и по возможности выбраться совсем из тайги. Но тут столкнулись два мнения. Балябин предлагал пробраться в Благовещенск и оттуда — за китайскую границу к Сахалину. Сергей придерживался другой точки зрения: выходить в населенные места и начинать вести работу среди пролетарской массы.

Вместе с Сергеем решили идти Мусонов, рабочий станции Оловянной, и, конечно, Виктор. Киргизов не присоединился ни к какой группе, а пошел в знакомые места — в Забайкалье. Впоследствии он был одним из организаторов партизанского движения в Забайкалье. После долгих колебаний с Балябиным решил идти также и Богомыгков. Перед уходом вырыли большую яму. Земля еще не сильно промерзла. Спустили туда винтовки, десять японских карабинов, несколько ящиков с патронами, пулемет, бомбы и все остальное оружие. Револьверы оставили при себе. Сравнили яму, закрыли ее листвой и хвоей, чтобы не была заметна свежая разрытая земля, и неподалеку сделали знаки, чтобы в случае необходимости найти это место.

Прошли путь до разъезда Невер тайгой; на дорогу решали себе выбираться лишь темной ночью и в наиболее глухих местах. Виктор и Мусонов успели переодеться, Сергей был еще в военной форме.

Направились к поселку Рухлово в надежде найти там кого-либо из забайкальцев. Близ Рухлова Сергея опять оставили в тайге, а Мусонов с Виктором пошли в поселок и здесь встретили товарищей по фронту. Среди них был рабочий оловянинских железнодорожных мастерских Сергей Иванов, близко связанный с Лазо по работе. Лазо шутя называл его тезкой. Ему сказали о том, что Лазо находится в тайге близ Рухлова и что его нужно выручить.

Утром жена рабочего пошла к знакомому железнодорожнику за пятнадцать верст от станции Рухлово. Не называя имени Лазо, она осторожно сказала ему, что на некоторое время нужно скрыть одного товарища. У этого железнодорожника сын тоже «ходил в красных». Посоветовавшись с женой, он сказал:

— Ну что же, приводите вашего командира, авось, и моего сына кто-нибудь скрывает.

Из предосторожности Сергей целыми днями бродил по тайге и, когда подходил к домику, вглядывался, нет ли кого поблизости. Была даже установлена определенная сигнализация, предупреждавшая о том, что все спокойно. Так про-

жил он около двух недель, и вот однажды пришла к нему Иванова и принесла мою записку.

Решили уезжать из Рухлова как можно скорее. Предварительно нужно было выяснить, как проводится посадка на поезда, и переодеть Сергея в штатское. За его обмундирование взялась жена Иванова. Она купила материю и сама сшила Сергею костюм, так как отдавать портному было опасно.

Машинист Агеев был верный и преданный товарищ. В течение нескольких дней он наблюдал на станции за движением пассажирских и товарных поездов, не возбуждая подозрения белых, так как был железнодорожным служащим. Контрреволюция свирепствовала. Офицеры вместе с японцами делали облавы в поездах, проверяли документы, снимали всех «подозрительных» — некоторых расстреливали, других направляли в тюрьму.

Сергей использовал имевшиеся у него пустые бланки и заготовил паспорта нам троим — мне, себе и Виктору. Мусонов уехал искать свою семью.

Однажды вечером Агеев сказал:

— Могу провезти вас на паровозе в свое дежурство.

Решили, что это неприемлемо: паровоз шел до следующей узловой станции, там машинист сменялся, а условия посадки были те же, что и в Рухлове, — те же обыски и аресты. Вести людей на паровозе едва ли согласился бы другой машинист, а на незнакомой станции оставаться было опасно.

В один из вечеров Агеев, придя домой, сообщил маленькую деталь, за которую мы ухватились. В это время на Дальнем Востоке еще существовало резкое различие между русским и китайским населением. Китайское население игнорировалось, считалось низшей расой, китайские рабочие — кули — и мелкие торговцы не допускались в пассажирские вагоны. Они ездили в теплушках, куда русские не садились. В теплушках обычно они набивались битком, и на эти вагоны мало кто обращал внимание. Агеев выяснил, что ни офицеры, ни японцы не контролируют теплушки с китайцами.

Решили рискнуть. С помощью Агеева выбрали поезд, который отправлялся со станции ночью. Постарались забиться в глубину теплушки, чтобы не привлечь внимания китайцев, которым могло показаться странным, что русские едут вместе с ними, и, с другой стороны, чтобы не привлекать внимания контроля. Посадка прошла незаметно: была ночь, китайцы в теплушках спали. Утром китайцы с некоторым недоумением посмотрели на русских, которые почему-то сели к ним в вагон, но потом их успокоило то, что наружность Сергея была нерусская: в большом тулупе, в сибирской шапке с ушами и своим несколько раскосым разрезом глаз он, действительно, напоминал восточного человека.

В вагоне было душно, пахло чесноком и луком (любимое

кушанье китайцев), но было тепло, так как печка все время топилась. Несколько раз дверь раздвигалась, и видны были физиономии офицеров; почувствовав запах чеснока и услышав китайскую речь, они быстро исчезали со словами: «А, это китайцы».

Каждый раз при отодвигании двери замирало сердце, и казалось, что кто-нибудь из китайцев скажет, что здесь русские, или какой-нибудь из патрулей вопреки обыкновению сделает, наконец, проверку — и тогда все пропало. Но китайцы проявляли молчаливую солидарность с нами, и мы довольно спокойно добрались до Хабаровска.

На вокзале в Хабаровске было жутко. Здесь было много офицеров и все время ходили калмыковцы с плетками в руках. Уже давно за поимку Сергея предлагали большие деньги.

На вокзале Сергей сел в угол и стал читать газету, стараясь прикрыть ею лицо, а мы с Виктором пошли доставать билет на Владивосток. Опять выбрали ночной поезд и теплушку с китайцами.

Рано утром приехали во Владивосток.

ВОЕННЫЕ СВОДКИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ФРОНТА

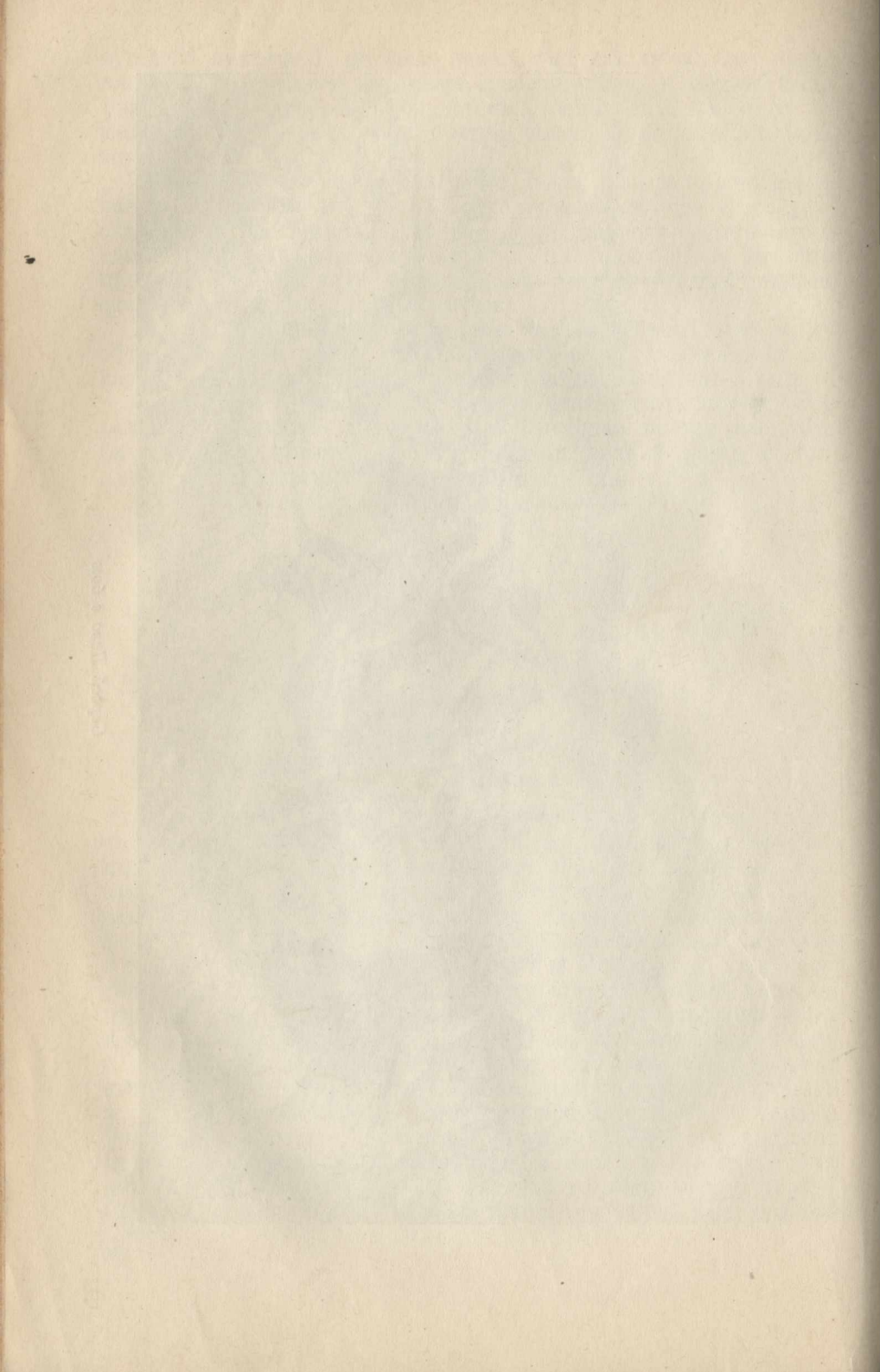
БЮЛЛЕТЕНЬ

11 марта 1918 года

Сообщаю положение дел с Семеновым. 1 марта занята ст. Даурия. Противник в панике бежал при первых оружейных выстрелах. 5-го с бою занята станция Шарасун. 8-го заняли пустую ст. Мациевскую. Отступая, семеновцы взрывают путь, увозят аппараты, кассы, билеты и частные грузы. 8-го разъезд № 86 ... занят китайскими солдатами. 9-го с полномочиями Центросибири ездил в Манчжурию для переговоров с китайским главнокомандующим. Китайцы заявили, что в течение семи дней семеновцы не будут пропущены через границу. Китайские войска за разъезд № 86 не переходят, о дальнейшем запрошен ими Пекин. Официально предложил китайцам или разоружить Семенова или выдворить из Манчжурии. Нами даны гарантии неприкосновенности китайцев. Гражданская война не перейдет границу. Китайцы заявили, что ими запрещен набор семеновцев в Китае и что они строго нейтральны. Сейчас Семенов свободно хозяйничает на дороге. Семидневный перерыв, который кончается 14-го, даст возмож-

Сергей Лазо в бою

ность противнику только оправиться после разгрома и стянуть свои силы. Я вынес впечатление, что китайцы Семенову не помогут и даже тяготятся им, но за Семеновым стоит чья-то сильная рука. Даурия — удобная база, положение наше прочно, но мы лишены возможности преследовать врага за границей. Семеновцы вооружены винтовками и пулеметами. Теперь у них имеются и орудия. Лично подтверждаю факт бесчеловечных истязаний, грабежей и расстрелов над мирными пассажирами со стороны семеновцев.

Начальник отряда Сергей Лазо.

БЮЛЛЕТЕНЬ

12 мая 1918 года

В 6 часов утра завязался бой с семеновцами. Неприятель подошел к станции Могойтуй и начал обстрел наших войск, прибывших для операции против врага. Наши части перешли в наступление, меткими первыми ударами нашей артиллерии артиллерия противника замолчала. Было подбито нами и брошено противником одно орудие. Наша пехота наступала цепями широким фронтом, на флангах — казаки Аргунского полка. Вскоре одна рота неприятеля попала под перекрестный огонь пехоты и кавалерии и бежала, оставив одного, убитого нами. Войска преследовали бегущего противника, не оказавшего никакого сопротивления на протяжении 23 верст до ст. Ага. В 6 часов вечера наши войска подошли к Аге. Наш бронированный поезд с артиллерией и пулеметами ворвался на станцию, и произошел непродолжительный, последний бой. Противник в панике бежал. Ст. Ага закреплена нами. Силы неприятеля определяются в три орудия, до тысячи пехоты и кавалерии со многими пулеметами. Наши потери ничтожны. Убит один казак, несколько раненых. Потери противника выяснить вполне не удалось. Пока найдено свыше 200 трупов. Наши войска вели себя великолепно. Сотни вновь сформированного Аргунского полка принимали горячее участие в разведке. Перед боем и в самом бою проявили большую устойчивость и оказывали незаменимую помощь нашим войскам. Пленных и раненых семеновцев нет. Захвачены на ст. Ага запасы овса, сена, мяса и орудия. 13 мая наши части преследуют неприятеля, который отошел к Булаку. На других участках Забайкальского фронта без перемен. Прифронтовое казачество поднялось на защиту советской власти и спешно мобилизует новые силы.

Командующий Лазо.

Разъезд 85-й. На фронте без перемен. Перебежчики в последнее время передают сведения о провокаторских приемах семеновских банд, употребляемых для привлечения в свои ряды большого количества людей. Семенов нанял несколько японцев и корейцев, переодевает их на ст. Манчжурия и направляет с криками и музыкой на Мадиевскую. Тех же японцев он ночью направляет обратно в Манчжурию и, переодевая снова в японские одежды, днем опять отправляет торжественно на фронт. Какого-то переодетого манчжурского парикмахера выдает за сына японского генерала Кууроки. Раздает в Манчжурии своим бандам табак и прочие награбленные в кооперативах Забайкалья товары. Семенов заявляет, что эти подарки доставлены ему для раздачи японской императрицей. Семенов забрал весь закупленный московским кооперативом товар на сумму 620 миллионов рублей, продал две электрических станции и пр. Весной, производя насильственную мобилизацию казаков и желая привлечь их на свою сторону, переодевал некоторых своих бандитов в форму военнопленных, выдавал их за мадьяр, указывая населению, что оно должно воевать. Теперь все узрели вранье Семенова, никто ему не верит; банды Семенова разбегаются, китайцы побросали оружие и ушли; даже офицерство — самый надежный до сих пор элемент — стало подозрительно для Семенова. Передают об организуемых офицерских заговорах против Семенова, над которым установлена постоянная слежка со стороны офицерства, дабы он не мог убежать с награбленными деньгами, не поделив между всеми. Самыми надежными оказались у Семенова сербы, которые охраняют его. Несколько раз китайцы стреляли по Семенову, но последний под градом пуль убегал, причем был убит адъютант. Китайские власти, видно, тоже недовольны Семеновым. Китайская делегация обещала обезоружить Семенова, для чего им необходим только известный срок. Она подтверждает все выпесказанное о Семенове.

За последнее наступление перебежчики передают, что убито и ранено масса семеновцев. Живут тревожно; каждый офицер с собой носит штатское платье, чтобы в критический момент переодеться.

Прошлое воскресенье паника охватила всех семеновцев. В Манчжурии офицеры гримировались и переодевались даже в японские костюмы. Разнеслась молва, что большевики захватывают Манчжурию.

Д О Г О В О Р
КОМАНДУЮЩЕГО ЗАБАЙКАЛЬСКИМ ФРОНТОМ
С КОМАНДОВАНИЕМ КИТАЙСКИХ ВОЙСК

30 июля 1918 года

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, начальник штаба, главнокомандующий китайскими войсками для временной охранной стражи в полосе отчуждения Китайско-восточной железной дороги на территории Хейлунцзянской провинции, с другой стороны, командующий Забайкальским фронтом, в целях поддержания мира между Китайской республикой и Российской республикой советов условились в нижеследующем:

1. В течение пяти недель мы постараемся принять все меры к разоружению Семенова (Особый манчжурский отряд).

Мы гарантируем, что в течение этого срока не пропустим Семенова и Особый манчжурский отряд через русско-китайскую границу. О результатах своевременно сообщим.

2. Ни в коем случае советские войска Забайкальского фронта не имеют права перейти русско-китайскую границу, а также и войска Китайской республики не имеют права перейти русско-китайскую границу.

3. Советские войска Забайкальского фронта располагают главные силы на станции Даурия в сторону Читы.

4. На разъезде 86 ввиду удобства расположения войск и нахождения там воды располагаются передовые посты китайских и советских войск, силой каждый не более шестидесяти человек.

5. Все вышеусловленное входит в силу со дня его подписания обеими сторонами.

Начальник штаба главнокомандующего китайскими войсками для временной охранной стражи в полосе отчуждения Китайско-восточной железной дороги на территории Хейлунцзянской провинции (подпись).

Старший адъютант штаба главнокомандующего китайскими войсками (подпись).

Командующий Забайкальским фронтом С. Лазо.

Начальник штаба Забайкальского фронта Русские.

Июля 30 дня 1918 г., станция Мацневская.

В О Г Л А В Е ВОССТАНИЯ

О. ЛАЗО

ПРИЕЗД ВО ВЛАДИВОСТОК

Лазо, Виктор и я приехали во Владивосток ранним утром в середине декабря 1918 года. У нас не было ни одной явки, ни одного адреса. Мы вошли в город, кишевший интервентами, миновали Светланку и, стараясь идти по малолюдным улицам, добрались до Рабочей слободки. Здесь мы почувствовали себя свободнее — интервенты и белые офицеры нам больше не попадались.

В Голубиной пади среди разбросанных домиков возвышались сопки. На верхушке одной из них мы нашли лощинку и там оставили Сергея. Дали ему газету, а сами пошли искать жилье.

После долгих поисков мы увидели в Голубиной пади на воротах одного из домиков объявление о том, что сдается кухня. Эта кухня оказалась обыкновенным сараем из досок, даже не покрашенных, но внутри была печь. Мы продрогли, и возможность согреться показалась нам очень соблазнительной. Быстро договорились с хозяином, оставили ему задаток и заявили, что в кухне будет жить семья из трех человек: жена, муж и брат жены. Виктора объявили моим братом. Мы назвались безработными железнодорожниками Амурской дороги. Это казалось правдоподобным и не вызывало подо-

зрений. Все знали, что при белой власти происходили массовые увольнения рабочих.

К вечеру мы устроились в новом помещении, которое с большой натяжкой можно было назвать жильем. Все наше имущество состояло из двух тулупов. Хозяин дома притащил из сарая пустой ящик, из которого мы соорудили стол. Мы были рады и этому после нескольких месяцев скитаний.

На другой день написали письмо в Благовещенск к одному товарищу с просьбой выслать нам явку. И в то же время решили, не ожидая ответа, самим попытаться найти связь с местной партийной организацией, которая находилась тогда в глубоком подполье.

Во Владивостоке открыто существовали, правда, в очень жалком положении, профессиональные союзы. Это объяснялось, конечно, не гуманной политикой интервентов и белогвардейцев, а тем, что в комитетах профсоюзов сидели их же защитники — меньшевики. Наша партия за спиной у меньшевиков вела большую работу.

Я пошла в ближайший к нам профсоюз печатников. Явилась туда «нащупать почву» под видом безработной и попросила устроить меня ученицей в типографию. Я почувствовала, что имею дело с чужими людьми, и не могла открыть им своего имени; тем более нельзя было спрашивать о подпольной организации. Они отнеслись ко мне весьма подозрительно, хотя записали меня и предложили навещать.

Мы с Виктором целыми днями бродили в поисках работы. Наши попытки связаться с партийной организацией пока ни к чему не приводили. Сергей днем сидел дома, а на прогулку выходил только по вечерам, и то не приближаясь к людным улицам.

Оторванность от товарищей переживалась нами тяжело. Однажды утром, когда мы только что встали, затопили печку и приготовили завтрак, послышался голос хозяина:

— Вот здесь живут какие-то брат и сестра. Может быть, это те, кого вы ищете.

Раздался стук в дверь, и показалась женщина. Я вздрогнула, узнав свою старую знакомую, Нину, студентку Томского университета, где я в 1917 году вела партийную работу среди учащихся. Ее политическое настроение было мне неизвестно. Кто она сейчас и к чему поведет эта встреча? Нина знала, что я большевичка. Я задержала ее на пороге, сказав, что сейчас выйду, накинула пальто и вышла на улицу. Несколько секунд прошло в тягостном молчании. Вихрем пронеслась мысль — все пропало. Выследили. Сердце тревожно сжалось.

Прервав молчание, Нина сказала, что она устроилась в американском Красном кресте на работу по обследованию беженцев. В поисках одной семьи она и зашла в наш дом. Жила она недалеко от нас и пригласила меня к себе. Я почувствовала, что

это свой человек, стала ее навещать. Через некоторое время к ней зашел и Сергей, хотя до весны 1919 года она не знала, что Сергей — это Лазо.

Скоро нам удалось найти настоящую жилую комнату в той же Голубиной пади у одного врача, бывшего владельца имения на Урале, который нам с первого же раза сообщил, что он бежал от большевиков. Мы ему «посочувствовали». Марка такого хозяина была для нас очень удобна. Сергей рассказал, что у его матери в Бессарабии тоже есть участок земли, поговорил с ним о сельском хозяйстве и окончательно расположил его в свою пользу. Сергей объявил, что он чертежник, чтобы хозяину не казалось подозрительным его постоянное сидение дома. Паспорта наши были в порядке — прописали без всяких осложнений, и мы переселились в новую комнату.

Виктор с нами расстался. Он решил пробираться через фронт в советскую Россию. Я помню, ночью Сергей на куске материи написал ему справку о его революционной деятельности. Виктор зашел к ней в свой полушубок и уехал. С тех пор мы не встречались.

Мы с Сергеем, не дождавшись ответа из Благовещенска, написали туда второе письмо. Вскоре товарищи откликнулись. Однажды вечером мы услышали, что на кухне кто-то стучит. Послышался голос:

— Где живут ваши квартиранты?

Мы насторожились. Вошли двое. В одном я сразу узнала читинского работника. Второй товарищ был членом владивостокской партийной организации.

Таким образом, установилась наша связь с партийными товарищами.

На другой же день я пошла на Первую речку к Меркулову, рабочему Первореченских железнодорожных мастерских. Его домик был не только явочной квартирой, но и местом, где фактически помещалась подпольная большевистская организация. У него я встретилась с приехавшими товарищами из Иркутска Марией Сахьяновой и др. Основное ядро владивостокских большевиков было арестовано, а Суханов и Дмитрий Мельников были убиты чехами. Но в то же время во Владивосток приехало много большевиков из Сибири и Забайкалья. На одном из подпольных собраний в январе 1919 года был избран партийный комитет.

Встреча с товарищами и связь с партийной организацией подняли настроение Сергея. Он рвался к работе и, наконец, получил возможность взяться за дело. Однако партийная организация вынесла постановление о более глубокой конспирации Лазо, вплоть до того, что было решено временно не давать ему вовсе партийной работы. Это вызвано было тем, что в белогвардейских газетах появились объявления о пре-

доставлении большой награды за выдачу Лазо живым или мертвым.

Целыми днями Сергей сидел дома и выходил только по ночам — подышать свежим воздухом. Чтобы не навлечь подозрения хозяина квартиры, он для вида чертил какие-то проекты, — на самом же деле много и усиленно занимался, особенно военными науками. Им он придавал исключительное значение ввиду предстоящих схваток с контрреволюцией.

В его дневнике имеется огромный список книг, которые он в то время читал. Я записалась в несколько библиотек, чтобы доставать ему необходимую литературу. Лазо особенно внимательно изучал литературу по русско-японской войне. Такие книги, как Апушкина «Русско-японская война» (три тома), «Осада и сдача Порт-Артура», Пареского «Воспоминания о последней войне (1904—1905 гг.)», «Этика японцев», и многие другие были прочитаны им в очень короткий срок.

Лазо изучал философию и историю. Много было прочитано книг русских и иностранных. К сожалению, книг Маркса, Энгельса достать во Владивостоке было почти невозможно, но все же — теперь я уже не помню, как и где, — я достала «Капитал» и «Коммунистический манифест» Маркса, «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса и некоторые статьи Ленина периода 1905—1917 годов.

Хорошо помню, как он восторгался ленинскими статьями о партизанской борьбе, о восстании, — у него в дневнике были исписаны целые страницы с выдержками из этих статей. К сожалению, этот дневник не сохранился.

Он занимался часов десять в сутки, работая над книгой с выписками и конспектами.

Сверх того он уделял три-четыре часа чтению книг помимо программы, чтобы, как он выразился, «не суживать кругозор». Это были его так называемые свободные часы, когда он не вел никаких записей. В эти же часы входило и чтение беллетристики.

Любимыми писателями Лазо были Салтыков-Щедрин, Успенский, Чернышевский, Короленко. Одно время он увлекался историческими романами Мордовцева.

Мне приходилось почти целый день бывать в бегах: ходить в библиотеки за книгами, на Первую речку или в Рабочую слободку для связи с партийной организацией и в то же время подрабатывать, так как средств у нас было недостаточно, а у владивостокской организации в то время денег не было. Работавшим в то время в подполье товарищам приходилось браться за самую различную работу, чтобы как-нибудь прокормиться. Часть товарищей, приехавших из эмиграции — Австралии и Америки, — знала английский язык и поступила в американский Красный крест. Другая же часть устраивалась на первую попавшуюся работу. Я и Сахьянова занимались

наклейкой бандеролей на папиросы в таможене. Это была поденная работа и удобная тем, что никто не спрашивал у нас документов и можно было приходить не каждый день. Так мы прожили во Владивостоке месяца четыре.

Сергей, желая мне помочь, принял на себя все заботы по домашнему хозяйству. С утра он садился за учебу. Через несколько часов он делал перерыв на полтора-два часа и это время тратил на уборку комнаты и приготовление обеда, стараясь и здесь внести рационализацию. Он любил навещавших его товарищей угощать каким-либо блюдом собственного приготовления.

Сергей купил доски и смастерил козлы, заменившие нам кровати, стол и другие предметы. Столярным делом он увлекся, и каждая удачно сделанная вещь радовала его; он любил шутя щегольнуть ею. Сергей считал, что каждый человек должен знать и изучать какое-нибудь ремесло...

Сохраняя строгую конспирацию, Лазо очень скоро втянулся в активную подпольную работу: участвовал на пленумах комитета, на совещаниях актива и затем был введен в подпольный комитет. В начале 1919 года в Приморской области уже широко развернулось партизанское движение. Оно крепло с каждым днем.

В тридцати верстах от города, в зимовье среди глухой тайги, скрывалось несколько владивостокских товарищей большевиков: Губельман, Федор Шумяцкий и др. С ними поддерживалась постоянная связь. Туда же решено было направить и Сергея, так как в нашей квартире жить дальше становилось опасно. В городе начались повальные обыски и аресты.

В тайге Сергей прожил около месяца. В конце апреля была созвана партийная конференция с участием представителей не только Приморья, но также и Западной Сибири. Приехал и Лазо. На конференции был решен вопрос о дальнейшем развертывании партизанского движения и было постановлено направить Сергея в район партизанской борьбы.

Мне пришлось с ним расстаться месяца на четыре, и за это время я получала от него лишь изредка короткие записки. Я работала на Русском острове. У меня бесконечно проверяли документы, задавали различные вопросы. Но уехать в тот момент я не могла, так как у меня на руках была маленькая, только что родившаяся дочурка, названная Адой в память Ады Лебедевой.

В июле я получила от Сергея письмо:

«Ольга и Ада! Милые, милые, мои дорогие!

Вчера получил твою записку и говорил с А. Г. Я отлично понимаю твоё состояние и гнетущую атмосферу Русского ост-

рова. Сейчас будем рады тому, что мы живы, а увидеться придется нескоро. Так много нужно рассказать тебе. Мое отношение к переживаемым событиям такое же, как было весной... Временами приходится очень трудно, но есть хорошие товарищи. Твой Сергей. 20 июля 1919 года».

В этом же письме он советовал мне уехать в область и устроиться в деревне в качестве учительницы. Проработав еще с месяц, я поняла, что надо немедленно уезжать. Партийная организация помогла мне найти место заведующей школой на Сучане, в деревне Гордеевке, расположенной около Серебряной, где в это время находился штаб небольшого партизанского отряда. На моей обязанности лежало поддерживать связь между Владивостокским комитетом партии и штабом отряда. В Гордеевку я поехала с одной приятельницей, у которой был мальчик, такой же маленький, как моя Ада. Нам удалось достать пропуск из белой контрразведки, благодаря которому мы избежали обыска и благополучно провезли информации, документы и даже наганы.

От станции железной дороги до Гордеевки мы ехали на лошадях верст сорок и только к вечеру туда добрались.

В деревне было всего дворов тридцать, и стояла такая тишина, будто все вымерли. Постепенно из домов стали вылезать детишки. Узнав, что приехали учительницы, ребята сообщили об этом взрослым, и на улице появились крестьяне. Оказалось, что жители Гордеевки, как только узнавали, что кто-то едет, сейчас же убегали в тайгу. Население было сильно напугано зверской расправой генерала Смирнова, который при отступлении наших отрядов в июле, заняв Гордеевку, расстрелял почти все взрослое мужское население. В деревне остались одни вдовы. Расстрелянные и замученные были похоронены в братской могиле; им был поставлен самодельный памятник. При нашем приезде крестьяне тоже готовились к бегству.

Жителям деревни было не до школы. Она была забита и совершенно не приспособлена для жилья. Поэтому мы временно устроились у крестьян.

Еще раньше было сообщено в партизанский отряд, в какой, примерно, день предполагался наш приезд, и Лазо должен был прийти в школу и оставить записку. Я не успела его предупредить, что в школе никто не живет.

К вечеру деревня успокоилась, люди наговорились, наплакались, рассказывая про свои горести. Во всех домах было темно — керосин был редкостью. Ложились спать очень рано. Мы долго возились с ребятами, и только в нашей избе был свет. Поздно вечером раздался стук в дверь. Я в это время была в другой комнате. Туда вбежала испуганная хозяйка и сообщила, что пришел какой-то вооруженный человек, «не нашинский», которого она не знает, очевидно, это «колчак». Я вышла и была поражена: за столом, где горела

маленькая лампочка, сидит Сергей с огромным мешком за спиной и с палкой в руках. Он зашел в единственную освещенную избу, чтобы справиться о приезде учительниц. Увидев неожиданно меня, Сергей, взволнованный, вскочил. Я не без труда сделала вид, будто его совершенно не знаю, и завела разговор, как с посторонним человеком. Сергей спросил, нет ли городских газет. Я взяла маленькую фотографию дочери, вложила ее в одну из газет и дала ему. Он с жадностью схватил газету и раскрыл ее. Оттуда выкатилась карточка и чуть не упала на пол. Он сейчас же прикрыл ее и уже больше газет не разворачивал.

Через несколько минут, чтобы не возбуждать подозрений хозяйки, поблагодарив ее за то, что она дала ему возможность отдохнуть, Сергей поправил на спине огромный тасжный мешок, вложил туда газеты, надел шапку с ушами, взял свою палку и вышел из избы. Я накинула платок и через несколько минут вышла на улицу.

Было темно. Я не знала, догадается ли Сергей, что я выйду. Пройдя несколько шагов, я заметила вдали вспыхивающий огонек. Когда я подошла поближе, то увидела, как Сергей, укрывшись под деревом, безуспешно старается зажечь спичку. В руках он держал карточку.

Он посмотрел на меня немного застенчиво, улыбнулся и сказал:

— Хочу посмотреть, на кого похожа.

Я заслонила его от ветра, он зажег спичку и осветил личико маленькой девочки с черной головкой.

— Ну, на кого же похожа? — спросила я его.

— Трудно разобрать, она такая маленькая, но, кажется, немного на меня.

Мне нельзя было с ним долго оставаться. Было опасно показать, что у меня есть связь с партизанами, — в деревню мог каждую минуту нагрянуть белый карательный отряд.

Я обещала Сергею как можно скорее перебраться в школу, где он сможет нас навещать. Сергей сказал, что он несколько дней проведет в тайге и будет следить, когда появится огонек в школе.

— В тайге спокойней, — объяснил он. — Я ведь стал настоящим тасжником. Сплю на сосновых и кедровых ветках. Топорик всегда со мной.

Слегка сгорбившись под тяжестью мешка, Сергей пересек дорогу и скрылся в тайге. На другой день я пошла к Сергею. На опушке меня встретил партизан и провел к Лазо. Я передала привезенную из города свежую информацию.

Дня через два школу приспособили для жилья, и мы перебрались. Только мы расположились на новом месте и зажгли свет, раздался стук, и вошел Сергей. С ним был доктор Сенкевич. Оба втащили на себе огромные тасжные мешки,

Жена Сергея Лазо Ольга с дочерью Адой

сбросили их, развязали и достали нам по куску мяса дикой козы.

Знакома меня с Сенкевичем, Сергей сказал:

— Это один из лучших моих друзей, он врач. Я хочу показать ему Аду. Да тут двое ребят? — улыбнулся Сергей, заметив мальчика моей приятельницы.

Доктор Сенкевич осмотрел наших детей, привил им оспу, надавал множество советов и оставил нам часть медикаментов из своей аптечки.

— Это пригодится не только для вас, но и для населения деревни, так как вблизи никакой больницы нет. Вы сможете, если понадобится, оказать крестьянам первую помощь.

После ужина Сенкевич, утомленный, устроился в углу на полу и заснул. Сергею и мне было не до сна. Ему хотелось рассказать о многом, пережитом за время разлуки. Мы долго беседовали. В тот вечер Сергей рассказал мне о новых методах и приемах партизанской борьбы, которые отличались от тактики борьбы на Забайкальском фронте. Рассказывал и о поражениях в борьбе с японцами, которые бросали на партизан целые дивизии, хорошо оснащенные. Пришлось отступить и спасать раненых с невероятными усилиями. Хорошее знание тайги помогло Сергею организовать под носом у японцев доставку раненых в лазарет, который доктор Сенкевич сумел оборудовать в тайге. Сергей рассказал мне о своей болезни почек, от которой у него распухли ноги так, что он с трудом передвигался, и о том, с каким огромным напряжением он держался на ногах во время последних боев с японцами, как трудно ему самому было добраться до лазарета. Он чувствовал, что надо идти не останавливаясь, но в пути свалился. Его приютил таежный крестьянин. Немного отдохнув, он пошел дальше, хотя ноги у него подкашивались. Чувствуя, что если он приляжет еще хоть на одну минуту, то уже не сможет встать, он собрал все свои силы и добрался до лазарета.

Сергей показал мне свою таежную записную книжку. В ней несколько страничек было уделено записи рецептов. Вообще Сергей уделял много внимания тому, чтобы раненым была оказана своевременно необходимая помощь и забота.

В этой же книжке были записаны наиболее употребительные китайские и корейские фразы. При встречах с людьми, знавшими эти языки, Сергей аккуратно выписывал нужные фразы, заучивал их и вскоре при посещении фанз корейцев и китайцев стал объясняться с ними на их родном языке. Нужно сказать, что помимо того, что корейцы и китайцы сражались в наших отрядах, в районе Сучана был сформирован отдельный корейский партизанский отряд.

Часть записной книжки Лазо была зашифрована собственным, выработанным им шифром, которым был записан

ряд секретных приказов, расположение партизанских сил и те пути, по которым проходили отряды.

В Гордеевке Лазо провел несколько дней. Утром он уходил в тайгу или в Серебряную, где стоял штаб пробравшегося из Чугуевки партизанского отряда; возвращался он только ночью, когда деревня засыпала.

В начале зимы Сергей был вызван партийной организацией во Владивосток. Перед отъездом он связал меня с членом штаба партизанских отрядов Владивостоковым.

Однажды ко мне зашел Владивостоков с просьбой отвезти информацию в город. Контрреволюция в то время свирепствовала. Ехавших из района партизанского движения колчаковцы обыскивали и почти всех мужчин арестовывали. Мы написали информацию не на бумаге, а на материи, и в нее запеленали Аду. Все мои вещи были обысканы, каждая в отдельности, но ребенка не развернули.

Приехав во Владивосток, я с большими предосторожностями направилась на Первую речку, не зная, сохранилась ли еще квартира Меркулова или она уже провалена. Я постучала в дверь. Навстречу мне высыпало много детворы. Это были ребята Меркулова и маленькие сестры Сахьяновой. Я поняла, что здесь пока неопасно. Все же на квартире было не совсем благополучно — она, видимо, была под надзором. Двое из живущих были арестованы. Через некоторое время пришла Сахьянова; мы распеленали Аду и достали информацию.

Сергей жил где-то в Рабочей слободке. Вечером я с ним встретилась. Он не имел в то время постоянной квартиры в городе и заходил то к одним, то к другим знакомым, чтобы переночевать, больше туда уже не возвращаться. Положение его было тяжелым. По всем данным, контрразведка следила за первореченской квартирой, имела сведения о том, что Лазо там бывает. Меркулов еще до своего ареста рассказывал, что, когда он возвращался однажды домой, его остановил военный патруль, осветил лицо фонариком и сравнил с какой-то фотографией. Меркулов уверял, что ему удалось взглянуть через плечо офицера на карточку и он узнал на ней Сергея.

Во Владивостоке я вновь встретилась с моей томской знакомой. Она переменила квартиру и жила на Ботанической улице. Я попросила хотя бы временно устроить у нее Сергея. Она охотно согласилась. После Сергей мне рассказывал, что квартира оказалась очень удобной для работы.

Домик был изолированный. Жили там только дети хозяев. Им никто не интересовался. Прописался он под видом дальнего родственника — учителя Козленко.

Сергей вел в это время большую подпольную работу. Занят был дни и ночи. Достал пишущую машинку. Составлял и печатал воззвания и прокламации. Сам Лазо удивлялся своей работоспособности в те дни.

Примерно через месяц, когда я снова вернулась в область, я получила письмо от Сергея, в котором он сообщал, что остался пока жить у Нины, но его беспокоит вопрос о том, что он может ее подвести. Вот выдержки из этого письма:

«Я сейчас живу у Нины. Меня это очень устраивает, так как у нее есть для меня возможность хорошо заниматься.

Пока мы не установили никакой платы. Я только приношу хлеб, помогаю ей в домашнем хозяйстве — ношу воду, приношу ежедневно молоко для Тани...

Я надеюсь на ближайшее время получить ряд продуктов у железнодорожников, но это не наверняка. Напиши мне свое мнение, как ты думаешь, не стесняю ли я Нину, а главное, не боится ли она? Я думаю, что мое присутствие только помогает ей вести хозяйство, так как я делаю некоторые трудные работы...

Материальная сторона дела играет второстепенное значение. Хотя я сейчас у Нины в долгу, но думаю этот долг возместить. Самое главное — насчет опасности. Я пробовал было заговорить по этому вопросу, но мне сговориться трудно.

Напиши свое мнение, тем более что мы думали первоначально, что мое пребывание будет временным, а теперь оно стало постоянным. Других удобных квартир нет.

Наша работа здесь идет полным ходом. Вышел № 3 «Коммуниста», который при сем прилагаю. На праздники (подразумевается рождество и новый год. *Ред.*) состоялась общегородская конференция; на ней обсуждались вопросы о текущем моменте...

С запада на днях нами получена связь с Сибирским центральным комитетом.

К 15 декабря советская Красная армия заняла Барнаул, Новониколаевск, Томск, Тайгу. После этого никаких сообщений о положении сибирского советского фронта не было. Сопротивления советской армии никто не оказывает, и нужно думать, что советская армия находится сейчас в районе Красноярска.

Быстрое наступление советской России застало чехов совершенно врасплох и сопровождалось разрухой, которая не имеет себе равных. Под Омском взята в плен сорокатысячная армия со всем командным составом и десять генералов, а также всевозможные громадные запасы, на эвакуацию которых в нормальных условиях потребовалось бы два месяца...

Правительства Колчака фактически не существует, и о нем даже перестали писать. Во главе дела встал атаман Семенов, как будто на основании приказа Колчака, но в действительности благодаря влиянию Японии он назначен командующим Иркутским, Забайкальским и Амурским военными округами.

На Востоке влияние Японии укрепляется с каждым днем. Через Дайрен, Харбин следуют японские эшелоны в Забай-

калье. На днях во Владивостоке высажен крупный японский десант. Телеграмма сообщает, что союзники решили предоставить охрану трех дальневосточных областей одной Японии и решили эвакуировать все остальные войска.

Таким образом, в результате падения Колчака положение после некоторых колебаний вполне определилось, и Япония получила то, к чему она здесь давно стремилась. Оправдался тот прогноз, который я ставил в своей резолюции на пасхальной конференции. Очевидно, и Япония получит полную свободу действий, и мы должны ждать самого реакционного курса внутренней политики и энергичной борьбы с партизанским движением.

Изменение курса уже сказывается в назначении Семеновым на ответственные посты своих лиц. Так во Владивосток назначен семеновский полковник Вериго. Я думаю, что в скором времени на Востоке создадутся очень тяжелые условия для работы.

Нам также известно, что японцы организуют экспедицию для подавления 1-го Дальневосточного советского полка, и возможно, что в скором времени Сучан станет ареной вооруженной борьбы (об этом, конечно, сообщено, кому следует).

В городе 3 января состоялась однодневная забастовка протеста против интервенции и расстрелов. Забастовка прошла очень удачно. Даже электричество не горело, и магазины были закрыты».

Это было последнее письмо от Сергея, я получила его за несколько дней до переворота 31 января 1920 года. Больше он мне ничего не писал, так как был целиком захвачен огромной работой по организации восстания.

ИЗ СПИСКА КНИГ, КОТОРЫЕ ИЗУЧАЛ ЛАЗО В ПЕРИОД ПОДПОЛЬЯ В 1918 И 1919 ГОДАХ

- Маркс.* Капитал. Коммунистический манифест
Энгельс. Положение рабочего класса в Англии
Ленин. Две тактики. Что делать. (И статьи периода 1917 года)
Конт. Дух позитивной философии
Радлов. Философский словарь
Жан-Жак Руссо. Исповедь
Кропоткин. Записки революционера
Каутский. Предшественники социализма. Экономическое учение К. Маркса
Меринг. История германской социал-демократии
Шопенгауэр. Сочинения
Бокль. История цивилизации в Англии
Мах. Анализ ощущений и отношений физического к психическому
Миль. Сочинения

Спенсер. Сочинения (4 тома)
 Вольтер. Мемуары и памфлеты
 Фихте. Назначение человека
 Штраус. Сочинения
 Бухнер. Сочинения
 Золбарт. Пролетариат
 Кляузевиц. Сочинения
 Апушкин. Русско-японская война (т. I, II, III)
 Бартлет (Эллис Ашмед). Осада и сдача Порт-Артура
 Гамильтон. Записная книжка штаб-офицера во время русско-японской войны
 Грулев. В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера генерального штаба и командира полка о русско-японской войне
 Кинай. Русско-японская война. Официальное донесение японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами (т. I и II)
 Парский. Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.)
 Инчикава. Этика японцев
 Бринк. Внутренняя баллистика и свойства порохов
 Будаевский. Курс артиллерии
 Гейден. Армия и флот в современной обстановке
 Гибель 5-го стрелкового полка под Мукденом
 Гилов. Курс двигателей внутреннего сгорания
 Бауэр и Лаше. Судовые турбины
 Маршаль. Как самому строить маленькие судовые турбины
 Петровский. Научные основы беспроволочного телеграфа
 Руководство железнодорожного машиниста, мастера депо и его помощника
 Пери. Курс высшей математики для инженеров
 Салтыков-Щедрин. Сочинения
 Успенский. Сочинения
 Чернышевский. Сочинения
 Михайловский. Сочинения
 Вересаев. Сочинения
 Короленко. Сочинения
 Гарин. Сочинения
 Горький. Сочинения
 Герцен. Былое и думы
 Аксаков. Сочинения
 Дж. К. Лондон. Сочинения
 Диккенс. Сочинения
 (И другие книги по физике, химии и математике.)

6.4.8

- 五

7 Сергей Лазо

ВСТРЕЧИ С ЛАЗО

В январе 1919 года мне поручили проводить большевика Дельвига с квартиры в Рабочей слободке, где он скрывался, на Первую речку, где жили двое железнодорожных рабочих — большевиков: один — Ершов, другого — фамилии не помню — звали «дядя Митя».

Дельвиг был работником Центросибири и расположения Владивостока не знал. Я был тогда очень молодым членом партии, работавшим главным образом по всяким техническим поручениям. Провожал я Дельвига уже поздно вечером. Было холодно даже по владивостокскому климату.

У Ершова и дяди Мити мы застали довольно много народа. Я помнил многих большевиков по 1917—1918 годам, когда во Владивостоке еще была советская власть, и несмотря на страшные бороды, в которых они теперь все предстали передо мной, я многих узнал. Я узнал хорошо Губельмана, Раева (покойного теперь), узнал Воронина, с которым был связан по работе. Но много было и молодых людей — старше меня, но молодых по сравнению со старыми кадрами. Это были мои старшие товарищи по подпольной работе: Маруся Сахьянова, Зоя Станкова, Фельдман, погибший впоследствии в гражданской войне, Игорь Сибирцев и др. Много было и незнакомых.

Я тогда не знал, что происходит собрание актива владивостокской организации.

Среди всех этих людей я обратил внимание на одно очень примечательное лицо. Представьте себе молодого человека лет двадцати трех, ростом выше всех на голову, с лицом поразительной интеллектуальной красоты. Смуглое лицо, брови крылатые, волосы черные, густые, глаза темные, поблескивающие, черная вьющаяся борода. А в движениях какая-то угловатость, характерная для людей застенчивых. Все были оживлены, давно не виделись друг с другом, а он чувствовал себя, как мне сначала показалось, неловко среди всего этого оживления. Но это впечатление рассеялось, когда он заговорил: голос у него был очень решительный, громкий, он чуть картавил — приятной такой картавостью.

Я обратил внимание на него не только потому, что у него была такая необычная внешность, а и потому, что заметил, что многие из присутствующих относятся к нему по-особенному — нежно и уважительно.

К великому моему огорчению мне нельзя было остаться на этом ответственном заседании. И уйти я не мог: я должен был после заседания отвести Дельвига обратно. Все стали шутить надо мной. Игорь Сибирцев предложил мне выйти на улицу и ждать там, «на свежем воздухе».

Тут кто-то предложил:

— А что если мы уложим его на постель дяди Мити и заставим в порядке партийной дисциплины спать?

Это предложение всем очень понравилось. Уложили меня спать. Я лег лицом к стене и, конечно, не уснул ни на одну минуту и прослушал все заседание.

Здесь я услышал доклад Сергея Лазо по текущему моменту. Нужно сказать, что доклад меня поразила своей необычайной логикой. Лазо говорил точно, сжато, тезисно. У меня было такое представление, будто он читает.

Я лежал лицом к стене, не мог видеть жестов, слышал только его твердый, приятный голос. Меня, тогда человека политически малограмотного, но все же относительно «образованного», поскольку я имел за спиной почти среднее образование, просто захватило содержание доклада Лазо. Я и сейчас хорошо помню тот анализ империалистических противоречий на Тихом океане, который он сделал. Этот анализ в основе своей сохраняет силу и до сих пор. Надо сказать, что Лазо не были известны относящиеся к 1918—1919 годам высказывания Ленина по этому вопросу.

Примерно часа в три или четыре ночи меня «разбудили». Я отвел Дельвига обратно, а потом вернулся к себе на квартиру, где жил вместе со своим двоюродным братом Игорем Сибирцевым. Он меня хотел проверить и все острил: проспал, мол, такое заседание! Я упорно утверждал, что я действительно спал. Тогда он достал из кармана несколько листов бумаги и сказал:

— Посмотри, какие тезисы!

Я взглянул. Эти листочки были исписаны химическим карандашом очень ровным, четким почерком. Я начал читать и понял, что это тезисы того доклада, который я слышал. Они были так написаны, что любой человек мог разобрать каждое слово. Тезисы были точные, ясные, сжатые. Я еще не знал, чей доклад слышал и чьи это тезисы, — не удержался и спросил: «Кто их написал?» И тут я впервые услышал о Сергее Лазо.

— Какая изумительная логика, — сказал я брату. — Как все точно сформулировано!

— Да это же изумительный человек: прекрасный математик, блестящий шахматист. И это, очевидно, у него сказывается во всем. Это один из крупнейших наших работников. Он был командующим Забайкальским фронтом и проявил себя как исключительно талантливый полководец в борьбе с Семеновым.

Более близко я познакомился с Лазо уже во время партизанского движения на Сучане.

Был конец мая или начало июня того же 1919 года. Почти весь Ольгинский уезд был очищен от белых. Я только

что вернулся из агитационного похода на север под бухту Ольга и Тетюхе в Фроловку, где был штаб партизанских отрядов, и застал здесь большую группу работников владивостокского подполья. Среди них был и Лазо.

Сергей Лазо был прислан партийным комитетом как командующий. Впервые за все время партизанского движения революционный штаб назначил главнокомандующего. До тех пор все командиры выбирались. Главнокомандующего, по существу, не было. Был председатель революционного штаба, начальник штаба и командиры отрядов — такие же выборные, как и ротные и взводные командиры.

Наступил переломный момент в борьбе нашего большевистского руководства и передовых рабочих за централизацию партизанского движения, за его правильную политическую и военную организацию, против анархистских тенденций, против специфической партизанщины.

Когда прошел слух, что приехал Лазо, которого назначают командующим, наиболее отсталые из партизан, в том числе и некоторые командиры отрядов, заволновались, зашумели. Я присутствовал на огромнейшем партизанском митинге, который происходил перед зданием революционного штаба в Фроловке. Это был митинг, который сейчас трудно себе представить. Хотя на нем был выборный председатель и все было по правилам, но это было стихийно разбушевавшееся море. Страсти разгорелись до того, что люди угрожали друг другу винтовками, пашками. На протяжении двух-трех часов шла борьба между организованным началом и анархистской стихией.

Здесь я познакомился с некоторыми качествами Лазо, органически ему присущими, — исключительное хладнокровие, спокойствие, которое по существу я бы определил таким образом: он совершенно не думал о том, как все это может повернуться к нему лично. Это качество особенно было присуще ему в боевой обстановке. Ему свойственна была глубочайшая убежденность в том, что он говорит, убежденность такого рода, которая действует магически на массу. Кроме того он обладал просто незаурядным ораторским дарованием: умел находить простые слова, доходящие до сознания трудящихся людей. Несмотря на невероятное обострение отношений он сумел заставить массу слушать себя. Иногда отдельные партизанские вожаки начинали понимать, что он старается подчинить их себе, взять их в руки, и снова поднимали крик, но он стоял спокойно, ждал, пока они кончат, и не уходил с трибуны. Когда они переставали кричать, он продолжал свою речь. Я помню, иных из ораторов пытались стащить с трибуны, но против Лазо таких выпадов не было — так велико было его обаяние.

Этот митинг закончился полной победой. Широкие массы партизан узнали, кто такой Лазо.

После того он с группой товарищей выехал в наиболее беспаспортные партизанские районы. Там ему пришлось выдерживать еще большую борьбу, потому что за ним никакой вооруженной силы не было, он действовал только авторитетом партии и своим личным именем. В боевой обстановке он личной своей храбростью и умелым руководством в бою завоевал доверие партизан и очень скоро стал признанным и авторитетным командиром.

27 июня 1919 года происходил повстанческий съезд трудящихся Ольгинского уезда. Это был очень интересный съезд. Во-первых, он был многонациональным: в Ольгинском уезде жили не только русские, но и украинцы, корейцы, китайцы, латыши, эстонцы, финны, молдаване и многие туземные народности. Во-вторых, на этом съезде стояли такие сложные вопросы, как вопрос земельный и вопрос регулирования цен на хлеб, рыбу, мясо и пушнину.

Особенно сложно стоял вопрос о ценах на рыбу и на хлеб. Значительная часть населения Ольгинского уезда — это рыбаки, но большая часть — хлеборобы. Естественно, хлеборобы могли обойтись без рыбы. А рыбаки не могли обойтись без хлеба. Поэтому цены на хлеб были очень высоки, а на рыбу ничтожные. Этот вопрос на съезде приобрел огромное политическое значение. Грозил раскол между двумя большими группами населения.

На съезд прибыл представитель правых эсеров. Известно, что, когда Колчак немножко прижал эсеров, они делали неоднократные попытки заигрывать с партизанским движением.

Наконец особенностью этого съезда было и то, что он происходил в условиях, когда против нас действовали уже не только колчаковцы, но и интервенты. Съезд происходил в деревне Сергеевке, а в двадцати верстах от нее, в деревне Казанке, уже шли бои с американцами, и вот-вот ожидалась японская войска.

Здесь я узнал Сергея Лазо как страстного политического бойца и умного практического политика. Несомненно, по своему теоретическому багажу и по складу ума он был одним из самых крупных людей среди всех политических работников Приморской области. Очень хорошо помню выступление Лазо против представителя эсеров. Буквально в несколько минут Лазо превратил его в ничто — в предмет всеобщего презрения, во всеобщее посмешище.

И в то же время насколько тактичен был он, когда встал вопрос о ценах на хлеб и на рыбу. Надо сказать, что хлеборобы так уперлись, что долгое время мы ничего не могли с ними поделать. Нужно было подтянуть цены на рыбу и снизить на хлеб, и никак это нам не удавалось. Лазо агитировал спокойно, неумоимо.

Настолько разгорелись страсти, что я, будучи человеком молодым и горячим, выступил и сказал, что, упорствуя в этом жизненном для рыбаков вопросе, хлебоборбы ведут себя не как трудящиеся люди, а как кулаки. Можете себе представить, как это было глупо и нетактично! Поднялось такое возмущение, что пришлось объявить перерыв.

Во время перерыва Лазо подошел ко мне, посмотрел на меня очень выразительно, ничего не сказал, только головой покачал. Я готов был провалиться сквозь землю. В это время подошла к нам Клавдия Ивановна Жук-Макарова — один из работников партизанского штаба. Она была тогда левой эсеркой, но работала вместе с нами и впоследствии стала большевичкой. Лазо посмотрел на нее, хитро улыбнулся и сказал:

— Вот, Клавдия Ивановна, ваши-то мужички! Что вы на это скажете?

Он ясно видел «две души» у крестьянина-середняка и осуждал меня за мой «загиб», в то же время использовал конфликт о ценах, чтобы окончательно выбить из Клавдии Ивановны эсеровский дух.

В конце концов мы провели те цены, какие наметили.

На этом съезде Сергей Лазо был, так сказать, всем народом утвержден как командующий партизанскими силами Приморья.

В бою Лазо был очень изобретателен на неожиданные, смелые, стремительные ходы, но в то же время расчетлив, распорядителен и абсолютно бесстрашен.

Мне много приходилось видеть смелых командиров. Я видел людей азартных, отчаянных, которые бросаются в бой первыми, полные страсти и боевого темперамента. Я видел просто хладнокровных, храбрых людей. Но по поведению даже этих людей всегда можно видеть, что они находятся в бою, что их спокойствие необычное, не такое, как дома, в нормальной обстановке: это спокойствие мужественного человека, который привык к боям и знает, что он должен быть хладнокровным. Сергей Лазо в бою оставался в сущности таким же, как всегда: со своими приподнятыми бровями, с обычным внимательным и точно несколько удивленным выражением лица, безразличный к тому, что может лично с ним случиться. Он делал только то, что необходимо было для решения поставленной им боевой задачи.

Я тогда был рядовым бойцом и поэтому не был посвящен в план партизанской кампании, разработанный Сергеем Лазо. Знаю, однако, по личному опыту, что с его приходом мы развили такую деятельность на железной дороге — мы буквально отрезали Сучанский рудник от города, — против нас были брошены намного превосходящие нас численностью и, конечно, вооружением японские части. Японские силы были так ве-

лики, что мы не могли с ними справиться, и, отступая с боями, вынуждены были очистить сучанскую долину.

Я остался с той группой партизан, которая не ушла с Сучана, а сделала попытку закрепиться здесь, в сучанской тайге. Вскоре нас из тайги выбили, и мы попали в тот же район, в родное мое село Чугуевку, где товарищи Губельман, Владивостоков сколачивали партизанские силы для новой борьбы. Но Лазо уже там не было. Он тогда сильно болел и был где-то спрятан в тайге.

Встретился я с ним уже после падения колчаковщины, в марте 1920 года, на Дальневосточной конференции большевиков в Никольск-Уссурийском, куда был послан делегатом от партийной организации Спасско-иманского военного района. Лазо в это время был председателем Военного совета армии.

В это время в армии создавался институт политических комиссаров, или, как они у нас назывались, политических уполномоченных. Лазо обсуждал с нами, военными делегатами, кого назначить к нам в район политическим уполномоченным. Я при всяком удобном и неудобном случае говорил, что надо назначить комиссаром Игоря Сибирцева. Это был мой первый партийный воспитатель и учитель, и я очень любил его, так же как и его старшего брата Всеволода, впоследствии вместе с Лазо сожженного в паровозной топке японской военщиной.

Лазо посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

— А что если мы назначим политическим уполномоченным Булыгу?

«Булыга» — это была моя партизанская фамилия. Я очень растерялся, замахал руками, стал говорить, что считаю себя слишком молодым для этой должности. А он все смеялся:

— Нет, мы обязательно назначим Булыгу!

И завел со мной разговор о том, какое значение теперь, когда мы реформируем партизанские отряды в регулярную армию, имеет правильно поставленная политико-просветительная работа. Он развил передо мной целый план этой работы. Я и не подозревал, что он учит меня. Когда мы вернулись в свой район, оказалось, что политическим уполномоченным назначен Игорь Сибирцев, а я — его помощником по просветительной части.

Последняя моя встреча с Сергеем была уже недели за две до японского выступления — 4—5 апреля 1920 года. По какому-то делу я был командирован во Владивосток и встретился с Лазо в частной обстановке: не помню, на чьей квартире собралась компания друзей по владивостокскому подполью времен колчаковщины. Было очень весело, многие

из нас не видели друг друга около года, кое-кто из товарищей успел уже пережениться. Была исключительно любовная и дружеская атмосфера. Лазо был центром этого общества, много смеялся, поблескивая своими красивыми, умными глазами. Никто из нас не думал, как скоро мы лишимся его.

Эта встреча осталась мне особенно памятной потому, что здесь Лазо не только признал, но и разобрал по косточкам неправильность той позиции, которую он одно время занимал в вопросе о создании на Дальнем Востоке так называемого «демократического буфера» (вначале он был против создания этого буфера, так блестяще себя впоследствии оправдавшего).

Лазо был пролетарским революционером, революционером до последней капли крови, он был богато одаренным человеком, исключительно талантливым. Кроме того он обладал огромным трудолюбием и работоспособностью, любой вопрос изучал всесторонне и до конца. При этом он был на редкость скромнен, лишен ложного самолюбия. Это был человек высокой рыцарской чести и благородства.

Когда произошло японское выступление, наш спасский гарнизон был выбит из города и на несколько месяцев отрезан от Владивостока. Прошло много времени, пока мы слышали, что Лазо, а с ним Всеволод Сибирцев и Лудкий захвачены японцами. Не хотелось верить, что они убиты. Когда после перемирия я снова попал во Владивосток — это было в мае, — еще все газеты выходили с аншлагом: «Где Лазо, Сибирцев, Лудкий?» Японское командование «официально» заявляло, что ничего не знает об этих людях. Все мы знали, что это наглая ложь: в первые дни плена Сибирцева навещал его отец, а к Лазо приходила его жена. Но мы были бессильны. И все-таки никому не хотелось верить, что они погибли.

Я остановился у Сибирцевых на даче, в двадцати шести верстах от Владивостока. Очень тяжелое настроение было. Тетка моя — Мария Владимировна, мать Сибирцевых, очень волевая и умная женщина, — придя домой с работы, целыми вечерами раскладывала пасьянс своими энергичными, маленькими руками — все время один и тот же пасьянс. Видно было, что ее неотступно гложет мысль о сыне и его товарищах.

БОЛЬШЕВИКИ В ЛУЗИНСКОМ УЩЕЛЬЕ

В январе 1919 года в таежную землянку пришел товарищ из владивостокского подпольного комитета партии и радостно сообщил:

— Во Владивосток Лазо приехал!

Я немедленно отправился во Владивосток и здесь, в Голубиной пади, через рабочего Меркулова разыскал Сергея Лазо.

В первое мгновение я не узнал его: вместо молодого человека с округлым, почти юношеским лицом, каким я привык видеть Лазо на Забайкальском фронте, передо мной стоял бородатый, солидный мужчина. Казалось, что он постарел лет на десять.

Мы крепко обнялись. Обрадованный встречей, я рассказал ему все, что случилось со мной за то время, пока мы с ним не виделись. Вволю наговорившись, я стал звать его к себе в землянку, где мы скрывались тогда с товарищами в глухой тайге, в тридцати верстах от Владивостока, в так называемом Лузинском ущелье.

Со мной жили Федя Шумяцкий, Виктор Владивостоков, Ваня Давыдов, Раев и др.

Вслушав меня, Лазо на минуту задумался, потом сказал:

— Откровенно говоря, долго оставаться во Владивостоке мне нельзя. Комитет партии советует мне временно скрыться отсюда. Японо-колчаковским контрразведчикам стало известно, что я в городе, меня ищут.

В ту же ночь мы с Лазо выехали из Владивостока дачным поездом.

На руках мы имели пропуска, приготовленные нашим подпольным техническим отделом и так мастерски, что агенты контрразведки принимали их за настоящие. Подсмеиваясь над японо-белогвардейскими ищейками, мы благополучно добрались до Лузинского ущелья.

В маленькой таежной землянке стало еще теснее, но скрывавшиеся здесь товарищи бурно выразили свою радость, когда увидели нового гостя.

Сергей нигде не мог сидеть сложа руки. Вскоре после своего переселения, вернувшись как-то с прогулки, он заявил:

— Нам надо немедленно взяться за «новое строительство!» А то мы здесь все задохнемся. Я уже нашел место в самом верху ущелья. Там все заросло «чортовым деревом», туда никто до нас не доберется.

Задумав какое-либо дело, Лазо не успокаивался до тех пор, пока не осуществлял его. Так было и с «таежным дворцом»,

как шутя называл он постройку. Все обитатели нашей землянки были мобилизованы Лазо на строительство. Мы работали с утра и до глубокой ночи. Больше всех работал сам Лазо. Он один таскал из лесной чащи тяжелые бревна, ставил стропила и подпорки, клал венцы — при этом ни разу не пожаловался на усталость или на холод, который изрядно давал себя чувствовать. Лазо все время распевал песни и подбадривал нас.

После упорного двухнедельного труда удалось построить помещение человек на десять-пятнадцать. Теперь надо было думать: где взять печку? Старая печурка из камня, которая обогревала нас в землянке, была мала для нового помещения. Мы не знали, что делать. Но вот Лазо задорно заявил:

— Сумели построить «дворец» — достанем и печку!

Утром он неожиданно исчез. Прошел день — Лазо нет. Вечером поднялась снежная буря, а Лазо все еще не возвращался. Я не выдержал и послал Раева и Владивостокова на розыски. Они проблуждали всю ночь и вернулись без Сергея.

«Значит, его поймала контрразведка», решили мы в отчаянии.

На следующую ночь сквозь свист и завывание ветра мы вдруг слышали шум и треск, словно неподалеку от нашего «таежного дворца» через чащу пробиралось несколько человек. Мы схватили винтовки и приготовились обороняться. В темноте между деревьев показалась рослая фигура — кто-то шел, покачиваясь под громоздкой ношей, задевая деревья и обламывая сучья.

— Лазо! — крикнул радостно Давыдов.

Действительно, это был Лазо, нагруженный железной печкой и трубами к ней.

— Ну, вот вам и «буржуйка»! — весело сказал Лазо, победно глядя на нас.

Он долго смеялся, трюня над нашими страхами.

В новом просторном помещении, около превосходной печки, мы в долгие зимние вечера горячо спорили о дальнейших планах нашей работы и о методах и формах партизанской борьбы с интервентами и белогвардейцами.

Глубоко за полночь, когда в печке дотлевали последние угли, мы расходились по своим углам и укладывались спать, уставшие от бесконечных споров. «Таежный дворец» погружался в темноту. Только койка Лазо освещалась слабым светом коптилки, которую он сделал сам из бутылочки. Лазо сосредоточенно читал; иногда он не отрывался от книги до самого утра.

Просыпаясь среди глубокой ночи, я не раз наблюдал, как Лазо сидит с книгой и о чем-то думает. Потом он откладывает книгу в сторону, достает тетрадь и начинает записывать свои мысли. Заметив однажды, что я не сплю, он сказал:

— Сколько неисчерпаемой мудрости, знания и силы в этих строках! Какая непревзойденная сила логики! Поистине гениален человек, написавший эту статью!

— Ты о чем? — спросил я, с трудом раскрывая заспанные глаза.

— Да вот, о статье Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» Мне кажется, что такую вещь надо издавать в миллионных тиражах, чтобы она стала для каждого рабочего и крестьянина настольной книгой.

Воодушевившись, Лазо долго еще говорил мне о том времени, когда появятся новые советские ученые из недавних грузчиков, портовых рабочих, красноармейцев и партизан.

— Это будет прекрасное время, дядя Володя!

О науке, о просвещении и книгах Лазо мог говорить бесконечно. В таких беседах мы часто проводили всю ночь.

За стеной «таежного дворца» спала тайга, и каждый звук, даже самый малейший, отчетливо долетал до наших ушей. Стоило пробежать лисе, зайцу или кроту, как мы уже умолкали, настораживались. Иногда мы осторожно выходили наружу, ползли по сугробам и старались отыскать невидимого врага.

Лазо всегда оставался спокойным. Хорошо зная тайгу, он умел распознавать всякие приметы и шорохи. Он часто высмеивал нас:

— Чего вы испугались? Это самый обыкновенный крот. Давайте спать.

Он укрывался одеялом с головой и засыпал моментально, как ребенок...

Приближалась весна.

В апреле областной подпольный комитет партии большевиков созвал конференцию, на которой было решено немедленно возглавить развернувшееся партизанское движение. Лазо горячо приветствовал постановление осылке группы партийных работников в партизанские отряды.

Помню, в конце заседания конференции на нас произвела исключительное впечатление информация о том, что делается по ту сторону фронта — в советской России. Эти вести привез из Москвы Д. Киселев, с большим трудом пробравшийся через колчаковский фронт. Он сообщил комитету, что страна живет боевой, напряженной жизнью; несмотря на блокаду и бесчисленные фронты она с каждым днем крепнет; создана двухмиллионная регулярная Красная армия, которая успешно борется на всех фронтах с интервентами и белогвардейцами.

Лазо вместе с другими встретил это сообщение восторженно.

— Такая армия, — сказал он, — прогонит всех Колчаков, Юденичей и Деникиных! Она скоро освободит Сибирь и Дальний Восток. Мы должны помогать ей. Надо разрушать колча-

ковский тыл, отвлекать силы белогвардейцев и интервентов на себя. Белобандиты будут разгромлены! Мы сделаем Дальний Восток неприступным для врагов!

Мы доживали в «таежном дворце» последние дни, деятельно готовясь к поездке в сучанскую долину. Туда можно было проникнуть только через шкотовскую долину. Но в этом узком проходе, сжатом с двух сторон высокими отрогами Сихотэ-Алинь, находились японо-белогвардейские части. Они занимали железнодорожную ветку, ведущую от станции Угольной на Сучаны. Пришлось избрать путь через Уссурийский залив, на село Петровку.

На нашем пути была рыбалка рыбопромышленника Золотарева. На этой рыбалке жило несколько наших красногвардейцев в качестве простых рабочих. Они держали с нами постоянную связь.

Одному из них было заранее поручено приготовить шаланду с хорошим проводником для переброски нас в село Петровку. В темную ночь в конце мая мы пришли в село Чимбуры. Выйдя из лесу, мы увидели с горы золотаревскую рыбалку и возле нее ярко освещенный белогвардейский миноносец. Лазо послал Мишу Попова и Ваню Давыдова выяснить, в чем дело. Те скоро вернулись и сообщили, что на рыбалку приехали офицеры проверить, нет ли поблизости контрабандистов или партизан. Они пьянствовали вместе с Золотаревым, но должны были скоро уехать.

Пришлось выждать час-другой. Миноносец ушел. Хорошо поужинав на рыбалке и нагрузив шаланду продовольствием и оружием, мы поплыли на другую сторону залива. Был сильный туман.

Отъехав верст десять, мы неожиданно заметили с правого борта огни.

Это был тот самый миноносец, который мы видели несколько часов назад. Мы знали, что если он нас атакует, — смерть неминуема. Наш проводник умело начал отводить шаланду от миноносца. Скоро его огни скрылись в тумане.

Под утро мы увидели отлогий берег с широко раскинувшимся селом — это была Петровка. Мы выкинули красный флаг и смело причалили к берегу. Нас узнали и радостно приветствовали владивостокские портовые рабочие, которые находились в штабе петровского отряда.

На другой день мы отправились с Лазо в центр партизанских частей Ольгинского уезда, в село Фроловку. По дороге мы посещали партизанские отряды. В Фроловку приехали рано утром, и почти тотчас же сюда начали прибывать командиры партизанских отрядов и представители сохранившихся волостных и сельских советов.

Здесь я лишний раз убедился в умении Лазо быстро сходиться с людьми, завоевывать их симпатии и подчинять их своей воле. Обладая исключительным талантом агитатора и пропагандиста, Лазо умел строить свои беседы так, что с первых же слов овладевал вниманием слушателей.

Начинал он всегда просто. Стоят, например, десять-пятнадцать красногвардейцев или партизан. К ним подходит Лазо и заводит разговор о жите-бытье, об урожае, о семенах, скоте. Партизаны начинают рассказывать о вестях из дому: нет дождя, урожай плохой, семена плохие. С разговора о семенах Лазо переводит речь на другие отрасли сельского хозяйства, рассказывает, как можно улучшить породы скота и птицы; потом, начиная перечислять богатства Приморья, он говорит о миллионах пудов самого лучшего, самого чистого меда, который пчелы могли бы брать с приморской липы, об огромном количестве лубка, из которого можно выделывать здесь же, на месте, необходимые для нашего хозяйства мешки; в приморских лесах можно построить химические заводы, бумажные фабрики, делать самую лучшую в мире бумагу. Все это дало бы сотни миллионов рублей нашей Советской стране.

Слушая Лазо, я всегда удивлялся огромным запасам знаний, которыми он обладал. Это позволяло ему говорить обо всем веско и убедительно.

Заинтересовав слушателей разговорами на близкие для них темы, Лазо искусно переходил на политику:

— Все эти богатства, о которых я только что вам говорил, должны быть нашими, советскими. Когда мы прогоним белогвардейцев и интервентов с Дальнего Востока, советская власть сделает все для того, чтобы этот край жил богатой и счастливой жизнью!

К моменту нашего прибытия в Фроловку из обхода по Ольгинскому уезду вернулись Александр Фадеев, Игорь Сибирцев и целая группа молодых пропагандистов и агитаторов, посланных областным комитетом партии. Они прошли по сучанской долине сотни верст, поднимая крестьянскую таежную молодежь на борьбу с интервентами и колчаковцами. Записная книжка Сергея сразу же пополнилась богатым материалом, собранным этими товарищами.

Сергей расспрашивал их о мелочах, которые казались иногда просто смешными. В самом деле, кому из нас пришло бы в голову расспрашивать, сколько кур, сколько скота имеется в хозяйстве того или иного крестьянина, фамилию которого случайно упомянул кто-либо из пропагандистов? Но для Лазо, привыкшего все учитывать, обобщать и делать выводы, мелочи были очень важны. Он старался представить себе культурный уровень деревни и выяснить материальную базу, где с помощью крестьян можно было бы снабжать партизанские отряды продовольствием, лошадьми и фуражом.

Лазо требовал, чтобы без разрешения главного партизанского штаба никто не имел права производить самовольные обыски и реквизицию.

Такое требование развивало у партизан уважение к революционной законности и в то же время заставляло население относиться к партизанским отрядам с доверием. Дисциплинированность партизан особенно поражала крестьян, испытавших ужасы японо-белогвардейского произвола. За несколько недель до нашего приезда по сучанской долине прошли отряды генерала Смирнова, сопровождаемые японцами. Они беспощадно пороли, расстреливали, грабили крестьян, насиловали женщин и убивали детей. Крестьяне с ужасом вспоминали тяжелые дни, проведенные ими под игом ненавистных интервентов.

В середине июня, когда мы с Лазо закончили объезд партизанских отрядов и вернулись в Фроловку, там состоялся огромный митинг, на котором присутствовали не только местные жители, но и крестьяне из всех деревень Сучана и даже соседней цемухинской долины — всего около пяти тысяч человек.

День был воскресный, поэтому многие крестьяне пришли принаряженные по-праздничному, с женами и детьми. В пестрой крестьянской толпе чернели рабочие пиджаки и кожанки сучанских шахтеров.

Сергей задержался в штабе. Пришлось начать митинг без него.

Я передал привет собравшимся от имени Дальневосточного комитета партии большевиков и начал рассказывать, почему мы боремся с интервентами и белогвардейцами.

Не успел я еще окончить свою речь, как вдруг в центре села раздались громкие восторженные крики. Толпа увидела идущего по селу Лазо и членов штаба.

— Ура! Да здравствует Лазо! Да здравствуют большевики! — раздались радостные возгласы.

Возбуждение толпы росло. Наконец несколько человек бросилось к Лазо, подхватили его и на руках понесли к находившейся неподалеку трибуне.

Лазо начал свою речь, как всегда, просто и убедительно. Он рассказал про деревню Казанку, куда приезжал отряд колчаковцев во главе с генералом Смирновым. Все жители были вызваны на сход. Их окружили. Начался допрос: кто из крестьян за советскую власть и есть ли в Казанке большевики? Крестьяне молчали. Тогда офицеры приказали солдатам развести костер, накалить на нем шомпола и выпороть из крестьян всех «подозрительных». Таких в деревне набралось восемнадцать человек. И вот на глазах односельчан их разложили на траве и жестоко выпороли раскаленными шомполами. Крестьяне упорно молчали. Не добившись ни-

чего, колчаковцы расстреляли напоследок крестьянина Полунова и уехали.

— Да разве генералы и офицеры только в Казанке издевались над трудящимися? — говорил Лазо. — Знаете ли вы, как они убили товарища Кошмана в деревне Хмельницкой? Бандиты на глазах у его родителей отрубили Кошману сначала руки, потом ноги и разбросали их по селу.

Крестьяне напряженно слушали. В толпе то и дело раздавались негодующие возгласы.

А Лазо продолжал:

— В деревне Гордеевке колчаковские каратели застали только девять стариков — все остальное население, спасаясь от палачей, бежало в тайгу. Разъяренные офицеры набросились на стариков. Их пороли шомполами, подвешивали к потолок, обливали кипятком. Но старики мужественно терпели пытки и не сказали палачам, куда убежали односельчане. Тогда офицеры поставили стариков в один ряд и собственноручно всех расстреляли.

— А кто из вас не слышал о расправе в селе Ивановке Амурской области? — продолжал Лазо список кошмарных преступлений белогвардейцев и интервентов. — Кто не любовался Ивановской школой, больницей и мастерскими?.. Всем крестьянам хотелось иметь в своих селах такие же культурные учреждения. А взгляните сейчас на Ивановку — там только пепел, трупы и сироты! Японцы сожгли в избах несколько сот крестьян, ограбили оставшихся в живых да еще угрожают расправиться таким же образом и с другими селами, если они не выдадут большевиков. Но ни порками, ни расстрелами, ни угрозами не погасить великого гнева народного! В ответ на расправу с ивановцами в партизанские отряды потянулись тысячи крестьян. Приходят не только мужчины, способные носить оружие, но и дряхлые старики, женщины и даже дети. Они стараются, чем только могут, помочь нам: снабжают нас продовольствием, одеждой; женщины и подростки шьют и стирают партизанам белье. Особенно помогают нам девушки и парни. Многие из них — прекрасные лазутчики, слухачи. Они передают в партизанские штабы все, что видят и слышат о кознях и замыслах наших врагов.

— Дорогие товарищи рабочие, крестьяне и партизаны! — закончил свою речь Лазо. — Генералы, офицеры и интервенты немало пролили крови наших лучших людей. Это, товарищи, тяжело... Мы это не только знаем, но и чувствуем ежедневно, ежечасно... Но без борьбы, без крови не может быть победы!

Выступление Лазо произвело громадное впечатление на жителей сучанской долины. Приток вооруженных крестьян в партизанские отряды усилился. Все теперь видели, что с прибытием Лазо в отрядах появился порядок и дисциплина.

Вся сучанская долина превратилась в огромный военный лагерь, который под руководством Сергея Лазо деятельно готовился к борьбе с колчаковцами и интервентами.

Вскоре на первом съезде трудящихся Ольгинского уезда Лазо был избран командующим партизанскими отрядами Приморья.

В конце июля партизанские отряды блестяще выполнили разработанный Сергеем Лазо план одновременного нападения на станции Сучанской железнодорожной ветки, где были расположены гарнизоны интервентов и белогвардейцев. Благодаря этой операции партизаны захватили большое количество винтовок, десятки тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Сучанская железнодорожная ветка была выведена из строя. Колчаковцы и интервенты лишились возможности пользоваться сучанским углем.

Победа партизан в значительной мере была облегчена всеобщей забастовкой, которую организовал краевой комитет партии большевиков через Центральное бюро профсоюзов и его уполномоченных на местах.

Сучанская операция имела большое значение. Она отвлекла крупные силы белогвардейцев и интервентов, которые предназначались к отправке на урало-сибирский фронт против Красной армии.

Обеспокоенные удачами партизан и ростом их сил, интервенты и белогвардейцы вскоре бросили на сучанскую и анучинскую долины лучшие свои войска в количестве свыше девяти тысяч штыков. Отряды Лазо не выдержали этого натиска, так как белояпонцы превосходили их численностью и вооружением. Партизаны вынуждены были отступить в тайгу. Враги преследовали их по пятам.

Между деревнями Бровничи и Хмельницкой Лазо намеревался дать бой интервентам. Обстановка благоприятствовала. В этом месте на протяжении пяти верст тянется ущелье, прозванное населением «Щеки», а партизанами — «Дарданеллы». Эти «Дарданеллы» представляют собой узкую щель, одна сторона которой прижата к отвесной скале, а другая залита бурной речкой Сучан.

Лазо предполагал устроить здесь засаду и неожиданным ударом обрушиться на врагов. Он хорошо подготовил операцию, но местные кулаки успели предупредить белояпонцев о готовящейся засаде, и те неожиданно изменили направление, пройдя на Хмельницкую через горные хребты, минуя «Дарданеллы».

Партизаны были удручены этой неудачей, но Лазо не унывал.

— Ничего, товарищи, — ободрял он их, — победа будет за нами!

Отряды Лазо отступили в тайгу. Японцы и белогвардейцы

хотели окружить и уничтожить партизан. Однако их надежды не оправдались.

Лазо созвал в Молчановке на совещание всех командиров партизанских отрядов. Вопрос стоял о том, что делать дальше, куда и какими путями должны были направиться отряды партизан.

Лазо внес предложение: всем партизанам разбиться на мелкие отряды. Некоторые из этих отрядов отправятся в Иманский уезд, чтобы соединиться с амурскими партизанами и поднять новые районы на борьбу; остальные рассеются по Приморью и будут продолжать борьбу здесь. Так и сделали.

Сам Лазо с небольшим отрядом направился в село Анучино, чтобы соединиться с находившимся там военно-революционным комитетом Приморской области.

Этот путь был тяжелым испытанием для Лазо. Он еще раньше чувствовал недомогание, но никому в этом не признавался. Теперь уже нельзя было скрыть начавшегося у него воспаления почек. Лицо его пожелтело и начало пухнуть. Он то и дело отставал и присаживался на землю, чтобы отдохнуть. В одну из таких его остановок ушедшие вперед товарищи встретили китайца. Китаец рассказал, что японцы по пятам преследуют красных партизан, что они уже окружили Анучино.

Это сообщение страшно обеспокоило партизан. Измученным тяжелым переходом, без патронов и продовольствия, им показалось положение безвыходным. Но Лазо и на этот раз не растерялся. Он сказал:

— Товарищи, нам предстоит впереди немалый путь. Я уверен, что мы окончим его благополучно.

Через час партизаны, получив в ближайшей деревне продовольствие, прицепив к кошелю узелки с хлебом и свиным салом, повеселевшие, продолжали путь.

В нескольких верстах от деревни отряд наткнулся на группу тяжело раненых партизан, которых бросил на произвол судьбы фельдшер, спасая собственную шкуру. Лазо оказал им необходимую помощь, накормил и ободрил. Раненые рассказали, что японцы подошли почти вплотную к Анучину.

— Нам необходимо торопиться, — сказал Лазо. — Доставим раненых в ближайшую деревню. Вы там пока останетесь вместе с ними, а я пойду в Анучино, попытаюсь связаться с ревкомом.

Лазо быстро, насколько позволяли его истощенные силы, направился в Анучино.

Он пришел туда под утро и прямо явился ко мне как к военному комиссару области. Я был поражен переменой, которая произошла во всем его облике. Он опух, еле передвигал ногами, и только черные глаза его горели попрежнему молодым блеском.

Вместе с Лазо мы решили, что он должен немного отдохнуть в таежном лазарете, а после отдыха отправиться в сучанскую долину, чтобы наладить там работу по революционизированию колчаковских частей и оказывать помощь при организации новых партизанских отрядов. А я отправлюсь в Чугуевку, где мы попытаемся создать новый центр руководства партизанской борьбой.

Пока мы с Сергеем разрабатывали этот план, в районе Анучина шел жестокий бой между партизанами и белояпонскими частями.

Вечером Лазо ушел от меня. Вместе с ним отправилось несколько раненых товарищей в лазарет. Я еще раз имел случай убедиться, как мало думал Сергей о себе. Я дал ему лошадь, так как передвигаться пешком ему было очень трудно. Но Лазо тут же, на моих глазах, уступил ее раненому партизану, а сам, еле передвигая ноги, отправился пешком.

Это был исключительно тяжелый переход, о котором даже Лазо вспоминал впоследствии как о мучительной пытке. Расчищая путь среди непроходимых зарослей, отряд шел двенадцать дней. Двигались медленно, наугад. На пятый или шестой день один из раненых — молодой партизан — умер. У него открылась рана, и он истек кровью. Бойцы быстро вырыли яму и похоронили товарища в таежной могиле. Пошли дальше. Питались одними коржиками, но скоро и этого не стало — выпала мука. Пришлось убить лошадь. Конину ели без соли. Кончилась и конина. Последние два дня питались листьями дикого винограда и разными кореньями.

На двенадцатый день отряд, наконец, добрался до деревни Табахезы. Продолжать путь с отрядом Лазо больше уже не мог. Силы окончательно изменили ему. Оставив раненых в Табахезах на попечение местной учительницы и простившись с товарищами, он отправился отыскивать затерянный в тайге лазарет.

И. МЕЛЕХИН

ОТРЯД ЦЕМУХИНЦЕВ

В марте 1919 года в селе Фроловке Сучанского района на съезде представителей партизанских отрядов был создан объединенный орган: «Военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда». Вся власть на отвоеванной у белых территории принадлежала штабу. Объединить разрозненные действия партизанских отрядов единым руководством, укрепить дисциплину, расширить очаги партизан-

ской борьбы и выгнать белогвардейцев из Ольгинского уезда — таковы были задачи штаба.

Некоторые отряды не желали подчиняться директивам штаба. Особенно отличался недисциплинированностью отряд цемухинской долины под командой Шевченко. Боевой, бесстрашный командир отряда Гаврила Шевченко претендовал на роль командующего всеми отрядами, не любил кому бы то ни было подчиняться, стремился всегда к полной самостоятельности и действовал часто вопреки указаниям штаба. Настроение командира передавалось и бойцам, поэтому дисциплина в отряде была плохая. К отряду липли всякие анархистствующие элементы.

В мае до цемухинского отряда дошел слух, что Владивостокский партийный комитет направляет в Ольгинский уезд руководителем партизанского движения Лазо.

О Лазо мы слышали много героических рассказов. Некоторые товарищи в нашем отряде прекрасно знали Лазо по Забайкальскому фронту. Они рассказывали, что это замечательный боевой командир, прекрасный тактик и обаятельный человек. Весть о назначении Лазо быстро облетела партизанские отряды. Его прихода все ждали с огромным нетерпением.

Как-то в конце мая мы сидели за полевой картой в штабе, в деревне Новороссия. В комнате были командир отряда Шевченко, начальник штаба Мелехин и др. Вдруг входят двое товарищей. Один из них — высокий, стройный, с военной выправкой, совсем еще молодой. Кто еще не знал Лазо — все подумали: это, верно, он и есть! В самом деле, он сейчас же сам себя и представил:

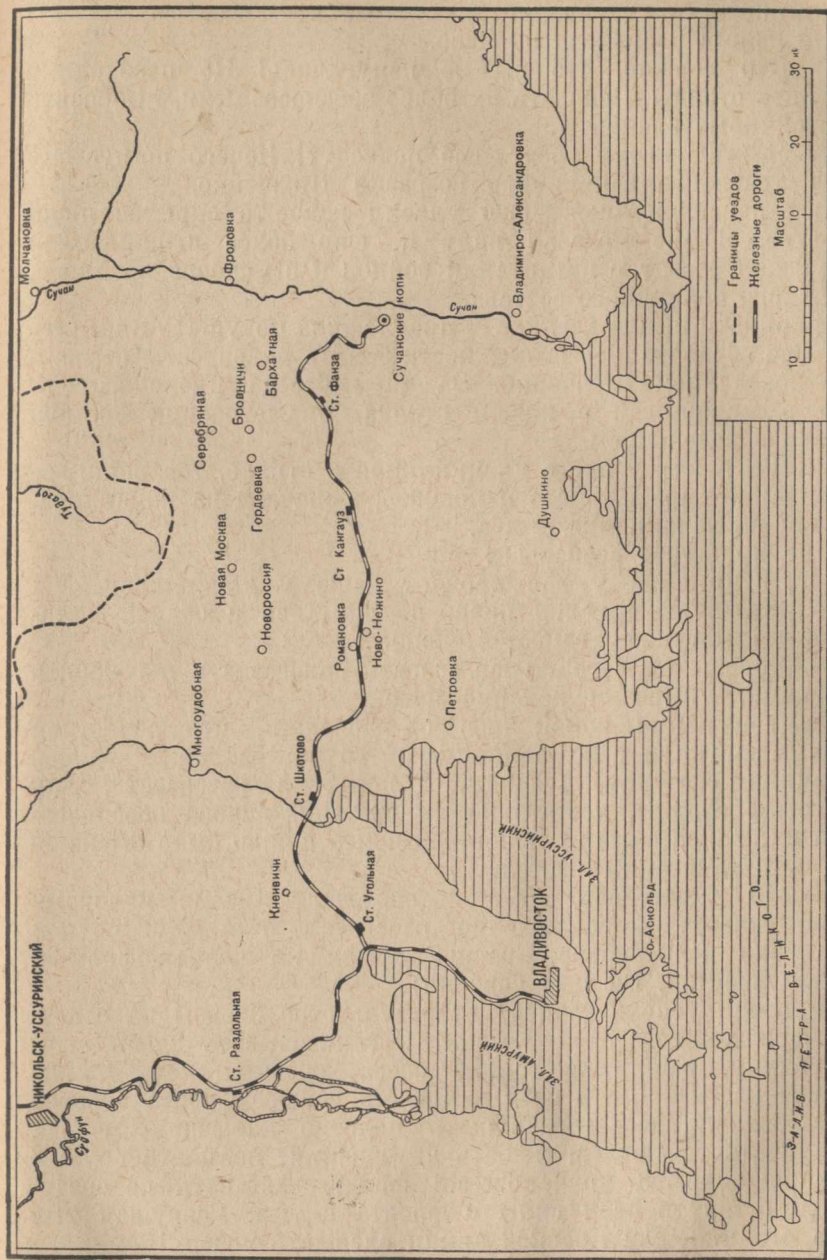
— Здравствуйте, товарищи! Моя фамилия Лазо. А это — товарищ Губельман. Мы из областного комитета партии.

Лазо тепло поздоровался, пожав всем нам руку. Мы очень приветливо ответили. Когда они оба уселись на поданные им табуретки, Лазо внимательно посмотрел на карту, разложенную на столе, и сказал:

— Да у вас пятиверстка! Замечательно! Редкая карта в настоящих условиях. Хорошо бы всем отрядам иметь такие карты.

Он стал расспрашивать о расположении противника, следя за пометками на карте. Разобравшись в нашей военной обстановке, Лазо сказал нам, что в южное Приморье стягиваются крупные силы белых для ликвидации партизанского движения, Сучанскую ветку американцы и японцы усиливают новыми воинскими частями, шкотовский гарнизон генерал Волков укрепляет пополнениями. Ясно — белогвардейцы совместно с интервентами вскоре поведут большое наступление. Надо быть готовым.

Наш командир отряда Шевченко, закрутив ус, вставил реплику:

Районы партизанских боев на Сучане в 1919 году.

— Пусть идут, мы не особенно испугались и паникерами не были.

Он искоса посмотрел на Лазо.

— Это хорошо, что вы не испугались! Но необходимо укрепить отряды и сделать их более боеспособными, выбросить неустойчивые элементы.

— Я знаю своих ребят — не подведут! Нечего попустому слова тратить! — запальчиво возразил Шевченко.

Все переглянулись. Лазо уловил какое-то скрытое недо-вольство, но не показал виду и, еще более оживившись, продолжал беседу о воспитании бойцов и о подборе крепкого, надежного командного состава.

В комнату вошла хозяйка — предложила покушать и выпить чаю. Все обрадовались возможности замять неловкость, вызванную поведением Шевченко. За чаем беседа продолжалась. Лазо расспрашивал о жизни отряда, о настроении бойцов, о связи с населением.

— Ну, а как у вас с дисциплиной в отряде, товарищи? — неожиданно спросил Лазо и посмотрел сначала на командира, а потом на начальника штаба.

Мне пришлось сознаться:

— Дисциплина у нас хромает даже у командиров. Мы часто действуем на свой риск, не считаясь с общей обстановкой, — выступаем самостоятельно...

— Хорошо же сегодня же собрать комсостав и поговорить с бойцами, — выразил желание Лазо.

На совещании командиров он доложил, что областной комитет партии и революционный штаб партизанских отрядов назначили его командующим, и попросил рассказать, как построены отряды, достаточно ли оружия, какова боеспособность их, каков состав командиров и что нужно было бы изменить в организации частей.

Беседа затянулась. Лазо интересовался всеми мелочами боевой жизни. В заключение рассказал о международной обстановке и о борьбе Красной армии на колчаковском и других фронтах. Он нам говорил:

— Наши успехи зависят от результатов борьбы на основных фронтах советской России. Организовывать здесь свою республику, защищать только свою деревню — нельзя. Мы должны рассматривать себя как часть общего фронта борьбы. Наша задача здесь — разрушать полотно железной дороги, разваливать тыл врага, мешать интервентам посылать оружие и снаряжение на колчаковский фронт, заставить белогвардейцев оттянуть свои силы с фронта в тыл. Разрушая тыл врага, мы поможем Красной армии одержать победу!

Простые, но полные боевой силы слова глубоко западали в сердца командиров.

После совещания Лазо приказал построить партизанский

отряд и перед всем строем произнес горячую речь, призывая к борьбе с контрреволюцией. Он подчеркнул, что люди, которым непосильна эта борьба, должны немедленно оставить отряд. Чтобы победить, требуется железная дисциплина! Но желающих выйти из строя не оказалось.

Лазо проделал большую работу по укреплению отряда. По его указаниям отряд был реорганизован, произведена более правильная разбивка на роты, взводы; прибывшие рабочие из Владивостока были влиты в те подразделения, где особенно чувствовались нездоровые крестьянские настроения. Приход Лазо всех как-то подтянул, и Шевченко, который так неприязненно встретил Лазо, подчинялся всем его распоряжениям и указаниям. Отряд зажил новой жизнью.

Простотой, скромностью, товарищеским отношением, четкими боевыми указаниями и чудесными пламенными речами Лазо быстро завоевал общее уважение.

Лазо никогда не давал необдуманных заданий и не отменял их. Его распоряжения в любой трудной обстановке были хорошо продуманы, обстановка изучена.

В мае, после нескольких дней пребывания Лазо в отряде цемухинской долины, белогвардейцы при поддержке японских войск повели из Шкотова наступление на деревню Новороссия.

Мы с Лазо сидели за топографической картой, обсуждая план военных действий. Вдруг прибегает из заставы села связист и докладывает, что к селу подходят белогвардейцы и японцы. Не успел он сказать несколько слов, как по селу был открыт ружейный и пулеметный огонь. Поднялась паника. Партизаны бросились удирать в разные стороны. Командиры взводов, растерянные, бежали к штабу. Была попытка без всякой команды отойти по направлению к деревне Новая Москва. Лазо спокойно взял свою полевую сумку и сказал мне:

— Товарищ Мелехин, я буду командовать отрядом¹.

Мы быстро вышли на улицу. Лазо крикнул:

— Командиры взводов, немедленно собрать бойцов, принять боевой порядок!

Партизаны быстро вернулись, выстроились по-взводно. Лазо, рассыпав отряд в цепь, впереди бойцов бросился к концу села — навстречу противнику.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Разведка белых, обстрелявшая село, была быстро опрокинута; но за разведкой наступали большие силы противника, несомненно, лучше вооруженные и численно превосходящие нас. Соотношение сил было очень неравное. Лазо дал четкий приказ, как надо отступать и куда. Отряд организованно, без потерь, отошел. Мы заняли удобную позицию на склоне горы, покрытой лесом,

¹ Командир отряда Шевченко был в это время на заставе села.

верстах в трех от деревни Новая Москва. Но противник, видимо, опасаясь засады, дальше не наступал, и через некоторое время, оставив Новороссию, вернулся в Шкотово.

Лазо пробыл в отряде дней десять. За это время мне пришлось ближе познакомиться с ним в обыденной нашей партизанской жизни. Лазо внешне, особенно одеждой, не отличался от обычного партизана. С людьми он был очень приветлив.

Я всегда поражался, как мало он спал. Бывало, люди уже спят, в штабе кроме дежурного никого нет; горит маленькая керосиновая лампочка; Лазо или сидит над топографической картой или что-то пишет. Однажды я проснулся часа в четыре утра, вижу — он все еще пишет.

— Товарищ Лазо, пора спать, надо беречь свои силы!

— Я сейчас лягу, вот только допишу воззвание.

Но, видимо, он так и не ложился — к утру воззвание к партизанам было отпечатано уже на машинке.

Лазо ложился спать обычно на лавке, положив под голову свою полевую сумку. Но сон у него был необычный, как будто и во сне он находился в полной боевой готовности. Стоило его разбудить в любое время, он моментально вскочит на ноги, проведет ладонью правой руки по лицу и отвечает на заданный вопрос, как будто он и не спал, а думал именно об этом вопросе. Всех нас поражала его организованность, умение дать указания командирам в любой обстановке.

От нас Лазо поехал наводить порядок в других отрядах.

Вскоре наш отряд получил от Лазо приказ — вместе с другими отрядами направиться в район полотна железной дороги, идущего от Владивостока до Никольск-Уссурийского, и действовать в тылу противника: разрушать полотно железной дороги в районе Раздольной — Кипарисово с таким расчетом, чтобы, парализовав белых и интервентов, мешать отправке оружия в помощь колчаковской армии.

Приказ Лазо диктовал зайти в тыл противнику и направиться через каменноугольные Зыбунные рудники, где рабочие подготовились выступить против белых и перейти в наш отряд, но не могли этого сделать, так как рудники были оцеплены белогвардейцами.

По маршруту селений Новороссия, Многоудобное, Кролевец, Кнеивичи и Зыбунные рудники отряд двинулся выполнять оперативное задание Лазо.

Трудность была в том, что к конечному пункту отряд должен был прибыть незамеченным населением, дабы противник не мог разгадать наших планов.

На рассвете мы вышли за Новороссию и через отроги гор тропами перевалили в майхинскую долину, между селами Майхе и Многоудобное. И снова тайгой, через цепь невысоких гор, покрытых лесом, достигли хутора близ села Кролевец.

которое, оказалось, было занято канадцами в числе четырехсот штыков.

Через шпионов-кулаков наше местопребывание было обнаружено. Канадцы повели наступление на хутор.

Хутор был расположен у подножья горы. Дорога к нему шла зигзагами по полям и дугам, а севернее хутора, в полукруга верстах, поднимался невысокий хребет, покрытый лесом, который подходил к селу Кролевец и огибал его с трех сторон. Мы двинулись цепочкой по самому хребту в тыл противнику и расположились на хребте около села. Наше передвижение не было замечено.

Наступал вечер. Солнце огненным шаром лениво клонилось к закату и уходило за синевшие вдаль вершины гор. В бинокль мы увидели, что канадцы походным порядком возвращаются в Кролевец. Через час, примерно, они пришли в село и расположились у подножья горы, раскинув палатки. Весь лагерь с горы, на которой мы находились, виден был как на ладони. Противник выставил у подножья горы посты. Люди наши, затаив дыхание, следили за происходящим в лагере противника. Канадцы находились от нас в пятистах шагах, не подозревая, что на горе, у подножья которой они расположились, находятся партизаны. Мы решили напасть на рассвете, рассчитывая, что после перехода канадцы будут крепко спать.

Партизаны всю ночь не спали. Хотелось проучить непрошенных гостей, чтобы им впредь не повадно было охотиться за партизанами.

Брезжил рассвет. Над селом стоял туман. Лагерь канадцев спал, только часовые время от времени шагали взад и вперед. Мы спустились ближе к подножью горы.

Наступал решительный момент. Затаив дыхание, бойцы тихонько, цепляясь за ветви деревьев, спустились на указанный им рубеж и ждали приказа. Палатки канадцев отстояли теперь от нас в ста пятидесяти шагах. Была подана команда «приготовиться», затем команда «огонь», и частая залповая ружейная стрельба прервала тишину ночи. Эхо перекатывалось волной, отдавалось далеко в горах.

Канадцы в панике бросились бежать. Слышна была команда офицеров принять боевой порядок, но солдаты в беспорядке стали отступать по направлению к селу, и лишь минут через десять открыли они беспорядочную ружейную стрельбу. Канадцы бежали по селу — это было их спасение, так как у нас было распоряжение Лазо в селах боя не устраивать во избежание убийства мирного населения.

Наша рота с тыла ударила по противнику; это заставило его пробираться вперед с боем. Заработали пулеметы канадцев и ружья-автоматы — ветки кустов, точно подстриженные, падали на наших бойцов. Канадцы пробили себе путь и отступили

на Кнеивичи. Зло брало партизан — нечем было преследовать: у каждого оставалось не более пяти-десяти патронов.

В число наших трофеев попали палатки канадцев, несколько винтовок, две тысячи патронов, шесть «кольтов», ранцы, много шоколада, сигарет, консервов и обмундирования. Канадцы побросали даже свои шляпы и лайковые перчатки. После этого боя они уехали во Владивосток и больше уже не появлялись в этом районе.

Мы двинулись дальше. По пути к нам в отряд вливались новые силы. В Кнеивичах к нам прибыла рота владивостокских рабочих с полным вооружением и снаряжением. Вскоре рабочие Зыбунных копей смогли обезоружить посты белых и присоединиться к нам.

Отряд, получив такое подкрепление, через горы перевалил в район станции Кипарисово и отсюда начал успешно выполнять приказ Лазо.

На перегоне Кипарисово — Раздольная мы взорвали мост, на расстоянии версты спилили телеграфные столбы и пустили под откос поезд с вооружением и снаряжением, предназначенный для Колчака.

Захватив много винтовок и боеприпасов, мы хорошо вооружились.

После этого отряд цемухинцев двинулся тайгой и напал на винокуренный завод Пьянкова в семи-восьми верстах от Никольск-Уссурийского. Японская рота, охранявшая завод, была застигнута врасплох. Японцы выскакивали из казарм, пытаясь принять боевой порядок, но меткий партизанский огонь снимал одного за другим. Тогда японцы из окон казармы повели бешеный ружейный и пулеметный огонь. Было решено поджечь резервуары со спиртом, находящиеся рядом с казармой. Несколько отважных смельчаков бросилось выполнять рискованное поручение. Быстро открыли резервуарные краны, зажгли паклю, и спирт воспламенился. Огненные языки охватили казарму. Вся японская рота погибла.

В июне Лазо разработал генеральный план наступления на гарнизоны белых и интервентских войск, расположенных на Сучанской ветке. Надо было взорвать мосты, разрушить подъемники на перевалах Сучанской ветки, чтобы отрезать угольный район Сучана от Владивостока. Разрушить тыл Колчака, ускорить его падение, разбить интервентов было основной целью наступления. План был дерзновенный и смелый. Партизанам, наполовину вооруженным охотничьими берданками, предстояло столкнуться с врагом, вооруженным до зубов, численно их превосходящим. Но на стороне партизан было иное превосходство — преданность революционному делу, знание каждого кустика, каждой тропы в тайге и страстное желание победить.

Каждый отряд получил особое задание. В двадцатых

числах июня отряды повели одновременное наступление на все пункты расположения противника. Почти все отряды выполнили план блестяще. Интервенты, видимо, совершенно не ожидали нашего наступления.

На всех участках партизаны здорово потрепали интервентов. И вполне естественно, что русская белогвардейщина совместно с интервентами начала лихорадочно готовиться к общему наступлению, чтобы ликвидировать партизанское движение в Приморье.

Из Владивостока и Никольск-Уссурийского были брошены крупные силы русских белогвардейцев и интервентов в первую очередь в Ольгинский уезд.

В бухтах Тетухе и Чен-ю-вай высадились японские отряды. На станцию Кангауз Сучанской железнодорожной ветки из Владивостока прибыли большие эшелоны японских и американских войск и сразу же повели наступление на Владимиро-Александровку, Унаши, Перятино и другие села Сучанского района.

Всего, по имевшимся у нас сведениям, в Ольгинский уезд было брошено контрреволюционных войск вместе с интервентами около десяти тысяч штыков. У нас же было около трех тысяч во всех отрядах. Кроме того мы еще не успели создать продовольственной базы в тайге на случай общего наступления контрреволюции.

Партизанским отрядам с боем пришлось отступать в тайгу.

Отступление по тайге было чрезвычайно трудным. Июльское солнце пекло невыносимо, отряд шел почти ощупью, без охотничьих троп. Партизаны выбивались из сил, взбираясь на крутые склоны гор. Многие шли босиком, с окровавленными ногами; продовольственные запасы приходили к концу, одолевала мучительная жажда. Всем хотелось пить. Но воду можно было достать только у подножья гор или же в расселинах, где иногда встречались горные родники.

Белые при поддержке интервентов заняли последние предтаежные деревни. Продовольственные ресурсы партизан иссякли, патроны были на исходе. Для партизанского движения наступили тяжелые дни. Неустойчивые элементы стали уходить из отрядов.

В середине июля отряды стянулись в деревню Молчановку, где было созвано совещание командиров совместно с исполкомом Ольгинского уезда для обсуждения создавшегося положения.

На совещании с речью выступил Лазо. Он сказал, что революция требует огромного напряжения, она не дается самою. Временные наши затруднения не есть поражение. Кто поддается панике в такой ответственный момент, тот недостойн носить высокое звание защитника октябрьских завоеваний и быть среди партизан.

Лазо предложил разбиться на более мелкие отряды и вести тактику внезапных налетов на белогвардейские гарнизоны и попрежнему разрушать железнодорожные магистрали, чтобы парализовать отправку войск и боеприпасов на колчаковский фронт.

После совещания произошла реорганизация отрядов.

Я со своим отрядом должен был перейти в Иманский район. Задача была не из легких. Трудность заключалась главным образом в переходе через высокие горы Сихотэ-Алинь, сплошь поросшие непроходимым лесом. Заходить в населенные пункты было очень рискованно — там можно было натолкнуться на белых и интервентов.

В конце июля отряд двинулся в поход.

В даубихинской долине, в тайге на тропе, идущей близ реки Даубихэ, мы заметили догоравший костер и свежее помятую траву. Сделав небольшую передышку, отряд осторожно двинулся дальше. Путь на этом участке был очень труден: то и дело он преграждался огромными вековыми деревьями, поваленными ветром. Вдруг мы услышали на скале свист. Отряд остановился насторожась. В кустарнике что-то сильно затрещало, показались руки, разводящие ветки в стороны, потом голова в защитной фуражке, и вот перед нами во весь рост предстал Лазо.

Вид у него был изнуренный, болезненный, лицо покрылось какими-то пятнами, и только глаза его блестели попрежнему. Обрадованные неожиданной встречей, партизаны окружили Лазо. Он рассказал нам, что при переходе из Ольгинского уезда в Никольск-Уссурийский заболел и задержался неподалеку здесь, на хуторе у крестьянина.

— Пусть бойцы отдохнут, а мы присядем вот здесь на лужайке и потолкуем о вашем переходе, — обратился ко мне Лазо.

Он сел на землю, вынул из полевой сумки карту и начал знакомить меня и командиров взводов с расположением сил противника:

— Анучино занято японцами. В этом районе вам необходимо двигаться с большой осторожностью. Более безопасный путь — через Муравьевку, Чугуевку, Новомихайловку, Уборку, Саратовку и Самарку, а дальше перевалите через горы и выходите к хутору Ариадное Иманского уезда. При движении по населенным пунктам надо привлекать, разъяснять крестьянам цели нашей борьбы, выявлять среди крестьянской бедноты сочувствующих нам и из них создавать ячейки для связи с отрядами. Держите также связь с товарищами, отправившимися в Чугуевку.

Так инструктировал нас Лазо.

Долго еще велась беседа с Лазо о наших дальнейших планах борьбы с контрреволюцией. Несмотря на свою болезнь

Лазо так ярко и страстно говорил, что мы слушали его с за-
таенным дыханием. Время шло незаметно. Жаль было расста-
ваться с этим прекрасным человеком и любимым командиром.

Прощавшись с Лазо, отряд двинулся дальше на север
по указанному им маршруту.

БОРЬБА НА СУЧАНЕ¹

Владивостокский комитет большевиков осуществлял руко-
водство партизанским движением с момента его зарождения.

Центром, вокруг которого начало разворачиваться парти-
занское движение в Приморье после падения советской власти
на Дальнем Востоке, был Сучанский угольный район. Первая
партизанская группа организовалась в конце 1918 года из
сучанских рабочих и крестьян-бедняков деревень Хмельницкой
и Серебряной.

В начале января 1919 года был организован второй пар-
тизанский отряд в цемухинской долине Шкотовского района.
Основное ядро его составляли крестьяне-бедняки деревень
Новая Москва, Гордеевка и др.

В январе в цемухинскую долину был направлен из Влади-
востока карательный отряд, укомплектованный офицерами,
под командой генерала Волкова. Плохо вооруженный парти-
занский отряд не выдержал пулеметного огня белых и вынуж-
ден был отступить. У партизан нехватало патронов, совер-
шенно отсутствовала медицинская помощь.

В начале февраля во владивостокский подпольный больше-
вистский комитет явились два представителя партизанских
отрядов с просьбой помочь им оружием, обмундированием,
медикаментами и пр.

Комитет большевиков начал направлять в партизанские
отряды группы вооруженных грузчиков, рабочих железно-
дорожных мастерских и моряков. Морем на шаландах пере-
правляли оружие, боевые припасы и другое снаряжение.

Помощь партии вселяла бодрость в сердца бойцов. Парти-
заны чувствовали постоянную заботу о себе. Быстро выра-
стали новые партизанские отряды в майхинской долине, в
Петровском районе и в других местах. В марте 1919 года на
съезде руководителей партизанского движения, состоявшемся
в деревне Фроловке, был создан временный военно-революцион-
ный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда.

Под руководством революционного штаба партизанские от-

¹ Составлено по воспоминаниям товарища А. Сенкевича.

ряды от отдельных стычек переходят к регулярным боям с белыми. В первых числах апреля 1919 года партизаны уже выдерживают длительный бой под деревней Перятино. Белые потеряли около ста пятидесяти человек убитыми.

Власть революционного штаба партизанских отрядов к половине мая распространилась на большую часть Ольгинского уезда. В руках белых находилась только так называемая «нейтральная» зона — Сучанские копи — и трехверстная полоса по железной дороге, от Сучан до Шкотова, охранявшаяся американцами.

Но несмотря на значительные успехи в борьбе с белыми революционный штаб не сумел все же добиться организованности и дисциплины в партизанских отрядах: слабо координировались действия отдельных отрядов, отсутствовала стратегическая целеустремленность всего движения в целом. Этим объясняется и ряд совершенно неоправданных неудач при столкновениях с белыми, как, например, неудачное нападение отряда под командой Шевченко на шкотовский укрепленный гарнизон в начале апреля 1919 года.

Партийная организация Приморья, учитывая все это, направила после апрельской Дальневосточной подпольной конференции большевиков для руководства партизанским движением членов областного комитета Сергея Лазо, М. Губельмана, В. Владивостокова и др.

Отряд под командой Гаврилы Шевченко стоял в деревне Новороссия, в двадцати верстах от Шкотова.

В один из теплых майских дней на улице появились три таежника. С громадными мешками за плечами, опираясь на большие суковатые палки, они медленно подходили к зданию походного лазарета: Губельман и Владивостоков с большими окладистыми бородами; моложавое лицо Лазо обрамляла легкая черная борода, из-под его густых черных бровей пылливо смотрели умные темнокарие глаза.

В первый же день Сергей Лазо выступил на митинге партизан. Он говорил об упорной революционной борьбе рабочего класса, о солидарности с русской революцией зарубежных рабочих, о разворачивании партизанского движения, о необходимости строгой революционной дисциплины, без которой нельзя победить вооруженного до зубов и хорошо обученного военному искусству врага. Простые, задушевные, полные революционной страсти слова Сергея глубоко западали в душу слушателей, заставляя крепче сжимать винтовку в руке.

Лазо занялся изучением состояния партизанских отрядов. Верхом на лошади Лазо посетил петровский отряд, отряд, размещавшийся в районе деревни Душкина, корейский партизанский отряд в деревне Николаевке и др.

Для того чтобы попасть в село Петровку, необходимо было пробраться через «нейтральную» зону, т. е. через Сучанскую

железнодорожную ветку, охранявшуюся американскими войсками. Лазо проявил себя здесь как прекрасный разведчик. Оставив меня одного в полумерсте от железной дороги, рассказывает один из участников партизанского движения, он пополз по направлению к железнодорожной насыпи и только после глубокого и тщательного обследования местности, убедившись, что вблизи нет врага, решил продолжить наш путь.

Как только мы прошли «нейтральную» зону, Лазо задал мне вопрос: разрешают ли американцы по «нейтральной» железной дороге проезжать вооруженным представителям колчаковской власти?

Я ответил утвердительно.

— Вот видите, — сказал мне Лазо, — а партизан вооруженных они на полверсты к железной дороге не допустят! Однобокий получается «нейтралитет». Под прикрытием «нейтралитета» американцы могут быть совершенно спокойны за сохранность тех грузов, которые интервенты провозят для Колчака.

Мы шли по тайге дальше, а Лазо продолжал развивать впервые услышанный мною здесь от него план борьбы с интервентами и белыми:

— Нужно покончить с фальшивым «нейтралитетом». Сейчас основная задача партизанского движения — мешать подвозу для колчаковской армии амуниции и военного снаряжения, посылаемого интервентами. Необходимо взрывать мосты, тоннели, пускать под откос воинские поезда, портить железнодорожные пути. Вот чем должны заняться сейчас наши отряды!

Этот план потом обсуждался на заседании революционного штаба Ольгинского уезда и был положен в основу действий всех партизанских отрядов. На практике он вскоре блестяще оправдался.

В половине июня партизанский штаб предъявил американскому командованию требование не допускать проезда вооруженных частей белых по Сучанской ветке. Американское командование отвергло это требование, сославшись на то, что оно является только одним из партнеров междусоюзной комиссии по охране железной дороги и не вправе самостоятельно решать этот вопрос.

В ответ на такое заявление партизанский отряд под командой Тетерина-Петрова обстрелял поезд, к которому был прицеплен вагон с колчаковцами.

Был убит начальник шкотовского гарнизона полковник Москвин, и ранено несколько колчаковских солдат.

Американская охрана поезда рассыпалась в цепь и открыла огонь по партизанам. Отношения с американцами с этого времени обострились.

Лазо разработал план внезапного нападения на японские и американские гарнизоны, расположенные на Сучанских ко-
пях и по линии Сучанской железнодорожной ветки.

В последних числах июня, выполняя план, партизанские отряды ночью напали одновременно на гарнизоны интервентов, расположенные на станциях Романовка, Кангауз, Ситца, Бархатная и Сучан.

Операция эта была проведена блестяще. Застигнутый врас-
плох противник с огромными потерями был выбит со всех станций и вынужден отступить к Шкотову и на Сучаны.

Ожесточенное сопротивление оказали американцы в Романовке. Здесь командовал отрядом из-за болезни Шевченко сам Лазо.

Предварительно Лазо ознакомил командиров рот и взво-
дов отряда с местностью, где предстоял бой, дал указания, где и какому звену занять позицию, строго-настрого при-
казал в походе громко не разговаривать и не курить. Спокой-
ствие, сдержанность Лазо и проявленное им при этом знание дела вселили в бойцов уверенность в своих силах. Привыкшие под командой Шевченко к «партизанской» вольности, бойцы почувствовали теперь настоящего командира, подтянули и сами одергивали товарищей, пытавшихся в нарушение при-
каза покурить «в рукав».

Деревня Романовка, упираясь в Сучанскую ветку, как большинство таежных деревень, тянется одной улицей. Сразу же за железнодорожным полотном возвышается порос-
шая густым кустарником сопка.

Палатки американского гарнизона численностью в двести человек были расположены возле самого полотна дороги.

Перед рассветом после тщательной разведки партизанский отряд подполз совсем близко к железнодорожному полотну и занял позиции в кустарнике на сопке.

Кругом была поразительная тишина. На пеньке у палаток, взявшись за винтовку, сидел и, очевидно, дремал американ-
ский часовой. По сигналу партизаны открыли по палаткам огонь.

Застигнутые врасплох американские солдаты выскочили в одном белье. Большинство из них подняло руки вверх. Партизаны приостановили пальбу. Этой паузой воспользовался один из американских офицеров. Захватив ручной пулемет, вместе с двенадцатью солдатами он занял крестьянскую избу и открыл огонь. Среди наших бойцов началось замешательство. Но вот Лазо скомандовал: «Товарищи, вперед, за мной!»

Почти весь американский гарнизон был перебит. Остались в живых только укрывшиеся в крестьянских избах. Мы поте-
ряли двоих убитыми, шестеро было ранено. Среди убитых был местный крестьянин, шестидесятилетний охотник Сима. Из охотничьего ружья, заняв позицию за углом своей избы, он

уложил несколько американцев. Когда у него не стало патронов, он выскочил из-за избы, схватил винтовку убитого американца и продолжал стрелять. Пущенный американцами град пуль прекратил жизнь шестидесятилетнего старика-героя.

Под Романовкой партизанам удалось захватить американские палатки, которые впоследствии сослужили большую службу при организации таежного лазарета.

Созданная по инициативе Лазо подрывная команда взрывала в это время мосты, пускала под откос поезда.

Середина лета 1919 года была периодом высшего подъема партизанского движения в Приморье, совпавшим со всеобщей забастовкой на Уссурийской железной дороге, перекинувшейся и на КВЖД. Объединенными усилиями красных партизан и героически оборонявшихся в условиях жестокого белого террора железнодорожников основная магистраль, по которой интервенты направляли военные грузы Колчаку, на два с лишним месяца была выведена из строя.

Интервенты не на шутку всполошились.

Взбешенные нашими нападениями, они значительно укрепили сучанский гарнизон и объединенными силами в начале июля повели наступление против партизанской армии. Трудно было плохо вооруженным партизанам устоять перед много раз превосходящими их численностью и хорошо вооруженными врагами.

В июле погиб один из лучших бойцов — Яша Попов (Миша Мошкин), адъютант Лазо.

Молодой, смелый, он был любимцем партизан. Бодрость, жизнерадостность, непоколебимая вера в победу притягивали к нему всех. Миша выполнял самые рискованные поручения. Погиб он геройски на боевом посту, выполняя опасное задание своего командира.

Для прикрытия отступления в деревне Хмельницкой был оставлен заслон. В штабе было получено сообщение, что оставшаяся там группа партизан очутилась под угрозой быть отрезанной и попасть в лапы врагу. Необходимо было срочно предупредить товарищей. Яша Попов и шахтер Байбородов вызвались выполнить эту ответственную задачу.

Байбородов и Попов, приближаясь к Хмельницкой, были уверены в том, что там находятся партизаны. На окраине Хмельницкой есть кладбище, обнесенное частоколом, рядом с ним поскотина. Байбородов и Попов подъехали к поскотине, открыли ворота, но не успели они въехать за ограду, как оказались окруженными белыми, скрывавшимися за оградой кладбища. Они пытались убежать, но после нескольких залпов Байбородов был убит, а Попов завяз ногой под упавшей раненой лошастью.

Белые привели Попова к генералу Смирнову. В крестьянской избе Яшу Попова подвергли нечеловеческим пыткам. Бе-

лым хотелось выведать данные о расположении и количестве партизанских сил. Они нещадно били Попова, прижигали тело папиросами, загоняли под ногти острые предметы, выбили глаз. Но ни одного слова не вырвали из уст бесстрашного бойца.

Полуживого, растерзанного, поволокли они по берегу реки, усеянному камнями, и там добили этого храброго сына нашей родины — одного из лучших питомцев нашей партии. Лазо тяжело переживал эту потерю, не мог примириться с утратой любимого адъютанта...

Благодаря хладнокровию и умелому руководству Лазо отступление было проведено вполне организованно, без паники. Сам Лазо отступал с последними цепями.

В течение трех дней партизаны держались в Сергеевке, а затем под напором японцев и колчаковцев отступили в последнюю предтаежную деревню Молчановку, а оттуда — в тайгу.

В Молчановке скопилось свыше двух тысяч партизан. Впереди была тайга, сзади напирали белые и интервенты. Среди отдельных бойцов начала падать дисциплина.

Стойко держались шахтеры Сучана и вообще рабочая часть партизанских отрядов. Лазо, как всегда, сохранял выдержку и спокойствие. С группой сучанских партизан он лично прикрывал отступление и эвакуацию раненых.

В условиях партизанской борьбы эвакуация раненых является чрезвычайно сложным делом. А раненых в лазарете набралось до пятидесяти человек. Лазо проявил себя и здесь. Он мобилизовал нужные для перевозки раненых подводы; по его распоряжению для лазарета отводилось лучшее в деревне помещение. В большинстве случаев это была сельская школа. Сергей заботился о том, чтобы раненые были хорошо накормлены. Лучшие продукты — молоко, яйца — всегда в первую очередь отдавались раненым и больным.

Когда встал вопрос об устройстве лазарета в тайге, Лазо несмотря на сопротивление рядовых партизан, которым предстоял стоверстный переход тропой через хребет Сихотэ-Алинь в другой район, сумел сохранить продукты питания для раненых. Это дало возможность продержаться лазарету в тайге в течение трех месяцев. Лазо с помощью крестьянина Макара, жившего на хуторе вблизи Молчановки, нашел безопасное место в тайге, где и был организован таежный лазарет.

При отходе партизанских частей в тайгу Сергей не забыл и о легко раненых. Прекрасный таежник, Лазо сам взялся провести их мимо расположения японских войск таежной тропой из Анучинского района в Чугуевский. Путь был долог, питались они без соли, без крошки хлеба. Приходилось спать под дождем.

Дорогой Лазо заболел. Некоторое время он пролежал у одного сердобольного крестьянина, потом, окончательно еще

не окрепнув, он решил идти в лазарет. Хотелось скорее поправиться. Душа его рвалась в город для новой, живой, кипучей работы...

Медленно тянулось время в таежном партизанском лазарете. Связь с внешним миром отсутствовала. Обитатели проводили время в разговорах, делились воспоминаниями о пережитом и мечтали о будущем.

В один из знойных августовских дней 1919 года с огромным мешком за плечами, с винтовкой через плечо, опираясь на длинную палку, подошел к лазарету Сергей.

Его трудно было узнать — тяжелая походка, обрюзгшее лицо, распухшие ноги, язвы на теле...

В таком виде Лазо прошел много верст, перевалив таежной тропой через Сихотэ-Алинь. Радужно встретили в лазарете дорогого гостя. У Лазо оказалось острое воспаление почек.

Приход Лазо внес свежую струю в жизнь таежников. Сам больной, он помогал в уходе за ранеными. В минуту уныния ободрял падавших духом. Часто среди угрюмой таежной тишины раздавался его бодрый, молодой голос.

Обитатели лазарета жили надеждой на скорый приход советских войск, говорили о близком осуществлении заветной мечты — восстановления советской власти на Дальнем Востоке. Лазо охлаждал пыл увлекающихся мечтателей. Он предвидел неизбежность длительной, тяжелой борьбы.

Выздоровливающие раненые выписывались и уходили — кто в город, кто в зимовья партизан. Никто между прочим не мог указать тропу и дорогу, дающую возможность обойти врага лучше, чем это делал Лазо.

— Не забудь, товарищ, идя по тропе к деревне, пройти вниз по ручью до старой китайской фанзы — там будет кладка; дальнейший путь советую продолжать ночью...

Он знал, что эти мелочи имеют громадное значение в пути таежника-партизана. А Лазо с гордостью называл себя опытным таежником. В его громадном мешке, который он сам, оборванный и в лаптях, таскал за плечами, находилось все необходимое таежнику: палатка, топорик, кастрюлька, веревочки, немного крупы и сухарей.

Время шло. С осени 1919 года в рядах колчаковцев началось разложение. «Мятежные» части начальство постаралось убрать из таежных районов. Партизаны получили возможность снова выйти из тайги.

Некоторое время Лазо жил в Серебряной, где был штаб небольшого отряда. Он посещал группы партизан, скрывавшихся в таежных базах, давал указания, как вести работу среди белых, сосредоточившихся на Сучанском руднике и в его окрестностях.

Однажды Лазо узнал, что недалеко, в деревушке Гордеевке, учительствует его жена. С ней же находилась родив-

шаяся в его отсутствие дочь. Осторожность — отличительная черта Лазо — проявилась и здесь. Как ни рвалась его душа поскорее увидеть жену и дочурку, Лазо из опасения обнаружить себя и семью даже в деревне, где крестьяне были своими людьми, провел два дня в тайге поблизости, пока ему не удалось устроить свидание.

В ноябре 1919 года Сергей Лазо был отозван во Владивосток на партийную работу, где в то время шла подготовка восстания. С головой окунулся Лазо в эту работу, окончившуюся занятием Владивостока партизанами 31 января 1920 года и ликвидацией колчаковского режима в Приморье.

НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ О ЛАЗО НА СУЧАНЕ

В сентябре 1919 года пришел в Сергеевку — босый, в холщевых штанах, в темносером кителе, старой фуражке. Поел, после пошел на Бровничи. Он тогда собирал отряды.

Летом 1919 года был хороший урожай. Цвела липа, пчела взятки брала много, в реке сима шла. Раз вечером пришел Лазо. Говорил речь возле школы с бревен.

Лапти делали из лыка грецкого ореха. Если хорошо сделать, держались на походе недели две. Лазо скоро научился сам выплетать «баретки в сорок четыре клетки».

На заимку Макара Лазо пришел осенью вдвоем с товарищем — оборванный, в лаптях, ноги распухли. Помылся в бане. Прожил два дня в бане (чтобы удобнее в случае чего бежать в лес). Потом ушел в лазарет. Пробыл там дней девять. Ушел в Анучино. Ум у него был быстрый, не переспрашивал.

После разгрома отряды собрались в Молчановке. Голодные, жрать нечего. Анархизирующие лица подняли голову: «Не надо было драться!» Мошка грызла. Лазо организовал госпиталь, охотничий и рыболовецкий отряды.

Когда появилась эта фигура — как гора перед тобой. К нему потянулись все: «С таким человеком можно смело вперед».

Ходил пешком, с подводами никому не надоедал. В лаптях, в белых полотняных штанах, с палкой. Вид крестьянина-проповедника.

Он начинает спрашивать. Два-три вопроса — сразу решает.

Высокий, красивый, молодой. Говорил отрывисто, картавил.

ПИСЬМО ГРУППЫ СОЛДАТ-КРАСНОЯРЦЕВ СЕРГЕЮ ЛАЗО

Товарищ Лазо!

До вас, вероятно, уже дошли слухи о переходе на сторону партизан батальона, сформированного из военнопленных в гор. Имане...

Так вот мы, группа красноярцев из числа военнопленных, узнав, что наш старый товарищ Лазо здесь недалеко, спешим вам послать свой товарищеский привет...

Близок, товарищ, тот час, когда и Дальний Восток, этот последний оплот буржуазии, сложит свое оружие пред победно шествующим пролетарским красным знаменем, и тогда мы, заброшенные судьбой за 4 000 верст от родного пепелища, можем смело сказать всему миру, что честно исполнили свой долг...

Близок, товарищ, и тот час, когда мы вновь увидим свой родной Красноярск, где снова сияет лучезарное солнце свободы!

Еще раз, товарищ, примите наш сердечный привет.

17/1—20 года, д. Стретенка.

Группа красноярцев.

М. ГУБЕЛЬМАН

ПОБЕДА

Едва оправившись в таежном лазарете от болезни, Лазо по вызову областного комитета вернулся во Владивосток. Комитет партии поручил ему руководство военным отделом.

Лазо блестяще оправдал доверие партии. В течение короткого времени в условиях подполья он проделал огромную работу: установил регулярную связь со всеми партизанскими отрядами Приморья, наладил снабжение их патронами, оружием и медикаментами.

Лазо в то же время не забывал о необходимости организовать зимние базы и заготовить продовольствие для партизан на случай ухода их в глубокий тыл. Июльские события на Сучане показали со всей наглядностью, что исключительно тяжелое положение создалось тогда именно потому, что мы не позаботились заранее построить в тайге базы и забросить туда необходимое продовольствие.

Выполняя принятое областным комитетом по его докладу решение о работе партизанских отрядов, Лазо писал мне:

«Дорогой дядя Володя, военный отдел работает усиленно, имея связь как в пролетарских, так и в военных организациях.

Обком поставил правильно вопросы партизанского движения, надо только хорошо, по-большевистски, выполнить его решения от августа 1919 года. Партизанские командиры должны помнить, что надвигается зима и необходимо теперь же выделить людей для строительства зимних баз в тайге, подготовив место для хранения продовольствия.

Мы, дядя Володя, скоро победим, но для победы еще нужны будут жертвы... Посылаю вам для отрядов письмо обкома. Сергей».

Военно-революционный штаб под руководством Лазо сумел наладить в это время работу нелегальных ячеек в колчаковских частях, устанавливал тесную связь с революционно настроенными солдатскими массами. Благодаря этой работе во всех частях колчаковской армии, за исключением гардемаринов, казаков и личной охраны Розанова, имелись представители военно-революционного штаба и комитета партии. Одновременно усиленно шло создание вооруженных дружин из грузчиков, дальзаводцев, портовых рабочих и др.

Партизаны не прекращали борьбы с белогвардейцами и японцами. Лазо непрерывно поддерживал связь со всеми отрядами, инструктировал их, давал советы. Командиры отрядов, в свою очередь, подробно информировали Лазо о том, какие боевые операции ими проведены и сколько при этом было потерь у противника и у партизан.

Лазо бывал очень доволен, когда получал эти письма. Он любил точный учет своих сил и сил противника. На основе этих донесений Сергей делал анализ обстановки и строил план дальнейшей работы военного отдела.

Наступил 1920 год. Областной комитет большевиков объявил однодневную забастовку протеста против интервенции и контрреволюции.

Третьего января жизнь во Владивостоке замерла. Военный порт, Дальневосточный завод, Эгершельд¹ — все мастерские и предприятия опустели. Торговый порт, где жизнь всегда шумела, как в пчельнике, тоже затих. Не открылись в этот день ни магазины, ни кино, ни театры, ни учреждения. Электрическая станция не работала. Вечером город и крепость были окутаны тьмой.

Встревоженные контрразведчики и шпики метались по всему городу, разыскивая организаторов забастовки. Японо-белогвардейские ищейки напрягали все силы, чтобы найти Лазо и других членов областного комитета.

Сергей в это время жил нелегально в Рабочей слободке, под видом грузчика. Партийная организация законспирировала его хорошо. Сергей имел паспорт и соответствующую своей

¹ Портовый район Владивостока.

«профессии» производственную одежду: на его ногах были смазные сапоги; носил он простые черные брюки из «чортовой кожи», ватную куртку и шапку-ушанку. Все это, как и полагалось грузчику, таскавшему на спине муку, было вывалено в мучной пыли. Кроме паспорта Лазо имел в кармане соответствующее удостоверение, выданное ему администрацией первореченской мельницы как недавно поступившему на работу грузчику. Все эти документы были искусно изготовлены на подлинных бланках нашим подпольным техническим отделом.

В день забастовки Лазо возвратился к себе домой поздно. По обыкновению он зажег коптилку, с которой никогда не расставался, и сел за чтение какой-то книги по высшей математике.

Вдруг кто-то начал стучать в дверь.

— Кого это черти несут так поздно? Я уже сплю! — нарочито грубо крикнул Лазо.

— Открой!

Лазо понял, что сейчас начнется обыск. Недовольно ворча, он открыл дверь. В комнату вошло пять шпиков.

— Кто здесь проживает? — спросил охранник, оглядывая убогую комнатушку.

Лазо назвал себя. Посетители быстро и ловко перерыли всю его каморку, но ничего подозрительного кроме потрепанного томика по высшей математике не нашли.

— Откуда это у тебя? — спросил один из охранников, вертя томик в руке.

— Нашел на мельнице. Думал, хорошая книга — почитаю от скуки, оказалось — барахло, — ответил Лазо, зевая.

Охранник презрительно поглядел на Лазо и сказал:

— Дурак! Тебе надо «Бову-королевича» читать. Я возьму эту книгу

— Бери! — согласился Лазо. — Только оторви мне бумаги на курево. Там много написано, с тебя хватит.

Охранник вырвал для него две чистых странички в конце книги и направился к двери. За ним вышли и все его спутники...

Подготовка к восстанию была в разгаре. Забастовка показала, что рабочие готовы к выступлению. Областной комитет партии решал вопрос — под какими лозунгами проводить восстание.

Было решено: ввиду наличия интервентов и опасности войны, которую японские империалисты могли навязать Красной армии, советскую власть во Владивостоке пока не провозглашать, а передать власть временно земской управе.

В военный штаб на имя Лазо почти ежедневно поступали сообщения из Спасска, из Сучан, из Никольск-Уссурийского и других мест, что к захвату власти все подготовлено. Колча-

ковские гарнизоны в Казанке, Шкотове и в Охотске были полностью распропагандированы. Под руководством уполномоченных военного отдела солдаты арестовали контрреволюционных офицеров, кое-кого из них уничтожили, захватили пулеметы, винтовки, патроны и ушли в партизанские отряды. Лазо решил реорганизовать эти отряды; они наименовали себя 1-м Советским полком.

26 января Лазо получил сообщение, что партизанские отряды под руководством товарища Андреева¹ после небольшой перестрелки с белогвардейцами заняли Никольск-Уссурийский. Гарнизон колчаковских войск, находившийся под влиянием подпольной большевистской организации, немедленно признал Андреева командующим районом. Японские войска вынуждены были сохранить «нейтралитет».

В двадцати пяти верстах от Владивостока, на станции Океанская, 26 января восставший гарнизон переименовал себя в 3-й партизанский полк и ушел в тайгу к партизанам. 28 января в самом Владивостоке с парохода «Печенга» на глазах у всех рота 35-го полка вместе с командным составом, забрав оружие и обмундирование, прошла прямо на 55-ю высоту и присоединилась к 1-й Амурской революционной батарее. 29 января воинские части, стоящие на Русском острове, арестовав командный состав и вооружив разоруженных Розановым егерей, объявили, что они признают только власть земства.

Японские интервенты расставляли патрули, располагали их ближе к порту, к рабочим кварталам и к вокзалу. 29 января в Эгершельде высадился японский десант и поместился в казармах.

В этот же день колчаковские офицеры, юнкера и гардемарины, захватив запас продовольствия и обмундирования, спешно погрузились на пароходы.

Объединенный оперативный революционный штаб под руководством Лазо работал день и ночь. По предложению областного комитета партии Центральное бюро профсоюзов объявило забастовку, которая началась в ночь на 31 января 1920 года.

На следующее утро улицы Владивостока были залиты шумными толпами рабочих и солдат. С крепостных высот спустились революционные отряды и двинулись по Светланской улице к центру города. К ним примкнули рабочие отряды. По дороге они занимали правительственные учреждения и предприятия.

В это же время под охраной японских офицеров спешно покидал Владивосток преданный агент японских империалистов и палач рабочих и крестьян — генерал Розанов со своими приспешниками.

¹ Сожжен японцами заживо в 1920 году.

К одиннадцати часам утра Владивосток полностью был занят революционными войсками. На вокзал прибыл из сучанской долины бронепоезд 1-го Советского полка. Его восторженно встретили владивостокские рабочие.

Распевая революционные песни, колонны партизан, солдат и рабочих двинулись с красными знаменами к вокзальной площади. Здесь была наскоро сооружена из багажных ящиков трибуна.

Быстрой походкой подошел к трибуне Сергей. Он был одет по-военному, в серую солдатскую шинель. Толпа, увидев вожда партизан, шумно его приветствовала. Тысячи бойцов и рабочих радостно кричали:

— Да здравствуют большевики!

Лазо начал взволнованно говорить о борьбе с интервентами и белогвардейцами, о великой большевистской партии, которая неуклонно ведет народ к победе над темными силами контрреволюции. Он вспомнил о пройденном этапе борьбы, о героях-бойцах, с которыми вместе делил трудности походной жизни.

— Мы сбросили сегодня власть — самую кроважадную, самую ненавистную для трудящихся. Генерал Розанов еще вчера вместе с японцами готовил для расправы с восставшими офицерский корпус. Но эта авантюра провалилась, и вы видите, что сегодня, в момент восстания, в крепости с десяти-тысячным гарнизоном для защиты предателя не нашлось ни одной воинской части. Лакей интервентов вынужден был бежать от неизбежной расправы к своим хозяевам — японцам. Перед восстанием Розанов готовил тайное соглашение с японцами о закабалении всего края. Теперь власть этого палача сброшена! Но в крае остаются войска господ интервентов. Японцы готовят захват Дальнего Востока. Вот почему мы, коммунисты, говорим: «Революционная армия должна быть готова к борьбе в любой час!»

Повстанцы устроили Лазо бурную овацию. Они принесли торжественную клятву драться за соединение Дальнего Востока с советской Россией.

Лазо спустился с трибуны. Его подхватили десятки крепких рук. Они высоко подбрасывали его. Тысячи людей кричали:

— Да здравствует Лазо!

Колонны демонстрантов во главе с Лазо торжественно двинулись с вокзала по Суйфунской и Светланской улицам. А в это время навстречу шла другая колонна, шли партизаны, только что прибывшие на бронепоезде из сучанской долины. Они обросли в тайге бородами и казались суровыми, но на их обветренных, загорелых лицах глаза сверкали радостным огнем. Эти герои были одеты пестро, по-таежному: одни из них шли в полушубках, другие — в мохнатых козьих курт-

ках, шли и в ватных телогрейках, с винтовкой за плечами, опоясанные патронташем или связкою самодельных бомб; у многих рядом с оружием болтались прокопченные таежные котелки.

Тысячи рабочих семей вышли встречать героев-партизан, вынесших на своих плечах огромную тяжесть борьбы с интервентами и белогвардейцами. Партизаны шли под несмолкаемый радостный гул. Вот они остановились, встретившись с демонстрацией. Могучее «ура» раздалось с обеих сторон. И, наконец, все запели гимн, который так давно во Владивостоке никто не слышал:

Это есть наш последний и решительный бой!

В этот день правительство земской управы выпустило обращение ко всему населению, в котором оно обязывалось освободить политических заключенных (они во многих местах уже были освобождены восставшими), ликвидировать остатки колчаковской власти, восстановить политические и гражданские свободы, установить общественный контроль над торговлей и промышленностью, организовать снабжение населения продовольствием, проводить нормировку заработной платы путем организации тарифных комиссий совместно с профсоюзами, немедленно восстановить земельные комитеты и принять меры к ликвидации интервенции.

По решению Дальневосточного областного комитета партии Лазо начал проводить большую работу по реорганизации партизанских и бывших колчаковских частей в регулярную революционную армию. Он направил во все части политических комиссаров, подобрал преданный революции командный состав, организовал в армии политмассовую работу.

Через несколько дней после освобождения нами Владивостока мы получили сообщение от амурских партизан, что они прогнали из Благовещенска японцев. Так в тяжелой борьбе с интервентами и белогвардейцами мы кусок за куском отвоевывали нашу родину.

ПРИКАЗЫ, ВОЗЗВАНИЯ, ПИСЬМА И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ С. ЛАЗО В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ВОССТАНИЯ 31 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО СОВЕТА

**СЕРГЕЙ ЛАЗО — ОРГАНИЗАТОР ВОССТАНИЯ 31 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА
И РУКОВОДИТЕЛЬ ВОЕННОГО СОВЕТА¹**

На нелегальной большевистской конференции во Владивостоке в декабре 1919 года было решено развернуть широкую подготовку к восстанию против колчаковской власти в Приморье.

По предложению С. Лазо при областном комитете партии был создан военно-революционный штаб коммунистов (до этого при комитете партии был военный отдел), председателем которого был утвержден Лазо.

Лазо разработал организационный устав военно-революционных штабов, являющийся исключительно интересным документом того времени:

«Члены военно-революционных штабов выбираются партийными комитетами численностью от трех до пяти человек.

Задача революционных штабов, коммунистов заключается в организации и руководстве вооруженной борьбой, для какой цели штаб разбивается на отделы: 1) мобилизационно-организационный, 2) снабжения, 3) связи, 4) разведки, 5) оперативный, 6) Красный крест, или санитарный.

ПРИМЕЧАНИЕ. При районных комитетах также организуются штабы и имеют лишь четыре первых отдела.

Мобилизационно-организационный отдел ведет: а) организацию боевых отрядов из членов партии и из сторонников советской власти; отряды организуются на началах строгой дисциплины и должны представлять в распоряжение штабов военную и рабочую силу в состоянии постоянной готовности; б) организацию партизанских отрядов в близлежащем районе; в) создает специальные подрывные отряды; г) ведет организационную работу среди русских и иностранных воинских частей путем создания в них партийных боевых ячеек и отрядных (взводных, ротных, полковых и т. д.) комитетов; д) ведет учет командного состава (советского и партийного), специалистов, пулеметчиков, артиллеристов, саперов, подрывников и т. д.

Отдел снабжения: а) приобретает всеми способами вооружение и снаряжение; б) организует склады для хранения оружия и снаряжения; в) распределяет вооружение и снаряжение среди отрядов и организует их отправку.

¹ По материалам секретариата ИГВ.

Отдел связи устанавливает тесную регулярную связь: а) со всеми партизанскими отрядами его района; б) со штабами других городов и в) с воинскими частями.

Оперативный отдел руководит действиями партизанских военных организаций и штабов в своем районе, определяет задачи подрывных и специальных отрядов.

Военно-революционные штабы коммунистов на местах и районные штабы подчиняются Дальневосточному областному штабу на основании военной дисциплины. Все коммунистические организации и члены партии на местах обязаны в силу партийной дисциплины проводить в жизнь постановление областного штаба.

Вся военная, партийная работа должна производиться при соблюдении строжайшей конспирации. Отсутствие конспирации карается партийным революционным судом.

Члены партии — коммунисты, а также рабочие, сторонники советской власти соединяются в боевые десятки, десятки сводятся в сотни и т. д.

Все организованные боевые десятки и сотни, боевые ячейки в частях и комитеты подчиняются военным революционным штабам на основе военной дисциплины...»

Партийная организация поставила перед штабом ответственнейшую задачу: в возможно короткий срок подготовить и разработать план восстания, снабдить оружием боевые отряды рабочих, установить тесную связь с партизанскими отрядами области, развернуть работу в колчаковских частях.

Лазо с большим энтузиазмом взялся за работу. Среди членов штаба он четко распределил обязанности и настойчиво требовал выполнения порученного задания. Он всегда записывал, какое дано задание и когда и как оно выполнено.

Лазо, разрабатывая те или иные вопросы, связанные с предстоящим восстанием, или получив интересные сведения от партизанских отрядов, спешил поделиться своими мыслями, планами с членами областного комитета партии и получить от них необходимые указания.

Вся работа штаба протекала в постоянном контакте с областной партийной организацией. Партийный комитет выделил в распоряжение штаба коммунистов для организационной работы и для работы по связи.

Подготовка восстания происходила в исключительно трудной обстановке. Во Владивостоке и во всем Дальневосточном крае были огромные полчища интервентских войск: японцев, американцев, англичан и др. Все это требовало большого искусства и самой тщательной конспирации в работе.

Несмотря на все трудности штабу и партийной организации удалось быстро связаться с солдатами колчаковских частей и создать боевые группы революционно настроенных солдат, а кое-где — даже организовать и партийные ячейки.

Была налажена связь с военно-учебными заведениями, расположенными на Русском острове, несмотря на то что это были наиболее надежные колчаковские войска. Труднее было проникнуть во флот. Тем не менее партийной организации удалось провести небольшую нелегальную конференцию представителей от разных судов, которая вынесла решение об участии в готовящемся восстании.

Лазо несмотря на то, что связисты почти ежедневно подробно сообщали ему о настроениях в частях, очень часто лично встречался с представителями солдатских комитетов на окраине города, в кустах, в сопках или на квартире у кого-нибудь из рабочих. Из предосторожности непроверенных людей в штаб не допускали.

К концу января революционный штаб и областной комитет партии прекрасно знали о настроениях колчаковского гарнизона и были уверены, что основная масса солдат вместе с рабочими и партизанами выступит против Розанова. Даже в частях, расположенных на Русском острове — в главной цитадели белых, — где находились инструкторская школа, инженерные части и огромное количество офицеров, штаб заручился поддержкой солдат.

Из рабочих боевых отрядов и частей, перешедших на сторону штаба в районе Гнилого угла, был создан крепкий вооруженный кулак.

Для того чтобы выбить окончательный козырь из рук интервентов и устранить всякую возможность их вмешательства, было решено провести восстание под флагом передачи власти земской управе.

Это было вынужденное обстоятельствами тактическое решение. Трудящиеся массы Приморья боролись за восстановление советов, солдаты выносили резолюции выступать за советы... Пришлось проводить большую разъяснительную работу, убеждать, что только по соображениям международного порядка власть временно должна быть передана земской управе.

Решением партийной организации для координации действий 26 января был создан объединенный оперативный революционный штаб из представителей военно-революционных организаций владивостокского гарнизона. В объединенный штаб в полном составе вошел революционный штаб коммунистов. Председателем был утвержден Лазо.

Штаб 26 января переехал в квартиру одного рабочего на Селенгинской улице, в доме № 5, где раньше помещалось подпольное паспортное бюро.

На все решающие боевые участки были направлены проверенные товарищи. Лазо непосредственно руководил их работой.

Члены штаба встречались по несколько раз в день, чтобы совместно решить тот или иной вопрос. Спали очень мало.

Лазо почти совсем не спал. В эти дни он написал огромное количество листовок и обращений к солдатам. Был так загружен работой, что из штаба почти не выходил.

Восстание партийным комитетом было назначено на 31 января. 25 января штаб получил известие, что батальон егерского полка, расположенный в Коммерческом училище, выступил и арестовал офицеров. В тот же день гардемарины, верные Розанову, обстреляли Коммерческое училище, разоружили егерей и вывели их на Русский остров.

Восстание батальона егерей всколыхнуло солдат владивостокского гарнизона. Из всех колчаковских частей поступали сообщения, что солдаты готовы к выступлению, рвутся в бой.

За два дня до январского восстания, когда район Первой речки фактически превратился в открытый лагерь революционных сил, Лазо принимал уже непосредственно у себя в штабе делегатов от разных частей. Здесь он лично беседовал с приходившими товарищами. Давал указания, внимательно разъяснял план выступления и задачу каждого боевого отряда. В эти дни в штабе побывало много людей. Солдатские делегаты стремились поговорить с Лазо, лично от него получить указания.

Во Владивостоке восстание началось часа в три утра 31 января. Распропагандированные части Русского острова должны были перейти Амурский залив по льду и, выйдя к Эгершельду, выбить колчаковцев из штаба крепости и станции Владивосток. Отряды, наступающие из района Гнилого угла, должны были окружить Народный дом, обезоружить личную охрану Розанова, занять это помещение и продвигаться дальше — занять телеграф, банки и другие государственные учреждения. Со стороны Первой речки предложено было выступить моторизованным частям и латышскому национальному полку в направлении штаба крепости. Сюда же должны были подойти матросы со стороны Военного порта.

План был выполнен блестяще. Правительственные учреждения занимались почти без боя. Первое столкновение революционных войск с белыми произошло в районе Народного дома, но, как впоследствии выяснилось, там произошла досадная ошибка: личная охрана Розанова, расположенная там, присоединилась к восставшим, арестовала своих офицеров, но, увидев приближающиеся наши отряды, солдаты вообразили, что это наступают белогвардейцы, начали стрелять. Дело обошлось, однако, без человеческих жертв.

Упорная перестрелка завязалась в районе штаба крепости, где засели офицеры, ожесточенно сопротивляясь. В двенадцатом часу дня их сопротивление было сломлено.

Владивосток перешел в руки восставших. В город вступали партизанские отряды. Народ встречал их восторженными овациями.

Штаб заканчивал свою работу. Лазо отдал последнее распоряжение группе товарищей — отправиться на телеграф, организовать задержку и расшифровку телеграмм, отправляемых за границу, поспешил к вокзальной площади навстречу входившим в город партизанским отрядам.

Японцы во время восстания благодаря ультиматуму консульского корпуса вынуждены были держать нейтралитет. В бой они открыто не вступали, но помогали белогвардейцам. При их содействии многие, в том числе и генерал Розанов, бежали и нашли приют в Японии...

После свержения розановско-колчаковской власти в Приморье власть была передана временному правительству Приморской земской управы. Большевики высказались за поддержку правительства при условии, если будут приняты меры к удалению интервентских войск из Дальневосточного края.

Подпольный революционный штаб был реорганизован в Военный совет. Правительству земской управы было поставлено условие не вмешиваться в дела революционной партизанской армии.

Лазо официально числился товарищем председателя Военного совета, а на самом деле был фактическим его руководителем. Он проделал большую работу по реорганизации и укреплению наших вооруженных сил. В частях, перешедших на нашу сторону во время восстания, Лазо поставил проверенных командиров. Некоторые части слил с партизанскими отрядами, отстранив от командования многих офицеров. Он им не особенно доверял и очень часто говорил: «Из трусости эти господа проявляют сейчас к нам лояльность, но, пока мы не выгнали интервентов, они будут готовы в любую минуту разделаться с нами».

Лазо все свое внимание отдавал работе Военного совета. Он очень часто выезжал в районы расположения частей и входил буквально во все детали их жизни. На месте разрешал самые сложные вопросы о взаимоотношениях с японцами.

За работой Военного совета зорко наблюдали японские интервенты.

Авторитет Военного совета и особенно его руководителя — Лазо — был исключительно велик и не только среди партизан и армии, но и среди всего населения. Крестьяне и рабочие со своими нуждами обращались в Военный совет. Какой-нибудь беспорядок в деревне, нужда в чем-нибудь — крестьяне посылают делегатов или пишут Лазо, и Военный совет решал дела, не имеющие к нему прямого отношения.

Лазо очень хорошо знал всех своих командиров и очень многих партизан. Был исключительно внимателен и чуток. Командиры отрядов, работники Военного совета очень часто получали такого рода распоряжения: «У партизана Сидорова белые сожгли избу — немедленно оказать ему помощь». Или:

«Бывший солдат колчаковской армии никак не может установить связь с семьей, надо во что бы то ни стало ему помочь разыскать семью».

Лазо посылает телеграмму на станцию Рухлово Амурской дороги, где он скрывался в 1918 году, с просьбой, чтобы разыскали железнодорожников Матвеевых, которые укрывали большевиков и оказывали им помощь. Таких примеров можно было привести сотни, но самое главное во всем этом было то, что Лазо всегда проверял выполнение своих распоряжений, и горе тому, кто «позабыл» выполнить что-нибудь. Лазо, не повышая голоса, так отчитает, что долго его помнили...

Несмотря на то, что во всех городах Приморья свержение колчаковской власти произошло почти бескровно, без активного вмешательства интервентов, все же чувствовалось, что японцы что-то замышляют. Поэтому областной комитет партии по предложению Лазо решил спешно начать разгрузку Владивостока.

Военные склады Владивостока ломились от огромного количества военного снаряжения, оружия и т. д.

В первую очередь была поставлена задача организовать вывоз на запад как можно больше винтовок и патронов. Несмотря на то, что большинство военных складов находилось под охраной японцев, Военному совету удалось все же отправить в Хабаровск значительное количество военных грузов, а также были отправлены золотые запасы в Амурскую область.

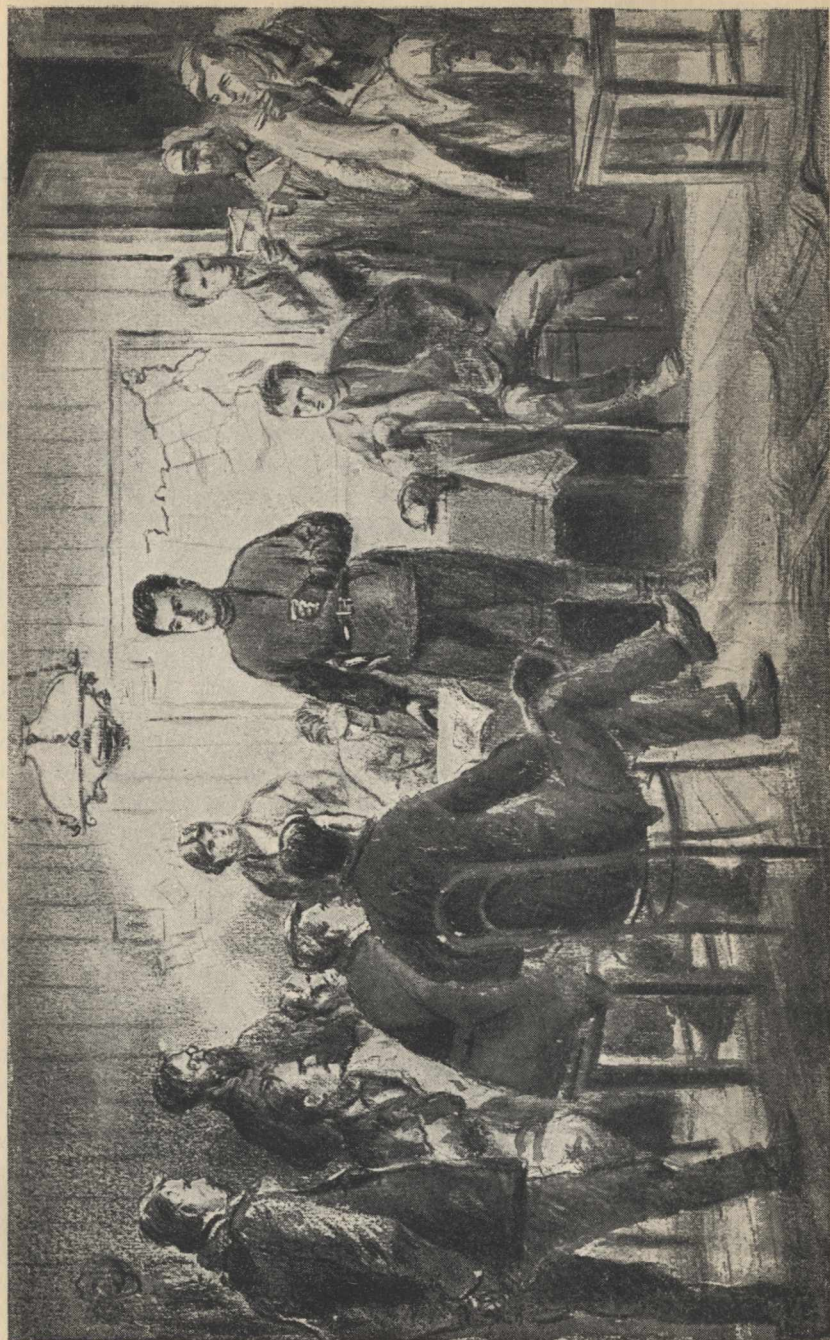
Как только начали вывозить грузы, японцы стали проявлять большое беспокойство. Лишили Военный совет возможности доступа к складам. Начали придираться по всякому поводу и, наконец, заявили формальный протест против эвакуации оружия из Владивостока.

С каждым днем возникали все новые и новые конфликты. Военному совету приходилось вести длинные дипломатические переговоры. Для всех было ясно, что главное бельмо для японцев — Военный совет и его руководитель — Лазо.

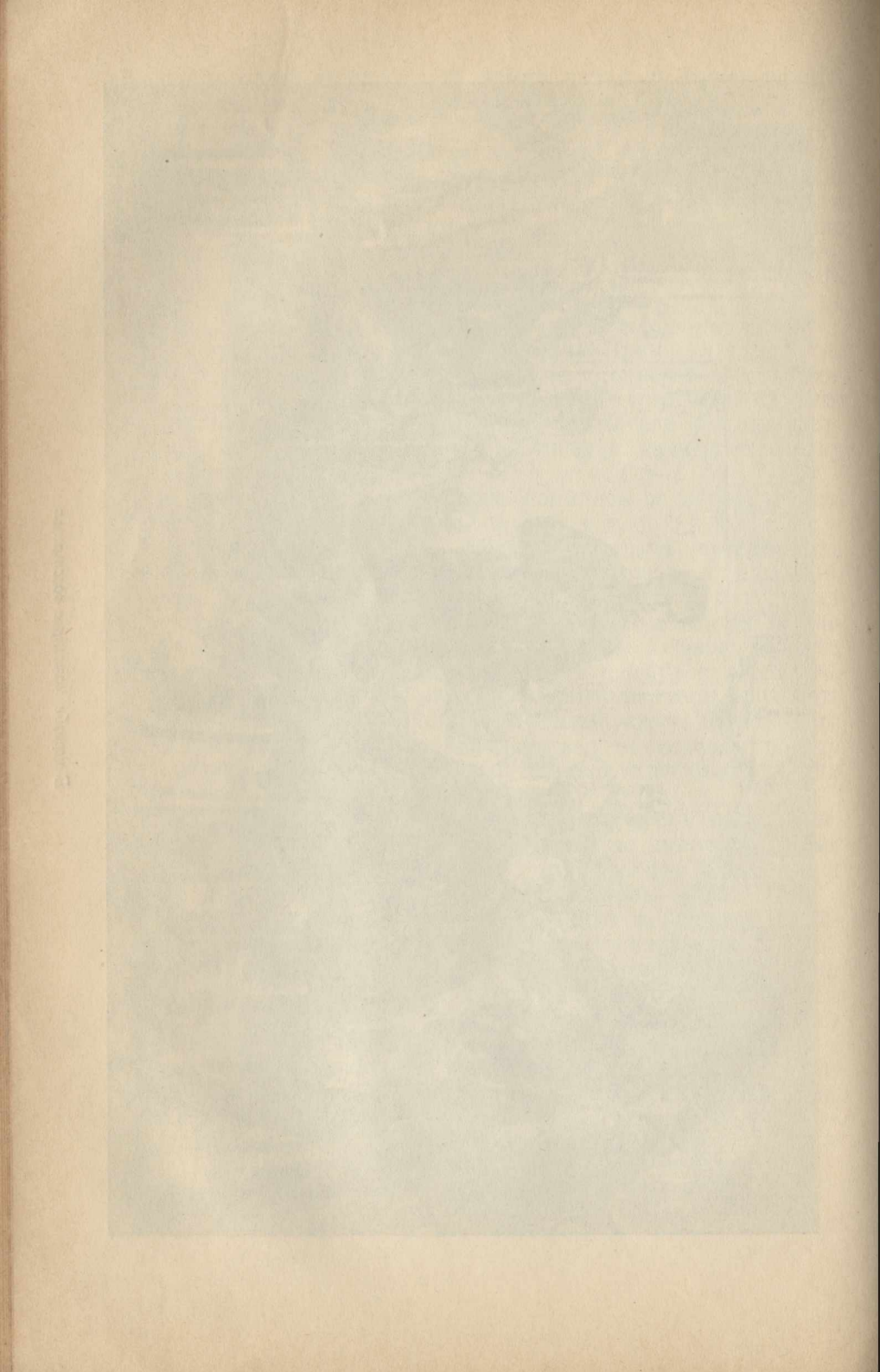
Чувствовалось, что японцы замышляют агрессивные действия и всячески стараются вызвать на столкновение.

Лазо на заседании областного комитета партии предложил эвакуировать Военный совет и воинские части в Хабаровск и там развернуть работу по организации вооруженных сил и дальнейшей борьбы с интервентами.

Переезд был назначен на 10 апреля, а в ночь с 4 на 5 апреля японцы обстреляли Владивосток, разгромили Военный совет и зверски расправились с Лазо — его талантливым руководителем.

В штабе накануне восстания

ИЗ ПИСЬМА С. ЛАЗО ОДНОЙ ИЗ ПРИМОРСКИХ ПОДПОЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Дорогие товарищи!

Мне первому пришлось прочесть ваше письмо, в котором вы вполне справедливо возмущаетесь тем, что вас держат в неведении и вы не получаете своевременной и точной информации. Это мне тем более понятно, что я прибыл не так давно из партизан¹, где мы существовали не только в полном неведении о том, что делает и думает комитет, но даже не имели возможности читать газет.

Причины плохой, несвоевременной и неполной информации вас коренятся прежде всего не в чьей-либо злой воле, а в общих условиях работы. Прежде всего у нас мало работников. Вы должны знать, что фактически главная тяжесть работы лежит на плечах всего нескольких товарищей, им приходится каждый вечер быть на каком-либо заседании, руководить работой комитета и военно-революционного штаба. Писать листовки, воззвания, декларации, резолюции и статьи для газеты «Коммунист». На их руках лежит ведение регулярной связи с партизанскими отрядами и другими организациями области. Этим же лицам приходится зачастую бегать по всевозможным личным и партийным делам. Наконец им же большей частью приходится выступать официальными представителями комитета в переговорах с представителями других партий и разных организаций. Прибавьте к этому, что никто из нас не имеет вполне удобной для работы квартиры, необходимых технических средств (напр., пишущей машины), и некоторые до сих пор вынуждены зарабатывать хлеб своим трудом. За последний месяц для устранения всех этих препятствий и постановки на должную высоту техники партийной работы сделано многое. Известное число товарищей в самое последнее время получило, наконец, возможность жить на средства организации. Налаживается и техническая сторона работы, в частности мы будем иметь несколько машин. За последний месяц уже удалось поставить на должную высоту связь с партизанами и Никольским. Каждую неделю мы получаем сообщения и посылаем подробную информацию и указания. И, например, в одном из последних писем с Сучана товарищи говорят, что наша информация их вполне удовлетворяет. На днях уезжают двое товарищей: один для связи с харбинской организацией, другой с подробным докладом в советскую Россию. Налаживается издание газеты. Материал для № 4 «Коммуниста» уже готов, и сам номер выйдет к концу следующей недели, т. е. числа 22—24 января. Сле-

¹ Так в подлиннике. *Ред.*

дующие номера будут регулярно выходить каждую неделю. В отношении организации техники и обслуживающих ее лиц дело сейчас налажено вполне удовлетворительно и не может сравниться с тем хаосом, который имел место раньше. Помимо газеты за последнее время выпущено всего две листовки: 1) по поводу расстрела шести товарищей, 2) призыв к забастовке 3 января. Нами составлена декларация Ц. Б.¹ к рабочим всех стран, которую мы постараемся возможно шире распространить и, главное, переслать за границу. Нами составлена и послана подробная информация в Америку тамошним коммунистическим организациям и послу советского правительства Мартенсу. Сейчас готовится ряд материалов для советской России, копии которых будут посланы вам.

Все перечисленное мною — это очень немного для той работы, которая должна вестись нашей организацией в связи с теми задачами, которые выдвигает перед нами жизнь, но это уже большой шаг вперед по сравнению с тем, что было до сих пор.

Скажу еще несколько слов о себе. Я не только был все время перегружен работой (вся связь с областью лежит на мне, обе листовки, декларация, информация в Америку и передовица в № 3 и 4 составлены мною), но я не имел квартиры, где бы я располагал вполне свободным временем, ежедневно два-три часа уходят на стряпню и топку печей... Прибавьте к этому часто холод. Наконец из партизан я пришел с хроническим воспалением почек, что время от времени дает себя знать недомоганиями, прерывающими работу. Каждый день до пяти я сижу дома. С пяти до 9—10, а иногда и 12 уходит на заседания и текущую работу. Наконец-то на днях я буду пользоваться пишущей машиной, что во многом облегчит работу.

Дорогие товарищи, пусть это только будет первым из того ряда писем, которые предстоит написать вам. Кроме того в целях непрерывной информации вас я обещаю: 1) вести дневник, составляя его ежедневно и регулярно пересылая вам; 2) копии всех документов и всей переписки, проходящих через мои руки...

Теперь я сразу перейду к самому больному и острому вопросу, неопределенность которого тормозит работу организации. Это вопрос об оценке текущего момента и тактики...

Все мы ищем выхода из того мучительного положения, которое создалось на Дальнем Востоке. Пять шестых населения Сибири фактически воссоединены с советской Россией и только двухмиллионное население трех дальневосточных областей продолжает находиться под владычеством иностранной воен-

¹ Центральное бюро профсоюзов. Ред.

ной силы и по существу под непосредственным владычеством одной Японии. О том, какие причины со всей силой толкают Японию к захвату Дальнего Востока и какие мешают ей в этом деле, я говорить не буду, отсылая вас к пространной статье в № 4 «Коммуниста» — «Япония и Дальний Восток»...

[Точно не удалось установить, кому было адресовано настоящее письмо. Написано Лазо в середине января 1920 года.]

ЯПОНИЯ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

(Из статьи Лазо в газете «Коммунист» от 25 января 1920 года)

Последние полтора месяца были богаты событиями, которые многое определили в положении Сибири и Дальнего Востока и дают нам возможность подвести некоторые итоги.

С одной стороны, на запад от Байкала колчаковское правительство и колчаковская «армия» ликвидированы повстанцами, занявшими Иркутск, Нижнеудинск и Красноярск. Рабочие и крестьяне могут там свободно вздохнуть; восстановлена политическая свобода, а в Иркутске выходит большевистская газета...

Вне всякого сомнения, советская армия в течение ближайших недель или даже дней, заняв Иркутск, достигнет берегов Байкала.

С другой стороны, на Дальнем Востоке Япония непрерывно увеличивает свои силы: через Дайрен, Харбин следуют эшелоны в Забайкалье; на днях во Владивостоке еще высажен крупный японский десант. Одновременно стало известно, что американские войска покидают Дальний Восток. Во главе управления краем стал атаман Семенов, назначенный согласно приказу Колчака, а в действительности выдвинутый Японией.

Такова, коротко говоря, обстановка, создавшаяся сейчас на Дальнем Востоке...

Захват Дальнего Востока углубляет японское влияние в Китае и Монголии. Дает возможность охватить сразу Китай с двух сторон. Дальний Восток в этом отношении должен играть для Японии ту же роль, какую играет для Англии Тибет, для Соединенных штатов — Филиппинские острова, и даже большую, так как уже одно положение самой Японии вместе с принадлежащими ей китайским островом Формозой... Кореей и Манчжурией создает для Японии позицию, более выгодную, чем позиция Америки на Филиппинах и Англии в Тибете.

Обладание Дальним Востоком является для Японии вопросом первостепенной важности, она стремится к захвату дальневосточных областей. Японский империализм ставит себе задачу все глубже и глубже распространять свое влияние с тем, чтобы в конце концов при благоприятных условиях

оккупировать этот край, присоединить его к себе, как это раньше Япония сделала с Кореей.

Америка также имеет свои интересы на Дальнем Востоке, она также стремится включить его в сферу своего влияния. Но интересы Америки совершенно иные, чем интересы Японии: политика последней ставит своей конечной целью оккупацию края, тогда как Америка благодаря необычайной мощи своего финансового и промышленного капитала не стремится к захвату территории. Для американского капитала необходимо только одно — свободный доступ на Дальний Восток (так называемая политика «открытых дверей». *Ред.*), так как он знает, что при свободной конкуренции он легко сломит молодой японский капитал. Вот почему американские войска не проявили большой активности, тогда как Япония из кожи лезет, чтобы усилить свою военную мощь на Дальнем Востоке, ибо только таким путем она может обеспечить свое преобладание здесь. Столкновение японских и американских интересов на Дальнем Востоке является частным случаем борьбы этих двух великих держав за преобладание в Тихом океане. И не подлежит сомнению, что та политика, которую ведет Америка, может преследовать только одну цель: поставить Японию в невыгодное положение, ослабить ее...

Мы глубоко убеждены в том, что империалистическая политика Японии в Азии, и в частности на Востоке, заранее обречена на неудачу. Но события развиваются так, что в течение некоторого времени Япония будет занимать здесь господствующее положение. Надо использовать все средства для разрушения тыла японской антисоветской армии.

В этом отношении настоящий момент выдвигает перед нами задачи громадной важности. Мы должны разрушать транспорт, вести агитацию среди корейского и китайского населения и поддерживать партизанскую борьбу.

Дальневосточный областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков) смотрит на себя как на один из отдаленных отрядов, осуществляющих политику Совета народных комиссаров в Москве и руководящих борьбой с внешней и внутренней реакцией на Дальнем Востоке. Областной комитет призывает всех, кто не может и не хочет примириться с владычеством Японии, выступить под единым руководством организации Российской коммунистической партии на Дальнем Востоке для победы советов и воссоздания единой, великой России.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ С. ЛАЗО

В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости,

работа захватывала, иногда даже просто было как-то неудобно отдохнуть, когда знаешь, что еще что-то нужно сделать, к кому-то надо сходить. Товарищи по квартире, у которых мы работали, удивлялись такой работоспособности и не раз говорили об этом. Они, простые обыватели, привыкшие в определенные часы ложиться и вставать, привыкшие к определенным часам работы, не испытавшие, наверное, того подъема, тех сил, которые дает такая работа, подходили и ко мне и к другим с этой обывательской точки зрения. Эти люди твердили мне скучную мораль о восьмичасовом сне и необходимости отдохнуть...

Не раз днем, не раз поздней ночью я садился в стороне, чтобы уйти в себя и обмозговать, осмыслить ход той работы, которая лежала на руках, всевозможные повороты, зигзаги и толчки, которые могут встретиться на пути...

Я не знаю, как лучше передать ощущение этих минут. Я бы сказал, где найден закон, который говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью, о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек...

**ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ РКП (БОЛЬШЕВИКОВ),
КО ВСЕМ СОВЕТСКИМ ВОЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ
И КОМАНДНОМУ СОСТАВУ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ О БОРЬБЕ
С ЯПОНИЕЙ**

Товарищи!

Положение, создавшееся в Сибири и на Дальнем Востоке, включая в последний и Забайкальскую область, ставит перед всеми организациями Росс. ком. партии (большевиков) и перед всеми военными и партизанскими организациями, борющимися за восстановление советской власти, ряд в высшей степени важных задач. Очевидно, что к весне 1920 года армия советской России займет Сибирь по Байкалу и, укрепившись и организовав базу в Иркутске, будет продвигаться далее на восток. С другой стороны, Япония с согласия других союзников принимает все меры, чтобы помешать продвижению советских войск по эту сторону Байкала. Мы знаем, что советская Россия... поведет борьбу за воссоединение трех дальневосточных областей. О таком решении мы также можем судить по выдержкам из советских газет, помещенных в местной и иностранной прессе.

В этой борьбе с Японией (а других сил нет, так как чехи, американцы и другие иностранные войска уезжают), а русские контрреволюционные войска численно ничтожны)

мы должны оказать помощь советскому фронту. Ничем не прикрытые захватнические стремления Японии заставят не только рабочих и часть крестьян, которые со дня антисоветского переворота стали на путь вооруженной борьбы, но и все слои населения, за исключением численно ничтожной кучки спекулянтов разного рода, также стать на путь вооруженной борьбы. Успех этой борьбы зависит от того, насколько сумеем мы объединить всю военную работу, наладить связи между всеми военными организациями и партизанскими отрядами, добиться проведения вооруженной борьбы согласно определенному плану по определенной тактической программе и, наконец, необходимо организовать снабжение оружием, снаряжением и т. д., а также деньгами, которые мы должны получить из советской России.

Для каждого товарища, знакомого с постановкой военного дела и организацией партийной работы, не может вызвать сомнений, что борьба с Японией может вестись успешно только при создании крепкой военной организации, объединяющей руководство всей вооруженной борьбой на Дальнем Востоке. Создание такой повсеместной организации, идущей от отдельных отрядов партизан, рабочих боевых дружин, боевых ячеек в войсках и т. д. к одному военному центру, объединяющему всю вооруженную борьбу на Дальнем Востоке, представляет в теперешних условиях нелегальной борьбы особенные трудности. Такую организацию может создать только партия, в распоряжении которой имеется уже налаженный нелегальный партийный аппарат, имеются партийные работники, могущие руководить борьбой.

Дальневосточные организации Росс. ком. партии с сознанием всей важности задачи должны взять на себя руководство этой борьбой. В настоящее время в каждом городе, в каждом крупном рабочем центре Дальнего Востока имеются партийные комитеты коммунистов, связанные между собой. Каждый партийный комитет должен руководить партизанской борьбой в своем районе, стремясь связаться со всеми отрядами своего района. Таким образом, при имеющихся связях в самой партии осуществится объединение этой борьбы.

Дальневосточный областной комитет Росс. ком. партии (большевиков) решил взять инициативу дела в свои руки и обращается ко всем партийным организациям, военным организациям и партизанским отрядам с призывом помочь работе Д. В. комитета в деле организации и объединения борьбы и предлагает принять следующий план:

1. Организовать при всех организациях Р. К. П. военно-революционные штабы, которым организовывать, руководить и непосредственно вести вооруженную борьбу. В основу взаимоотношений воен. рев. штабов коммунистов положены тесная связь между штабами и их взаимное подчинение на основах военной

дисциплины. Д. В. О. К. Р. К. П.¹ выработан «организационный» устав военн. рев. шт. коммунистов на Дальнем Востоке. Устав этот составлен согласно резолюции 2-й Всесибирской конференции Р. К. П.

2. Д. В. комитет созывает возможно скорее конференцию коммунистических организаций трех дальневосточных областей, считая главной задачей этой конференции объединение и организацию военной работы.

3. Д. В. комитет в ближайшее время предполагает созвать военную конференцию из представителей всех военных организаций, партизанских отрядов и военно-рев. штабов коммунистов и других организаций, ведущих вооруженную борьбу в Приморской области.

4. Д. В. комитет ведет работу по установлению регулярных связей с Советом народных комиссаров в целях: а) получения крупных денежных средств, б) получения определенных указаний по вопросам тактики.

5. Д. В. комитет считает, что при создавшейся на Дальнем Востоке обстановке роль руководящего центра как в силу общих причин (близость к границе, более легкая возможность наладить связи с советской Россией, большая осведомленность о положении в международном и краевом масштабе) и условий работы (более легкая возможность наладить партийный аппарат и особенно издательское дело, наличие организованных кадров пролетариата) должна принадлежать г. Владивостоку.

6. Д. В. комитет не находит возможным вступать в соглашения с другими партиями для создания единого руководящего органа. Но в то же время мы считаем необходимым входить в деловые соглашения со всеми партиями и организациями, согласными работать под нашим руководством за победу советской России и свержение японского владычества.

Январь 1920 года.

ПРОЕКТ ПЛАНА ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ С ЯПОНИЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

... Единственным полномочным органом, ведущим от имени Совнаркома борьбу с Японией, должен быть Дальневосточный комиссариат Росс. фед. сов. респ. с отделами: а) политическим или дипломатическим, б) военным, в) финансов, г) местных (или внутренних) дел. Необходимо, чтобы Совнарком дал определенные полномочия Д. В. ком. по созданию Д. В. комиссариата Р. Ф. С. Р. или уполномочил определенных работ-

¹ Дальневосточный областной комитет РКП (б). *Ред.*

ников, указанных Д. В. комитетом или конференцией. Место-пребыванием комиссариата должен быть г. Владивосток. Он должен также иметь отделения в одном из крупных портовых городов Северного Китая (Шанхай). В высшей степени желательна посылка на Дальний Восток товарища с непосредственными полномочиями от Совнаркома.

Составить наказ и послать делегата.

Выбрать комиссию по созыву Дальн.-вост. конференции Р. К. П., разработать порядок дня и составить обращение ко всем организациям партии с изложением взгляда на основные теоретические и тактические вопросы данного момента.

Взять обратно декларацию Ц. Б. и переделать.

Выпустить декларацию или манифест к пролетариям всех стран и ко всем угнетенным народностям всего мира (имея особенно в виду Корею, Китай, Индию и мусульманские страны) от ДВ комитета или подготовить таковой к моменту созыва конференции.

Завязать связи и установить контакт в работе с китайскими и корейскими революционерами, национальными организациями.

Обратить усиленное внимание на установление постоянных и регулярных связей со всеми организациями Р. К. П., военными организациями и партизанскими отрядами Дальнего Востока.

Принимая во внимание те исключительные трудности, которые будут предстоять в работе Д. В. комиссариата, мы должны немедленно приступить к созданию централизованного нелегального партийного аппарата, дающего гарантию абсолютной конспирации. В настоящий момент этой гарантии нет, и работа ведется во многих отношениях еще кустарным способом, и мы не можем быть гарантированы от провала. Тем более нужно иметь в виду, что с выступлением Д. В. комиссариата на арену политической борьбы против него начнется бешеная травля, и если не будет работать так, как мы работаем сейчас, то его ожидает провал.

Необходимо выработать и осуществить определенный план практической работы, положив в ее основу принцип военной централизации.

Вести широкую пропаганду среди корейских и китайских масс.

Вести широкую пропаганду среди японских рабочих, войти в связь с японскими революционерами, интернационалистскими организациями, если таковые имеются...

Все крупные денежные средства, получаемые от кооперативов советской России, и т. п. должны находиться исключительно в распоряжении президиумов партийного комитета и воен. рев. штаба. Денежная отчетность этих сумм не подлежит опубликованию, она находится на ответственности опре-

деленных активных работников и будет подлежать ревизии по восстановлению советской власти. В «Коммунисте» должны печататься отчеты только текущих расходов организации на сумму не свыше ста тысяч рублей в месяц.

Необходимо усилить работу партийного аппарата путем перевода по мере получения крупных денежных средств активных работников, находящихся на службе на положении платных партийных работников.

Обр[атить] усиленное внимание на организацию в широком масштабе издательского дела...

[Относится, повидимому, к январю 1920 года.]

ИЗ ПИСЬМА В НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

Товарищи! Вчера, 23-го, нами получена первая записка от вас, шифр весь расшифрован. Насчет того, что сделка на хлеб состоится 24-го или 25-го, мы со своей стороны многого сказать не можем — вам виднее¹. По этому поводу должны сообщить вам следующее: мы будем своевременно извещены о всяком предполагаемом продвижении японцев в сторону Никольска и передадим его немедленно вам. В случае отправления японского эшелона в Никольск мы не допустим этой отправки, либо устроив крушение, либо испортив путь. Так что возможность увеличения японских сил в Никольске со стороны Владивостока пока вас не должна тревожить. Вас также интересует вопрос о том, что должен делать сейчас владивостокский гарнизон. Мы призываем части сохранять спокойствие, не предпринимать никаких сепаратных выступлений, поддерживать тесную связь с военревштабом и оказывать сопротивление при попытках разоружения. При данных условиях мы не считаем возможным какое бы то ни было выступление воинских частей во Владивостоке.

По поводу намеченного нами срока выступления мы считаем, что спешить с выступлением не в наших интересах, и если вас к этому не побудили какие-либо особые причины, то лучше выступление отложить...

Сообщите, какие отношения установлены у вас с командным составом; к последнему, особенно к высшему, вы должны относиться весьма осторожно. Не так давно эти командиры... расстреливали и мучили партизан — теперь они говорят с вами. Если вам нужно использовать этих господ как военных командиров, то используйте их, но лишите их возможности говорить от имени солдат их воинских частей. Для этого в каждой

¹ Речь идет о сроках восстания в Никольск-Уссурийском. *Ред.*

воинской части должен быть создан свой комитет, с которым вы и сноситесь по всем вопросам. В частности относительно (Враштеля), лучше всего было бы не иметь с этим зверем ничего общего, ибо то, что он делал в области, достаточно известно всем...

Насчет издаваемого вами «Военного вестника» и выдвинутых в нем лозунгов мы должны сказать, что наша партия таких лозунгов в данный момент поддерживать не может. И, конечно, наивно думать, что, выставив лозунг «прекращения гражданской войны», вы облегчите возможность выступления и уменьшите препятствия на его пути. Ничего кроме путаницы в умах этот лозунг не может посеять.

В понедельник выйдет четвертый номер «Коммуниста», который мы перешлем вам. По выходе номера мы выпустим листовку по поводу текущих событий, затрагивающую те же вопросы, какие намечены в листовке, присланной вами. Насчет листовки к японцам дело задерживается по чисто техническим условиям.

Присылайте нам подробную информацию о всем, что делается у вас в близлежащих гарнизонах, среди партизан. Установлены ли вами связи с Гродеково? Какие сведения имеете о движении среди казаков?

Председатель Д. В. О. военревштаба коммунистов (Лазо).

24 января 1920 г.

ПИСЬМО С. ЛАЗО СОЛДАТАМ ЕГЕРСКОГО БАТАЛЬОНА

Товарищи егери!

Нами получено в 13 час. 30 мин. сообщение об аресте вами офицеров, о том, что это стало известно в округе, и об аресте вами двух разведчиков.

Нами приняты меры для командировки к вам командиров, но пока послать не можем, командование должен взять на себя отрядный комитет или поручить одному из наиболее способных товарищей.

Нами сейчас ведется усиленная работа по организации и поднятию всех воинских частей крепости.

Вы должны быть в состоянии полной боевой готовности на случай внезапного нападения на вас, не предпринимая, конечно, ничего, что заставило бы врагов напасть на вас первыми.

Сообщите, вынесена ли вами резолюция о признании земства? Послана ли она? Как вы обеспечены съестными припасами и водой?

Председатель военревштаба Сергей.

25 янв. 1920 г., 13 ч. 40 м., № 18.

ПИСЬМО С. ЛАЗО СОЛДАТАМ ЕГЕРСКОГО БАТАЛЬОНА

Товарищи!

Дальвост. обл. военно-революционный штаб коммунистов информирован о создавшемся у вас положении. Мы считаем: 1) настал момент общего выступления всего владивостокского гарнизона против атамановщины и Розанова. 2) Выступая, вы ни в коем случае не должны выступать за советскую власть, так как тогда союзники разрешат японцам подавить восстание, что последние легко могут исполнить. 3) Нужно организовать выступление таким образом, чтобы в первую минуту не дать никакого повода союзникам выступить против вас. Для этого вы должны:

Первое. Заявить о том, что вы не признаете Семенова и Розанова, а признаете властью Приморскую областную земскую управу. Немедленно вы выносите об этом резолюцию и сейчас же посылайте с этой резолюцией делегацию к председателю обл. зем. упр. Медведеву (помещение обл. зем. упр.: Алеутская ул., угол Светланской. Если его там не будет, то там вы узнаете, где его найти). Медведев должен немедленно сообщить содержание вашей резолюции представителям союзников. При этом посылаем составленный нами проект резолюции.

Второе. Не предпринимайте со своей стороны никаких выступлений против союзных войск, войск, верных Розанову. Не дайте повода напасть на вас. Если где-либо начнется столкновение, стремитесь его остановить и занимайте чисто оборонительную позицию.

Третье. Поддерживайте тесную связь с военревштабом коммунистов, не исполняйте ничьих приказов без нашего согласия. Мы немедленно сообщим то же всем частям крепости. Нами составлена подробная инструкция, которая сейчас печатается.

Председатель В. Р. штаба коммунистов Сергей.

[На полях имеется приписка Лазо: «Послана егерям и на «Печенгу». 10 час.»]

П Р И К А З № 21

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОБЛАСТНОГО ВОЕНРЕВШТАБА КОММУНИСТОВ
КО ВСЕМ ЧАСТЯМ ГАРНИЗОНА

26 января 1920 года. Кр.¹ Владивосток

Секретно

§ 1

Собщаем состоянии гарнизона за прошедшее 25 января. Все части гарнизона за исключением гардемаринов, преданных Розанову, и некоторых мелких частей оповещены о выступле-

¹ Крепость. Ред.

нии тов. егерей и призваны поддержать это выступление. Повсюду началась усиленная работа. Однако еще не всеми частями вынесены резолюции о признании власти областной земской управы, спешите с вынесением этих резолюций в тех частях, где это еще не сделано. До сих пор в гарнизоне все было спокойно. Ревштаб все время призывал части не принимать никаких выступлений и не давать повода для нападения на них. Настроение всех частей дружное и бодрое. За исключением ничтожной кучки гардемарин и офицерства все части отказываются подчиняться приказам Розанова.

Из Никольска получено сообщение, что там гарнизон готов. Выступление назначено на сегодняшнее число.

§ 2

Части, не вынесшие еще резолюций, должны немедленно выносить таковые и пересылать их в обл. зем. упр. (помещение управы: Алеутская улица, уг. Светланской). В этих резолюциях вы должны указать: первое — что вы не признаете власти Семенова и Розанова и не будете исполнять приказов этой власти. Второе — что вы признаете высшей властью Приморскую обл. земск. управу и будете исполнять только ее распоряжения. Третье — что вы не хотите вступать в столкновение с русскими и иностранными воинскими частями и не будете выступать из своих казарм. Самое главное — это быстро вынести резолюцию и переслать ее земству, чтобы последнее могло начать переговоры с союзниками. Приступайте к этому немедленно.

§ 3

Организовывайте в каждой части выбранный вами комитет, которому должна подчиняться часть. Лица командного состава, не согласные выступить вместе с частью, должны быть арестованы. Над ними не должно производиться никаких насилий или оскорблений. Часть приводится в состояние полной боевой готовности, никуда не выходит из своих помещений и не переходит из помещения в помещение. Устанавливайте связи с частями, находящимися вблизи вас. Не предпринимайте ничего, что дало бы возможность союзным войскам или войскам, верным Розанову, напасть на вас первыми. Берегитесь всякой провокации. Вы должны оказывать сопротивление только в том случае, если на вас нападут первыми или будет сделана попытка вас насильно разоружить. В том месте, где совместно расположены несколько воинских частей, необходимо создавать объединенный комитет этих частей.

Товарищи, имейте в виду следующее: в данный момент союзники не находят возможным двинуть первыми свои войска против вас, они еще не вырешили своего отношения к создав-

шемуся положению, и сегодня у них должно быть по этому поводу важное совещание. Но если вы где-нибудь выступите первыми, то японское командование сумеет получить разрешение на подавление этого выступления. Еще раз призываем вас к спокойствию и выдержке.

§ 4

Сообщаем вам, что вечером 25 янв. [организовался] объединенный оперативный штаб из представителей революционных организаций. Этот штаб будет руководить всем движением и в ближайшее время приступит к работе. Исполняйте все распоряжения этого штаба.

§ 5

Сообщайте нам о состоянии продовольствия, обмундирования, вооружения и состоянии денежных сумм в частях, сообщайте, какие требования имеются у вас насчет продовольствия. Обеспечены ли части водой, если им придется выдерживать осаду.

§ 6

Сообщаем для сведения всех частей, что егерским батальоном получен днем 25 янв. приказ коменданта крепости генер. Вериге, где он приказывает егерскому батальону 25 января не позднее десяти часов вечера «восстановить у себя порядок». Егеря, конечно, приказа не исполнили. Мы этому приказу не придаем большого значения. И привести своей угрозы в исполнение Вериге не имеет возможности.

25 января выпущен приказ Розанова об амнистии пленным красноармейцам и находящимся в тюрьмах и лагерях партизанам. Розанов собирается выпустить массу невинно заключенных, чтобы еще строже держать...

На подлиннике рукой Лазо написано: «Арх. В. Р. Ш. Проект».]

П Р И К А З № 1

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА КО ВСЕМ ЧАСТЯМ ГАРНИЗОНА

26 января 1920 года. Кр. Владивосток

§ 1

Объявляется во всеобщее сведение, что в ночь на 26 января образовался объединенный оперативный штаб, составленный из представителей всех военно-революционных организаций г. Владивостока и его окрестностей. Всем воинским частям,

комитетам и военным организациям с сего числа подчиняться только приказам, исходящим от объединенного оперативного штаба.

§ 2

Сегодня утром, 26 января, Коммерческое училище, где находился егерский батальон, было окружено кучкой гардемаринов и 1-м батальоном инструкторской школы. Благодаря наличию артиллерии в их руках егерский батальон после короткой перестрелки и стрельбы из орудий по Коммерческому училищу был вынужден разоружиться и сдаться. Жертв с обеих сторон не было.

§ 3

В ночь на 26 января ввиду положения, создавшегося во Владивостоке, и резолюций, вынесенных воинскими частями, Приморская областная земская управа решила взять всю полноту власти на себя. Ввиду этого объединенный оперативный штаб приказывает:

1) оказать земству моральную и физическую поддержку, вынося во всех частях резолюции о признании земства как органа власти, избранной народом, и непризнании власти и неисполнении распоряжений Семенова и Розанова. Вынесенные резолюции должны немедленно посылаться в земство с соответственными делегациями;

2) сконцентрировать вокруг комитетов частей все активные силы солдат и офицеров, могущие спаять часть в крепкую, боевую единицу.

§ 4

Частям входить между собой в тесную связь. В том месте, где совместно расположены несколько воинских частей, необходимо создавать объединенный комитет этих частей.

§ 5

Части приводятся в состояние полной боевой готовности, не выходят из своих помещений и не переходят из помещения в помещение. Не предпринимайте ничего, что дало бы возможность союзным войскам или войскам, верным Розанову, напасть на вас первыми. Берегитесь всякой провокации; вы должны оказывать сопротивление только в том случае, если на вас нападут первыми или будет сделана попытка вас сильно разоружить.

Товарищи, имейте в виду следующее: в данный момент союзники не находят возможным первыми двинуть против вас свои войска, они еще не вырешили свое отношение к создав-

шемуся положению, и сегодня у них должно быть по этому поводу важное совещание. Еще раз призываем вас к спокойствию и выдержке.

§ 6

Товарищи, разоружение егерей не должно повергнуть нас в уныние. Сегодня утром получено сведение, что расставший никольск-уссурийский гарнизон совместно с партизанами занял город. В целях защиты товарищей егерей от могущей быть над ними расправы все части должны выносить резолюции, представляя земству требование, чтобы оно приняло меры к их защите.

Объединенный оперативный штаб.

ПРИКАЗ № 2

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

26 января 1920 года

§ 1

Всем частям, входящим в гарнизон станции Океанской, с получением сего приказывается:

- 1) привести в полную боевую готовность все части гарнизона;
- 2) установить самую тесную связь с соседними частями;
- 3) произвести разведку на путях в сопки с тем расчетом, чтобы можно было произвести в критический момент выход в сопки...

В НИКОЛЬСКИЙ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ШТАБ

Информируйте о положении в Никольске и районе. Какая власть создана в Никольске.

Принимайте все меры к расширению сферы своего влияния в направлении Хабаровска, Гродеково и Владивостока. Союзники, в том числе японцы, сохраняют пока нейтралитет. Никаких приготовлений к отправке японцев из Владивостока не делается. Нами приняты меры к недопущению отправки японцев. Гарнизон Океанской выступил 26 января пешим порядком на соединение с вами. Сообщите результаты.

Объединенный оперативный штаб
военно-революционных организаций.

26 января, 12 час. 30 мин., кр. Владивосток.

ПРИКАЗ № 3

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА КО ВСЕМ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНИКАМ ОТ ВЛАДИВОСТОКА ДО НИКОЛЬСКА

27 января 1920 года. Кр. Владивосток

§ 1

Объед. опер. штаб приказывает немедленно привести в негодность жел.-дорожный транспорт. Все паровозы должны портиться; с них должны уноситься нужные части, в подшипники должны насыпаться песок, стекло. Необходимо устраивать искусственные крушения. Товарищи железнодорожники должны сделать все необходимое, чтобы всякое продвижение было приостановлено.

Общая забастовка не должна проводиться, так как она по существу не достигает главной цели — полного прекращения транспорта.

Объединенный оперативный штаб.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА № 9

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

на 27 января 1920 года. Кр. Владивосток

Секретно

Положение в г. Владивостоке и области на 27 января представляется в следующем виде:

26 янв. было произведено разоружение егерского батальона, находившегося в помещении Коммерческого училища. Разоружение произведено гардемаринами и юнкерами 1-го батальона инструкторской школы с Русского острова. После обстрела Коммерческого училища из пулеметов и артиллерии егеря сдались. В настоящее время они разоружены и переведены на Русский остров, где находятся в помещении инструкторской школы. Мы должны отметить, что с самого начала выступления егерей у нас была установлена тесная связь с ними и наши указания были таковы, что егеря должны занимать чисто оборонительную позицию и не вступать в бой первыми, что, как известно, ими и было сделано. В данный момент, по нашим сведениям, егеря вошли в тесную связь с другими частями на Русском острове: комитет егерей вошел в состав гарнизонного комитета Русского острова. И в случае выступления на Русском острове могут быть вновь вооружены и выступят как боевая единица.

В городе имеются две роты 35-го полка общей численностью до 200 чел. при пулеметах; одна из них расквартирована на пароходе «Печенга». С этими ротами установлена тесная связь. С другими мелкими частями связи частью имеются, частью

устанавливаются. Не имеется связи с казачьей частью и личным конвоем Розанова.

Установлена тесная связь с матросами на миноносцах и на судах. Настроение среди матросов выжидательное и спокойное. Инцидентов с командным составом не было. Командный состав фактически осведомлен о начавшемся движении, но с его стороны ничего не предпринято. 26 янв. нам сообщено, что все орудия на миноносцах приведены в негодность. Командный состав узнал об этом, но с его стороны ничего не предпринято.

На Русском острове кроме переведенных туда егерей имеются следующие наши части: 1) русский легион — 700 человек; 2) местный батальон — 400 ч.; 3) 2-й батальон инструкторской школы — 600 ч.; 4) 3-й бат. инстр. shk. — 600 чел. и 5) артиллерийский дивизион — около 200 человек при четырех пушках. Все эти части организованы, создан комитет Русского острова. Командный состав находится на местах и не принимает участия в работе и ни во что не посвящен. С комит. Русск. остр. установлена тесная постоянная связь. По заявлению представителей этого комитета, сделанному вчера, 26 янв., объединенному оперативному штабу, весь гарнизон Русского острова можно поднять и вывести в полной боевой готовности по первому приказу штаба. Необходимо отметить, что большинство русско-островского гарнизона составляют старые солдаты, фронтовики, что части там более или менее сконцентрированы в одном месте, что на Русском острове нет японцев, а имеются только чехословацкие части, которые, конечно, никого подавлять не будут. Из верных Розанову войск на Русском острове имеется 1-й батальон инструкторской школы из юнкеров. Этот батальон в настоящее время находится в городе.

Установлено, что в штабе округа и управлении коменданта крепости вчера царила полная растерянность, большинство служащих не вышло на работу. Сам Розанов перешел на пароход «Орел».

В отношении всех частей, расположенных в городе и на Русском острове, нами даны категорические указания не принимать никаких выступлений без нашего согласия. Занимать чисто оборонительную позицию. Не переходить вооруженным частям из помещения в помещение. В случае попыток к вооружению части не должны сдавать оружие вплоть до вооруженного сопротивления, ни в коем случае не вступая при этом первыми в боевые столкновения. Со стороны частей в штаб неоднократно поступали запросы о положении, занятом земством, и предпринятых им шагах, а также о позиции, занятой союзниками, на что штаб давал своевременные ответы.

На ст. Океанской 26 янв. после полудня произошло выступление 35-го полка. Совместно с авиаторами они двинулись к

ст. Угольной — частью по жел. дороге, частью пешим порядком. Не доезжая Угольной, части оставили поезд и пошли пешим порядком на дер. Угловую. Ими при этом были высланы парламентареры к американцам и японцам на Угольную для беспрепятственного пропуска. Последние ответили согласием, если только не будет нарушен порядок на станции. 35-й полк и авиаторы прошли беспрепятственно.

В ночь на 26 января состоялось удачное выступление в г. Никольске.

Объединенный оперативный штаб
военно-революционных организаций.

ПРИКАЗ № 18

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

27 января 1920 года

С получением сего приказывается 3-й роте 35-го полка, забрав боевые припасы и пулеметы, походным порядком при полной боевой готовности проследовать с проводниками на 55 высоту для прикрытия 1-й Амурской батареи. Операция должна быть проведена на рассвете 28 января с. г. Командный состав батареи должен быть арестован.

По прибытии на место об исполнении настоящего приказа донести штабу, послав для связи и получения дальнейших инструкций надежных товарищей.

Все боевые и хозяйственные задания и действия строго согласовать с батареей.

Объединенный оперативный штаб.

ПРИКАЗ № 29

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

28 января 1920 года

1-й роте 35-го полка

Приказывается 29 января 1920 г. между 7—8 часами утра с проводником от 3-й роты вашего полка выступить из места своего расположения и походным порядком двинуться в расположение 1-й Амурской батареи на 55 высоте. Захватить все имеющиеся в вашем распоряжении провианты и военное снаряжение. По прибытии на место донести в штаб.

Объединенный оперативный штаб.

ПРИКАЗ № 32

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

28 января 1920 года. Кр. Владивосток

Команде миноносца «Богатырь»

В случае если японское командование потребует «Богатырь» для конвоирования японских транспортов, приказываем вам испортить машины. Если это не представится возможным, — взорвать миноносец и всей командой уйти на высоту 55 в распоряжение 1-й Амурской батареи и там ждать дальнейших распоряжений.

Объединенный оперативный штаб.

НИКОЛЬСК. ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ ШТАБУ

Во Владивостоке ведется усиленная работа по организации воинских частей, создаются повсюду комитеты, выносятся резолюции о признании высшей властью областной земской управы. Части готовы к выступлению. Движением руководит объединенный оперативный штаб военно-революционных организаций. Ввиду особого положения города наша тактика: все части приходят в полную боевую готовность, занимают оборонительное положение, не предпринимают никаких выступлений без согласия штаба, в случае попыток разоружения оказывают сопротивление. У Розанова полная растерянность. Егеря, выступившие первыми, разоружены и переведены на Русский остров, где находятся среди наших частей; значения этому не придаем — это последний вздох реакции. Земство согласилось взять власть в свои руки, им выпускается декларация. Нами приняты меры к остановке всякого железнодорожного движения во Владивостокском узле. Предлагаем установить тесную связь с нами. Наши основные задачи следующие: 1) непризнание власти Семенова и Розанова, 2) признание высшей властью земств и городов; 3) избегать всяких столкновений с союзными войсками.

Объединенный оперативный штаб.

27 янв. 1920 г., 18 час., № 15, кр. Владивосток.

ПРИКАЗАНИЕ № 91

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА 30 января 1920 года, 20 часов. Кр. Владивосток

Секретно

Организационный отд. Д. В. обл. росс. ком. п. копия Ц. Б.

Дополнение приказа № 90 о всеобщей забастовке приказывается вам в 6 ч. утра завтра, 31 янв., через товарищей электромонтеров прервать телефонное сообщение в городе. Завтра, 31 января, непрерывно поддерживать связь с электромонтерами, чтобы по первому требованию восстановить действие телефонов.

Нач. штаба Анатолий Гуран¹.

ПРИКАЗ № 94

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА [30 января 1920 года.] Кр. Владивосток

Ст. Угольная, частям 35-го и 34-го полков, находящимся там партизанским отрядам.

В дополнение и изменение приказа № 60 объединенный оперативный штаб приказывает вышеупомянутым частям тотчас по занятии ими ст. Угольной с поселком предпринять наступление в сторону г. Владивостока, а не в сторону г. Никольска, как было указано в приказе № 60. При этом для сведения и исполнения иметь в виду следующее:

1) Двинуть главные и лучшие свои силы с артиллерией и пулеметами в сторону города Владивостока. Вперед послать броневик, продвижение по железной дороге производить до станции (Седанка), выслать вперед разведку. На эшелонах можно продвинуть и далее ст. Седанка, но во всяком случае, не доезжая Второй речки; дальнейшее следование производить походным порядком. Оттуда до Первой речки перейти около пивоваренного завода и, поднявшись на высоту, занять старые форты, где ждать наших распоряжений, выслав нам предварительно связь.

2) На пути следования не имеется ни одной крупной розановской части. Единственно, где могут быть правительственные части, — это на ст. Океанской. Товарищи из 35-го полка знают расположение этих частей (нам неизвестно, существуют ли они вообще), и, если они имеются, их нетрудно будет ликвидировать. Далее до Владивостока никаких розановских частей нет. Все части стянуты розановцами к бухте. Единственно, кто может задержать вас, — это японцы, официально

¹ Анатолий Гуран — псевдоним Лазо. Ред.

занимающие строгий нейтралитет. Поэтому мы и советуем вам слезть, не доезжая Второй речки, и пойти по льду. Если с вами будет идти броневик, то пусть он (без всяких флагов) спокойно направляется вперед. Постарайтесь связаться с нами как можно раньше.

3) Дополнительно мы обсудили вашу боевую задачу; мы решили, что если у вас есть броневик, то двигайте его вперед и сами передвигайтесь вслед за ним. Если вас не будут (останавливать), то продвигайте броневик за ст. Первая речка, там, где дорога круто заворачивает в сторону Семеновского и проходит под скалой. Под защитой этой скалы и должен расположиться броневик. Пехота занимает здания около этой скалы и ждет дальнейших распоряжений. Никаких неприятельских сил в этом районе нет.

Начальник штаба Сергей.

П Р И К А З

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

[30 января 1920 года]

Гарнизону Русского острова приказывается ни в коем случае не предпринимать никаких активных действий. Выступление должно согласоваться с общим планом работ штаба. Присылаемая информация даст возможность определить общее положение частей, подчиненных объединенному штабу.

Настроение всех частей и офицеров на нашей стороне. Все меры предупреждения нашего поражения предприняты штабом. Русский остров должен ожидать боевой задачи и ни в коем случае не выступать сепаратно.

Нам предложено союзниками сделать им официальное заявление о наших требованиях. Предложение это обсуждается союзниками. Никольск устойчиво держится. Имеем связь, непрерывную и живую.

Есть сведения, что Угольная занята броневиками никольцев.

В остальных частях настроение бодрое.

Объединенный оперативный штаб.

П Р И К А З № 1

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

[31 января 1920 года.]

Объединенный оперативный штаб военно-революционных организаций временно, впредь до конструирования власти, берет на себя всю полноту военно-административной власти в районе крепости Владивосток.

П Р И К А З № 3

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

[31 января 1920 года]

Объединенный оперативный штаб приказывает всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям военного и гражданского ведомств, всем частным предприятиям, мастерским, заводам, железной дороге, почте, телеграфу, телефону немедленно приступить к текущей деловой работе. Всем должностным лицам оставаться на своих местах. Виновные в уклонении и неисполнении настоящего приказа будут преданы суду.

П Р И К А З № 4

ОБЪЕДИНЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА

по охране порядка и спокойствия

О. О. шт. приказывает всем штабам, управлениям, учреждениям и заведениям военного и гражданского ведомства, всем частным предприятиям принять все меры к сохранению общественного порядка и спокойствия.

Начальнику милиции иметь неуклонное наблюдение за сохранением порядка в городе и пресекать всякие попытки нарушения оного. О всех случаях нарушения немедленно сообщать штабу для предания виновных военно-рев. суду.

Всякие попытки к нарушению общего порядка и спокойствия, буйства, грабежи, самочинные обыски, аресты, всякие насилия над гражданскими и военными лицами будут беспощадно подавляться путем применения вооруженных сил. Виновные будут предаваться военно-революционному суду.

ТЕЛЕГРАММЫ С. ЛАЗО

В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО СОВЕТА

(март 1920 года)

Благовещенск — исполком и военком. Хабаровск — начрайона

Военная, вне очереди. *Секретно*

Сейчас создан острый конфликт японцами. Последние десять дней отношения ухудшились японцами остановлена выдача оружия. После ухода американцев нами захвачена тоннель Кипарисово, не допущен японский караул. Японцев тоннели не пускаем, идут переговоры, вчера мне и Медведеву угрожали открытым столкновением, конце концов заявили необходимости обоюдного компромисса. На наше крайнее предложение совместной охраны не согласились. Сегодня окончательно вопрос будут решать, военное положение серьезное, большего не уступим.

Никольск — комвойск

Вопрос связи кипарисовской тоннелью обсуждался правительстве и комитете. Сохраняйте выдержку и спокойствие, займите все помещения, теплушки районе тоннели, отзовите броневик, кавалерию Раздольное. Случае прихода японцев к тоннелям не оказывать сопротивления, не давать повода столкновению. Вопрос находится стадии разрешения, сделаны представления союзникам.

№ 109 11/III

Благовещенск — исполком и военком

[Военсовет] приказывает не вызывать первыми столкновения японцами. Военсовет приказывает всем командирам на местах не создавать трений японцами, соблюдать выдержку, хладнокровие. Беспрекословно исполнять все приказы Военсовета. Сообщать о всех случаях расхождения этих приказов требованиями жизни. Данный ответственный момент необходима полная уверенность, что действия частей области точно согласованы директивами Военсовета.

15 марта, 20 часов.

Спасск — Хабаровск — начрайонов и политуполномоченным

Острый момент прошел. Тоннель в наших руках. Владивостоке японцы предлагают некоторое время русским охранять тоннель, потом передать японцам, потом японцы уйдут совсем. Наше мнение вести твердую, спокойную линию. Сейчас японцы столкновение не пойдут. Конференция коммунистов вполне поддерживает эту позицию.

19 марта 1920 г.

Хабаровск — начрайона

Военная. Шифр обратной проверки

Принципиальная точка зрения Военсовета. Все грузы, отправленные Хабаровск, количестве, превышающем потребности области, немедленно секретно переотправляйте Благовещенск. Особенно важно немедленно снабдить Амурскую медикаментами, патронами, трехлинейными японскими винтовками, снарядами трехдюймовыми Виккерса. Считаем снабжение Амура делом первостепенной важности. Немедленно отвечайте, что сделано, что можешь сделать. Решено Благовещенске создать патронный завод, немедленно пересылайте гильзы, станки, прочее, необходимое заводу.

20 марта 1920 г.

ЗАПИСКА О ПОРЯДКЕ СНАБЖЕНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛ.

1. Требования Амурского исп. ком. подлежат исполнению полностью, в первую очередь материалы для обмундирования на десять тысяч чел., также медикаменты.

2. Уполномоченным по снабжению назначается... Он должен представлять через два дня письменные доклады Военсовету о произведенной работе. Также непрерывно извещайте Благовещенск каждым отправленным вагоном указанием №.

Тов. пред. Военсовета С. Лазо.

20/III — 20 г.

ЗАПИСКА С. ЛАЗО

В политотдел — тов. Владивостокову

Советую вам обратить особое внимание на следующие материалы: «Советская конституция», «Красная армия». Нужно их в первую очередь отпечатать и размножить (в Никольске, кажется, отпечатано, запросить. См. также газету «Начало» № 22, 23 и далее). Издать предписание всем уполномоченным, знать содержание этих документов, вдуматься в них и распространять среди солдат то, что изложено в этих документах. Каждый уполномоченный должен быть ответственным за то, чтобы все солдаты его части знали и понимали сущность «Сов. конституции» и организации Красной армии.

Тов. пред. Военсовета С. Лазо.

24/III—20 г.

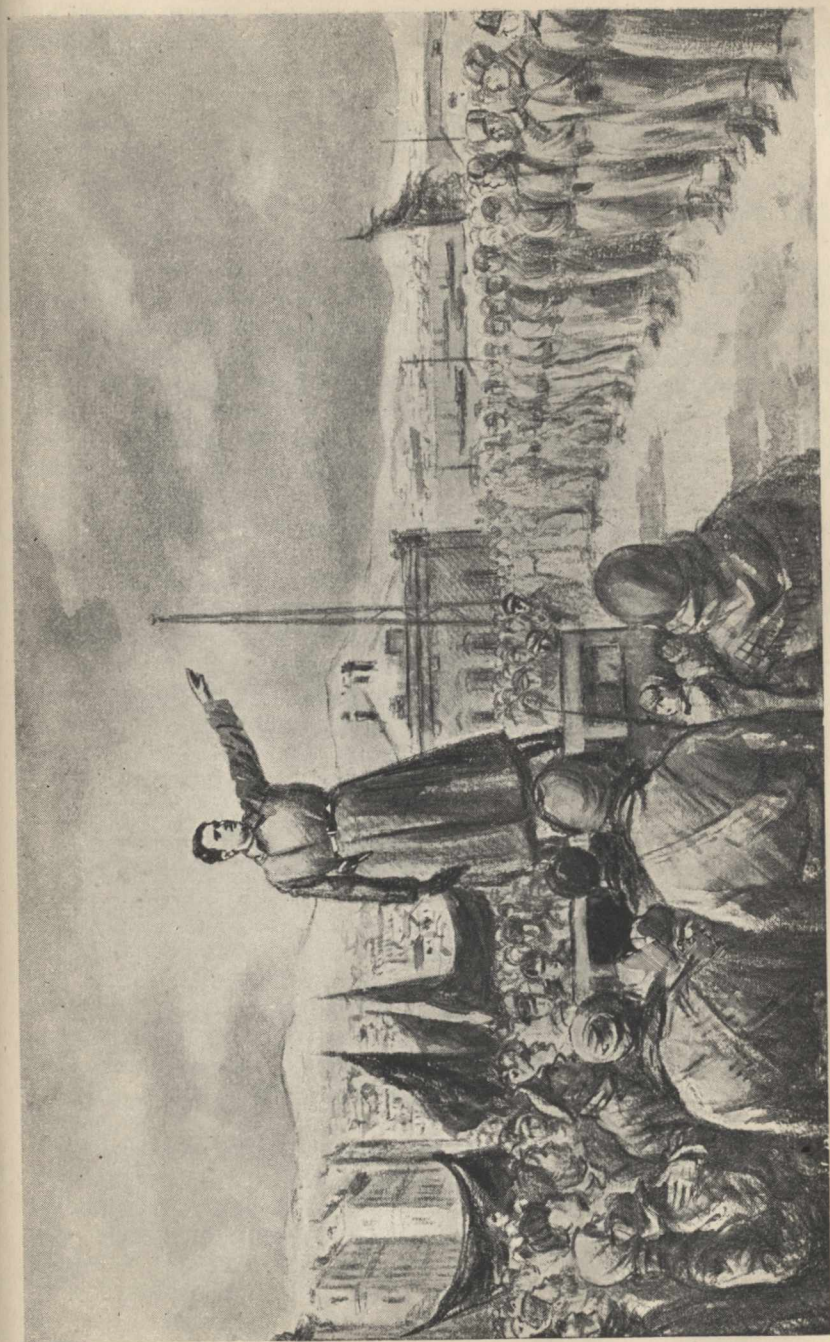
М. ГУБЕЛЬМАН

ПОЕЗДКА ПО КРАЮ

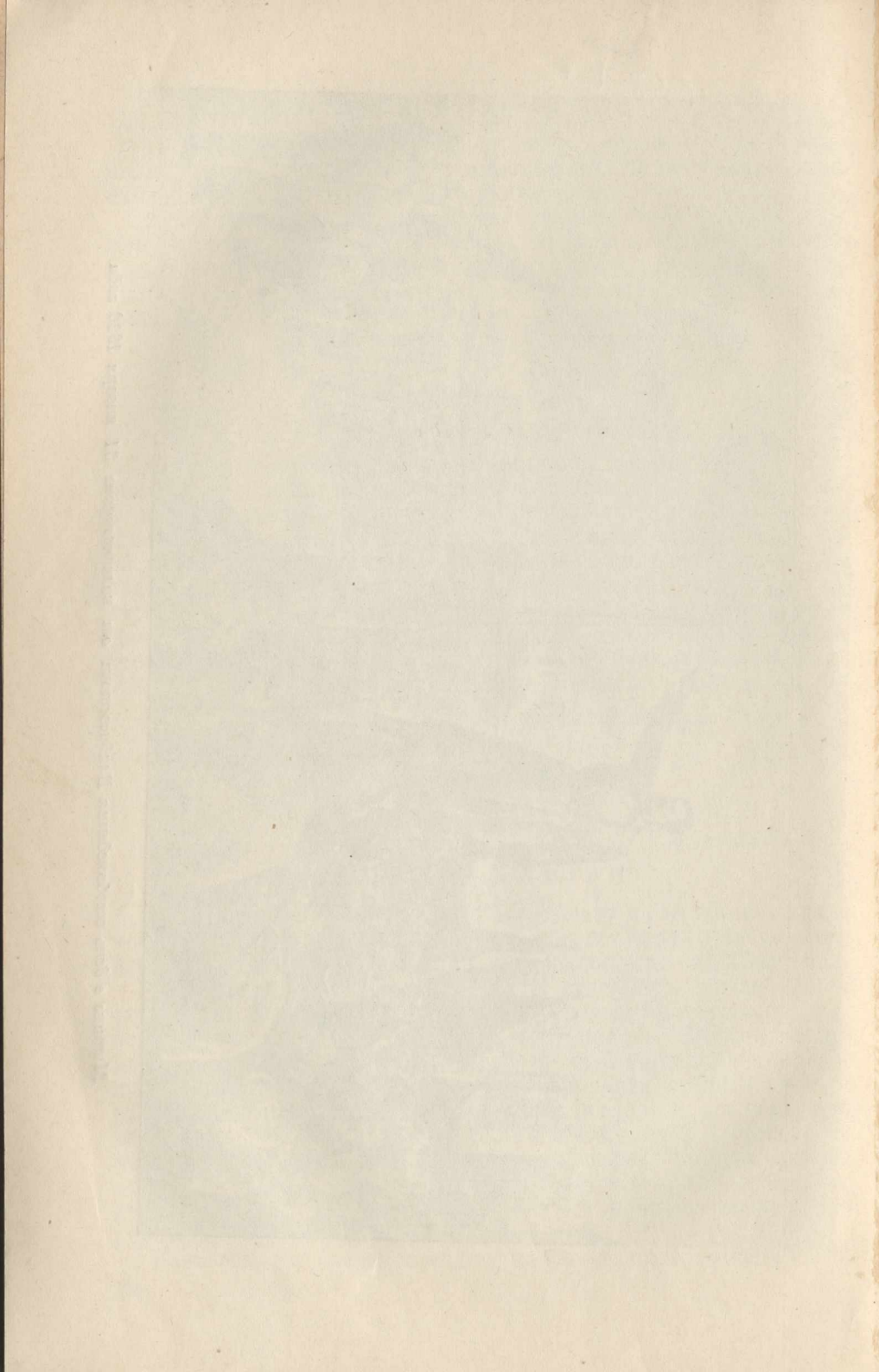
В начале февраля 1920 года мы с Лазо по заданию областного комитета партии совершили поездку для обследования наших партийных организаций и вооруженных сил Приморья.

Мы выехали из Владивостока в отдельном вагоне, имея охрану из старых, проверенных партизан. Впечатления первого дня пути надолго врезались в память. Мы никак не могли освоиться с тем положением, что едем сейчас совершенно открыто, не прячась от бесчисленных шпиков, контрразведчиков и агентов белояпонцев, в руках которых так недавно еще находилась вся линия железной дороги. Не видели мы больше ни усаых жандармов, разгуливающих по станционным платформам, ни золотопогонных офицеров, козыряющих друг другу, — будто всю эту нечисть разом смыло хорошим весенним дождем.

Казалось, мы ехали свободно, как настоящие хозяева своей

Митинг в день освобождения Владивостока от кошаковщины 31 января 1920 года

советской земли. Проходя по вагонам, мы слышали, как пассажиры — железнодорожники, рабочие и служащие — совершенно свободно разговаривали о том, что интервенция, как видно, кончается: если японцы еще и не ушли, так все равно старого положения им больше уже не вернуть — не сегодня, так завтра им придется убраться совсем.

Однако несмотря на всю эту кажущуюся свободу мы чувствовали, как незримые глаза японских контрразведчиков всюду внимательно следят за нами.

На станциях, где стояли японские гарнизоны, офицеры-японцы неоднократно пытались проникнуть в вагон Лазо; но всякий раз наши надежные конвоиры преграждали им путь винтовками, заявляя, что в этот вагон посторонним лицам вход запрещен. Надо было видеть, как недовольно вытягивались лица японцев и какой затаенной злобой сверкали их глаза. Однако, соблюдая вынужденный нейтралитет и невмешательство, они вежливо улыбались, брали под козырек и уходили обратно.

Лазо, наблюдавший все эти сцены из окна вагона, весело смеялся.

Несмотря на то, что официально мы не сообщали о нашей поездке, по всей линии железной дороги рабочие и воинские части как-то о ней узнавали: наш поезд встречали делегаты от них и просили разрешения пройти в вагон. Они горячо приветствовали Лазо и заявляли, что будут бороться до тех пор, пока вся территория края не окажется очищенной от интервентов. Лазо подолгу беседовал с делегатами, предупреждая их, чтобы они в борьбе с японцами не вызвали излишних осложнений.

— Не пускайте японцев в распоряжение наших частей, не давайте им никаких сведений, — предупреждал Лазо. — Помните, что это враги — очень жестокие и хитрые!

Многие делегаты ставили уже тогда вопрос о том, что их не удовлетворяет земское правительство. Лазо на это отвечал, что земское правительство является временной переходной формой власти в крае, что у нас сейчас нет достаточных сил заставить японцев уйти с Дальнего Востока, а вызывать военные столкновения в момент, когда советская Россия не может бросить свои войска нам на помощь, мы не имеем никакого права.

Когда советская Россия укрепитсЯ, она заставит японскую военщину увести свои войска с Дальнего Востока. Но это не означает, что мы должны положиться только на время и ничего не предпринимать. Лазо подчеркивал, что нам здесь, на Дальнем Востоке, необходимо создать самую крепкую, самую дисциплинированную армию, наладить наше хозяйство и, укрепившись таким образом, воздействовать на японцев. Иных возможностей у нас пока нет.

Делегаты уходили, удовлетворенные беседой с Лазо, обещая поступать так, как диктует большевистская партия — в интересах советской России.

В этой совместной поездке с Лазо по краю я еще раз убедился в его удивительной трудоспособности, неиссякаемой энергии и наблюдательности, от которой буквально ничто не могло укрыться. В то же время Лазо очень быстро умел ориентироваться в окружающей обстановке и без волокиты, на месте, разрешал даже самые сложные вопросы.

Во время остановок Лазо выступал на собраниях местных партийных организаций и гарнизонов; он делал подробные доклады о текущем моменте и о конструкции власти. Особенно внимателен Лазо был к самым жгучим вопросам, волновавшим партизанскую массу: о взаимоотношениях и назначении командного состава и т. д.

Обследовав воинские части в Никольске, Лазо остался недоволен положением партизан и бывших красногвардейцев, недавно освободившихся из колчаковского плена. Они не были полностью вооружены и не имели обмундирования. Заботливо и любовно отнесся Лазо к этим бойцам, обещая им сделать все возможное, чтобы облегчить их суровую жизнь.

Он обратился в Военный совет с предложением выдать единовременное пособие партизанам, бывшим пленным красноармейцам и заключенным в тюрьмах, ныне освобожденным и перешедшим на военную службу.

Мысли о бдительной охране территории от японских интервентов, об укреплении нашего положения и о широкой политико-воспитательной работе среди населения и воинских частей не оставляют Лазо во все время нашей поездки.

Он пишет Военному совету:

«Отдайте приказ 1-му Дальневосточному полку выставить охрану на Сучанском руднике и занять те посты, которые раньше занимали колчаковские части, а также взять под свою охрану станцию Фанза как один из важнейших пунктов Сучанской узкоколейки... Необходимо снабдить 1-й Дальневосточный полк небольшим типографским станком (американский или бостонский), прифтом, наборщиком, ротаторами, достаточным количеством письменных принадлежностей, медикаментами.

Снабжая необходимым 1-й Дальневосточный полк, вы обеспечите всю южную часть уезда. Но остается еще северный район¹. С товарищем Губельманом я точно выяснил, кому и сколько нужно послать...

Снабдите 1-й Дальневосточный полк, также северный район всеми имеющимися у вас планами и картами. Если имеются палатки, снабдите ими — имеют громадное значение для партизан».

¹ Тетюхинско-ольгинский.

Лазо внимательно изучает весь край и записывает в свою книжку, как надо перестроить наши силы, чтобы ослабить интервентов и укрепить наш фронт. Бесправное положение железнодорожных служащих, вмешательство интервентов в дела дороги не ускользают от наблюдательного глаза Лазо. Он лично был свидетелем, как японцы старались угнать подвижной состав в Манчжурию, чтобы оставить Уссурийскую дорогу без вагонов и лишить нас таким образом возможностей передвигать войска и грузы.

Лазо по этому поводу записал в свою книжку:

«Приняты меры против угона подвижного состава в Манчжурию. Установлено, что в первые дни в Манчжурию угнано около ста товарных вагонов».

Лазо намечает обязанности комендантов, придавая им огромное значение в условиях борьбы с интервентами и контрреволюцией.

«Необходимо, — указывает он в письме Военному совету, — в спешном порядке издать приказ о невмешательстве властей в железнодорожные дела. Все требования на подвижной состав должны даваться только через комендантов... Имея в виду чисто стратегическое положение Гродеково [и] наши планы относительно гродековских тоннелей¹, я думаю, назначая коменданта, придется назначить его и начальником гарнизона... Это должен быть человек решительный, способный в случае появления неприятеля предпринять необходимые меры. Техническую же работу при нем будут вести его помощники».

Проезжая через Гродеково, Никольск, Спасск и другие города Приморья, Сергей зорко наблюдал за японскими войсками, присматривался к их положению, изучал настроения и взаимоотношения солдатской массы с нашими войсками и населением. Этот раздел записной книжки Лазо содержит немало ярких зарисовок.

В одном из писем Лазо сообщал, что в Спасске у партизан установились дружественные отношения с японскими солдатами. Они угощают друг друга табаком, даже ходят под руку. Японские солдаты украшают себя красными ленточками, и были случаи, когда японские солдаты срывали с себя погоны и топтали их.

«В Никольске, — писал Лазо, — режим у японцев очень строгий. Почти никого не выпускают из казармы. Однако имели место случаи такого рода. Японский солдат появился на базаре с красным бантом, который с гордостью показывал прохожим. При приближении же своего офицера он на время снимал бант либо закрывал его рукой...

¹ Эти тоннели были заняты американцами. Мы ставили себе задачу во что бы то ни стало занять их своими частями, о чем вели переговоры с американцами.

В Никольске распространялись листовки на японском языке, японские солдаты брали их с громадным удовольствием и даже сами показывали их русским с чувством гордости.

В Спасске, Никольске и Имане мы собирали членов партии — рабочих — и проводили с ними беседы на политические темы. Мы говорили им о тактике нашей партии на ближайший период, о наших задачах на Дальнем Востоке. Лазо везде старался поставить на должную высоту работу партийных комитетов и приблизить их к массам.

Последним пунктом, куда нам предстояло заехать, был Хабаровск. В нем еще свирепствовал со своей бандой атаман Калмыков. Но 16 февраля наши партизанские отряды, окружив Хабаровск, без единого выстрела заняли город. Калмыков, расстреляв семь наших товарищей в «вагоне смерти» и несколько десятков казаков, бежал со своими приспешниками в Манчжурию.

В Хабаровске на вокзале нас встретили партийные и военные руководители Хабаровска.

Они пожаловались нам, что им трудно со своей маленькой группой большевиков наладить партийную работу в только что освобожденном городе. Мы помогли организовать городской комитет партии и выпустить первый номер большевистской газеты. Лазо реорганизовал воинские части; вызвал из Приморья большевиков и влил их в революционные полки для укрепления политического руководства.

В Хабаровске мы собрали представителей партизанских отрядов. Лазо подробно рассказал собравшимся о проделанной Военным советом работе и объяснил, для чего будет создана наша регулярная армия. Он требовал подчинения партизанских командиров и отрядов единому командованию, назначенному большевиками.

Представители партизанских отрядов заявили о признании Военного совета и обязались исполнять все его приказы и распоряжения.

Из Хабаровска мы с Лазо вернулись во Владивосток. Наша совместная поездка продолжалась около двух недель. Во мне она оставила неизгладимое впечатление. Я имел возможность еще раз убедиться, какой исключительной любовью и авторитетом пользовался Сергей Лазо.

Партизаны гордились тем, что имели возможность говорить с Лазо, слушать его и вместе с ним вспоминать боевые дни.

В марте мы решили устроить во Владивостоке день пролеткульта. По случаю этого праздника был большой парад, который принимал Лазо. Вместе с членами Военного совета он обходил войска, поздравляя их с победой над контрреволюцией.

Мне было поручено выступить от имени Дальневосточного

областного комитета партии. Помню, как во время моей речи на Тигровой горе высоко была поднята огромная красная звезда, обратившая внимание многотысячной демонстрации. Указывая на нее, я говорил о красной звезде как о символе освобождения народов Тихого океана от гнета империалистов.

Стройно, вслед за войсковыми частями, прошло несколько десятков тысяч рабочих и служащих.

Проходя мимо трибуны, на которой стояли Лазо и члены областного комитета партии, рабочие, бойцы крепко сжимали винтовки, молчаливо демонстрируя свою силу и решительность в любой момент выступить против врага. От стройных рядов их, от бесчисленных колонн демонстрантов, проходящих вслед за войсками, веяло не просто праздничным настроением — нет, чувствовалась сила революции, сила победы над врагом.

ИЗ ДОКЛАДА С. ЛАЗО О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КРАЕВОЙ КОНФЕРЕН- ЦИИ РКП(б) В НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКОМ

17 марта 1920 года

Десятки лет тому назад Парижская коммуна наметила те принципы, по которым строится теперь жизнь.

Борьба, поднятая нашей партией, ведет к раскрепощению и освобождению всех как передовых, так и отсталых народов. Мы знаем, что окончательная победа будет за нами...

Сейчас ведется борьба между пролетарской советской Россией и Антантой. В итоге империалистической войны пять великих держав поделили между собой весь мир. Эта дележка не настолько территориальная, насколько экономическая. Территориальные границы стерлись, и определяются они только экономическим влиянием того или иного государства.

Европа настолько обеднела в результате войны, что из-за нее теперь уже не спорят. Центр тяжести борьбы перенесся на берега Тихого океана, где расположены государства, менее всего пострадавшие от войны, — Япония и Америка. Здесь же, на Дальнем Востоке, имеет свои интересы и Англия, окружившая наряду с Японией своим флотом берега Китая...

Япония не получила всего того, что она ожидала от войны. Ей нужны колонии. Наиболее удобным для этого является безусловно Дальний Восток, но здесь она должна соперничать с Америкой и Англией, конкурирующими с нею в Китае и поощряющими там бойкот всего японского...

Дальний Восток недаром привлекает взоры международных

хищников — он обладает громадными горными богатствами, и это является яблоком раздора всех стран Антанты.

Если восточный вопрос будет разрешен мирным путем, то это можно будет назвать только политическим чудом.

Американцы занимают выжидательную позицию. Они ожидают момента, когда можно будет воспользоваться плодами борьбы других, хотя бы и союзных, но в сущности враждебных ей стран. Америка готова предоставить Японии даже временную свободу действий на Востоке при условии не претендовать на Маршалльские и Каролинские острова. Отзывая свои войска из Сибири, она все же, отвечая на ноту Японии, говорит, что и у нее есть свои особые интересы на Дальнем Востоке, которыми она не поступится... Японцы все-таки найдут повод, чтобы так или иначе снова вмешаться в наши дела. Мы здесь, на Дальнем Востоке, должны вести такую политику, которая не тормозила бы общей политики советской России.

Нам предстоит борьба с внешней реакцией — она еще не окончена, а только замерла, но мы не бросаем ей вызов, а будем сопротивляться при малейших попытках ее проявления. Все силы должны быть мобилизованы для предотвращения этих попыток.

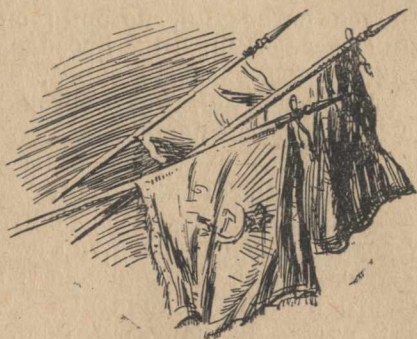
Мы должны стремиться не создавать здесь демократического буфера, а если по указаниям центра и будет буфер, так только советский.

Победой мы не упоены. Мы определенно видим задачи, стоящие перед нами. Та политика, которую мы вели до сего времени, дала нам возможность совершить бескровный переворот на Дальнем Востоке, и теперь мы должны вести ту же самую политику по отношению к группам, необходимым нам как технические работники.

Революционное движение мы должны направлять по тому пути, который, несомненно, приведет к нашей победе.

На организационную работу среди партии нужно обратить сугубое внимание. Мы должны проделать все то, что уже проделано в советской России. Мы должны использовать всех работников из Западной Сибири. Мы должны втягивать в партийную работу новые силы.

Г И Б Е Л Ь

З. СТАНКОВА

ПЕРЕД ГИБЕЛЬЮ

В начале февраля 1920 года во Владивостоке было созвано первое в легальных условиях партийное собрание, вернее, собрание партактива города Владивостока. Происходило оно в Народном доме, в этом излюбленном месте собраний коммунистов Владивостока. Здесь был и Лазо.

Решался вопрос об организации Военсовета. Ни у кого не было сомнения в том, что возглавить Военный совет Приморья должен, конечно, Сергей, и когда стали намечать кандидатуры, то Сергей был включен в список как безусловный кандидат. Все считали, что Лазо как руководитель Военсовета оправдает это назначение партии.

Кроме Сергея в Военсовет были введены В. Сибирцев и А. Луцкий.

Сергей с головой ушел в порученную ему работу. Вскоре он отправился в Приморье — район расположения войск, — так как там его присутствие было необходимо.

Встретилась я с Сергеем близко при следующих обстоятельствах. Мне нужно было из Никольск-Уссурийского проехать во Владивосток. Средства сообщения в то время были чрезвычайно скверные, попасть в поезд было почти невоз-

можно. Помню, я проторчала на вокзале в Никольске несколько часов и не могла попасть ни в один из мимо проходящих поездов. Вдруг, я слышу, кто-то окликает меня по имени. Это был Губельман, который вместе с Лазо возвращался после объезда воинских частей Приморья. Они забрали меня в свой вагон с тем, чтобы отвезти во Владивосток. В купе Сергея было свободное место, и меня туда устроили.

Сергей был полон тем, что он только что видел при объезде фронта, полон встречами, которые он имел там. Он засыпал меня своими рассказами, и мы просидели с ним далеко за полночь. На улице была ужасная вьюга, вагон не отапливался, спасались от холода тем, что Сергей в примитивную печурку без конца подбрасывал щепки.

Лазо с воодушевлением рассказывал о партизанах, о том, какие замечательные есть среди них люди:

— С такими людьми мы сможем совершить чудеса! Человек только что от сохи, не подготовлен, но всем своим нутром понял, что наше дело правое, и настолько в это дело верит, что никакие силы его не могут сломить!

Он назвал целый ряд таких партизан. Речь шла не о больших людях, не о руководителях, которых мы все знали, а о командирах небольших отрядов и об отдельных бойцах-самородках, которые пошли и будут идти за дело революции до конца.

О людях Сергей рассказывал хорошо, с большой мягкостью. В то же время в отношении этих же людей он мог быть непоколебимым и проявить настойчивость, когда этого требовал партийный долг.

Во Владивостоке Сергей очень близко подружился с молодыми товарищами из владивостокской партийной организации. Мы не раз собирались у Сергея в его квартире. Сергей часто рисовал перед нами богатое будущее Дальневосточного края, намечал пути, по которым пойдет его развитие. Затем Сергей переходил к вопросам военной работы и объяснял нам, какие стояли задачи перед нами по укреплению Дальнего Востока; делился с нами своими соображениями по вопросу о политике интервентов на Дальнем Востоке. Иногда начинал вспоминать боевые эпизоды; рассказывал о Центросибири, о замечательных людях Сибири — Аде Лебедевой и Вейнбауме — и об их трагической гибели.

Сергей был человеком очень жизнерадостным, любил рассказывать какую-нибудь веселую историю, а иногда даже и фантастическую сказку.

Вечером после работы он часто забегал к кому-нибудь из нас. А иногда мы заранее договаривались о встрече, чтобы поздно вечером отдохнуть дружной семьей. В таких случаях Сергей всегда бывал веселым и остроумным.

Я помню одну из товарищеских встреч. Сергей был занят

и пришел с большим опозданием, усталый. Но вскоре его усталость исчезла. Он включился в общий хор и дружно поддерживал распеваемую нами песню.

При всей своей занятости он несколько раз предлагал:

— Давайте вылезем в лес! Что мы все торчим в городе? Сергей очень любил природу. Уговаривал организовать поездку в землянку, в тайгу, где он скрывался. В конце марта эта поездка состоялась. Сергей хотел, чтобы мы все приняли в ней участие. Помню, я не поехала, так он с вокзала послал за мной.

Часто поздно вечером или ночью он любил побродить по берегу моря, на молу. Любил он также выбраться в горы, которыми окружен Владивосток.

Все это время, вплоть до апреля месяца, Сергей был очень занят военной и партийной работой. Он всегда интересовался, чем живет партийная организация, вплоть до мелочей. Я тогда работала во Владивостокском партийном комитете. Почти каждый день, возвращаясь из Военного совета, он обязательно забегал в партийный комитет, чтобы поговорить с товарищами и поделиться делами по военной линии.

Незадолго до начала выступления японцев, 4 апреля 1920 года мы собрались все вместе в помещении гостиницы «Золотой рог» на Алеутской улице. Вечером — это было часов около одиннадцати — в комнату к нам постучали. Когда дверь открылась, вошел какой-то военный с окровавленным лицом и сообщил Сергею, что вокзал занят японцами, что они арестовывают военных, а сопротивляющихся избивают. Лазо и Сибирцев тотчас же уехали.

Через несколько минут, а может быть, через полчаса после их отъезда гостиница, в которой мы остались, стала обстреливаться из пулеметов с противоположного угла из аптеки, где сидели японцы. Мы в этот вечер уже не смогли выбраться из гостиницы, так как пулеметный огонь не прекращался почти до утра. Слышен был не только треск пулемета — на улицах рвались ручные гранаты. Мы просидели до утра в подвальном помещении гостиницы и оттуда выбрались с каким-то американским офицером, надеясь под прикрытием американского мундира избежать неприятных встреч с японцами.

С американцем мы пробрались в клуб американского союза христианских молодых людей. Вышли оттуда мы через день и узнали, что товарищей на свободе нет, в том числе нет и Сергея. Где они — никто не знал. 5-го к вечеру нам удалось установить, что они арестованы и находятся в помещении следственной комиссии на Полтавской улице. На другой день утром мне удалось попасть к нему на свидание.

Седьмого апреля я вместе с матерью Сибирцева, Марией Владимировной, отправилась опять туда же, на Полтавскую. Но на этот раз посещение наше не имело успеха. Не встретив

Всеволод Сибирцев

у входной двери часового, мы преспокойнейшим образом направились по коридору к лестнице. Но у лестницы мы столкнулись с японцем, который не только не разрешил нам пройти дальше, но начал толкать нас прикладом винтовки в спины. Так Марии Владимировне и не удалось это последнее свидание с сыном.

Несколько слов о Марии Владимировне. Это человек, который воспитал прекрасных сыновей. Очень образованная и умная женщина. Всеволод и Игорь очень уважали свою мать. Уважали ее и все мы. Она по-матерински любила друзей Всеволода и Игоря. Мы относились к ней как к хорошему товарищу и в случае нужды всегда обращались к ней. Если нужно было что-нибудь спрятать, передать явку какую-нибудь, то обязательно мы выбирали Марию Владимировну.

Когда арестовали Всеволода Сибирцева первый раз в 1918 году (потом он бежал), она удивительно стойко переносила это, и даже казалось, что мы больше как будто бы переживали. Конечно, это было не так. Ее спокойствие было лишь внешнее,

она страдала и в то же время намечала план, как организовать побег Всеволода и как потом спрятать его. Когда Всеволод был арестован второй раз, Мария Владимировна так же стойко переносила и этот арест. Она пережила много горя, но не пала духом и вступила в партию вскоре после гибели сыновей.

Кроме Всеволода на Дальнем Востоке погиб и второй ее сын Игорь. Погиб он под Хабаровском в декабре 1921 года. Когда красные части отступали от Хабаровска, Игорю пулеметом перебило ноги, и он застрелился, чтобы не попасть в руки белогвардейцам.

Мария Владимировна выполняла очень многие поручения партийной организации, в частности поручения военного характера. Это была замечательная женщина...

После этого мы уже не встречались с Сергеем. Живым его японцы не выпустили. Свидание 6 апреля на Полтавской улице было моей последней с ним встречей.

Т. ГОЛОВНИНА

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Весной 1920 года, выбрав иногда свободный денек, мы, молодежь, уезжали за город — в наши живописные уголки, где сочетаются лесистые сопки с величественным морем, играющим и смеющимся от легкого ветерка на солнце. С нами бывал и Сергей. Во время этих прогулок Сергей превращался в шаловливого юнца: он шутил, бегал и, хотя не отличался остротой музыкального слуха, пел с нами песни.

Поездки за город Лазо предпочитал другим видам отдыха. Иногда к концу рабочего дня заезжал он за нами на машине, чтобы час-другой, до заседания Военного совета, отдохнуть в прогулке по великолепному шоссе, выходящему по склонам гор через весь Муравьев-Амурский полуостров. Там были расположены укрепленные форты, уничтоженные впоследствии японцами.

Командующий всеми революционными военными силами Приморья, грозный для врагов, попадая в дружескую среду, вне деловой, напряженной обстановки, становился другим. Лицо Сергея делалось улыбчивым, голос — задушевным и обращение с товарищами особенно приветливым и мягким. В некоторые моменты эти черты его характера проявлялись особенно ярко. Я помню, однажды мы проходили мимо дома, где жила его семья. Сергей с удивительной нежностью воскликнул: «Знаете, какая у меня хорошая дочка растет!» Это было совершенно неожиданно, так как разговор шел перед этим об увели-

ченых японцами патрулях и об укреплениях, которые они воздвигали в самом городе.

Накануне предательского выступления японцев, в ночь с 4 на 5 апреля, мы были все вместе в гостинице «Золотой рог». Был там и Лазо. В одиннадцатом часу вечера поспешно вбежал какой-то военный. Захлебываясь, он начал рассказывать, что вокзал обстрелян японцами и что они занимают город. Лазо не растерялся и спокойно спросил у него: «А вы сами видели наступающих японцев?» Не задерживаясь, Лазо и Сибирцев уехали, чтобы выяснить положение вещей. Как известно, они были арестованы японцами.

После ареста Лазо я была у него на свидании. Сергей был спокоен и рассказывал подробности ареста. В момент прощания он передал мне письмо.

В конце этого письма он говорил о нашей грядущей победе. Думал ли он тогда о смерти — не знаю, но о жизни, большой и радостной, он думал и писал.

О. ЛАЗО

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

После переворота 31 января 1920 года положение партийной организации стало почти легальным, и я вскоре вернулась с Сучана во Владивосток, где стала работать в городском комитете партии. В это время в организации горячо обсуждался вопрос о так называемой «розовой власти».

Во Владивостоке, как известно, власть была передана Приморской областной земской управе. Наша партия решила поддержать это правительство при условии фактического руководства военными и финансовыми делами. Земская вывеска нам была нужна потому, что интервенты в Приморье еще являлись хозяевами положения, а нам необходимо было избегать с ними столкновений.

Сергей вначале защищал идею немедленной организации советской власти. Вместе с ним эту позицию занимала довольно большая группа коммунистов. Казалось странным, что после стольких лет борьбы с контрреволюцией надо отказаться от немедленного создания советской власти. Необходимо отметить, что тогда соответствующих указаний из центра по этому вопросу актив организации еще не имел.

Через некоторое время, когда нам стали известны соответствующие директивы центра, Сергей немедленно начал проводить разъяснительную работу среди масс и доказывать, почему мы должны пойти на организацию «розовой власти» в Приморье.

Сергей отчетливо понимал ту тактику, которую мы должны были применять по отношению к этой власти. Он не раз говорил:

— Мы должны за их спинами заставить их делать так, как это нужно нам. В этом сейчас главное...

Третьего апреля на заседании Владивостокского совета Сергей произнес свою последнюю речь. К ней он готовился несколько дней. По своему обыкновению он заранее продумал материал и даже записал отдельные формулировки. 3-го утром он зашел ко мне, имея план речи. Я помню, он мне говорил о том, что обязательно нужно на заседании совета вспомнить первого председателя Владивостокского совета Костю Суханова, убитого чехами в 1918 году.

Вечером, после заседания совета, Сергей собирался зайти ко мне, чтобы побыть с дочкой Адой.

В условиях жизни Владивостока нам пришлось иметь несколько квартир. Была сохранена маленькая комната на Ботанической улице, но Сергеем после переворота очень хотелось создать для ребенка несколько лучших условий. Он получил квартиру на Светланской улице, где поселилась я с девочкой. Для своей же работы Сергей имел еще одну комнату — на Мальцевской улице.

Мы уговорились встретиться после заседания совета и пойти на квартиру на Светланке.

Сергей в тот день очень хорошо говорил на заседании совета. Я слыхала, как многие товарищи восхищались его речью:

— Так, как сегодня, Лазо еще никогда не говорил.

Нужно сказать, что во всех условиях — и в тайге, и на фронте, и в городе — Лазо умел увязывать свою речь с конкретной обстановкой и владеть настраиванием масс, среди которых ему приходилось выступать.

— Пусть здесь мы слабы, — говорил он в своей последней речи, — пусть нас может раздавить японский империализм, пусть этот удар разобьет советы, но он не может предотвратить неумолимого хода истории. И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто, мы смотрим как победители.

В своей речи Лазо подчеркнул также, что борьба с японским империализмом не прекратилась, что эта борьба вырвет еще много жертв из рядов борющегося пролетариата, но что это не задержит его победоносного шествия.

Эта речь была его лебединой песней. После выступления, когда мы шли домой, он был в каком-то приподнятом настроении...

На другой день, 4 апреля, утром, Сергей немного задержался, побыл с ребенком и ушел, чтобы зайти после.

Поздно вечером в городе началась стрельба. Японцы раз-

громили Народный дом, здание, где находился городской комитет партии, Центральное бюро профсоюзов и другие помещения; с ожесточением срывали они красные флаги и вывешивали свои. Начали они также расправу с корейским населением: окружили корейскую слободку и буквально сжигали там людей.

Японцы тщательно готовились к этому выступлению. Одним ударом они хотели разгромить учреждения города, захватить врасплох и арестовать руководящих работников. Дабы усыпить нашу бдительность, они еще накануне выступления вели как ни в чем не бывало переговоры с нашими представителями.

Японцы выступили и подвергли разгрому не только Владивосток, но и Хабаровск, Никольск-Уссурийский и другие города Приморья. С наглостью, на которую только и способны японские милитаристы, японский командующий Оои выпустил 5 апреля объявление, в котором обвинял во всем наши войска...

Всю ночь была слышна стрельба. Переправив свою девочку на старую квартиру, под утро я вышла, чтобы выяснить положение и связаться с организацией. Около вокзала, где еще слышалась перестрелка, я скоро нашла многих товарищей, от которых узнала некоторые подробности последних событий.

Где Лазо и другие члены и работники Военного совета — никто не знал.

Пятого утром мне передали от Лазо маленькую записочку. Он писал, что находится в здании следственной комиссии на Полтавской улице в доме № 3 и арестован японцами. Он сообщал, что записан под фамилией прапорщика Козленко, так как решил свою настоящую фамилию не называть. Просил меня во что бы то ни стало притти к нему (японцы официально разрешали в первые дни свидания с арестованными).

Эту записку Лазо передал через повара (бывшего военнопленного мадьяра), работавшего в кухне следственной комиссии, на явочную квартиру на Мальцевской улице, оттуда ее передали мне.

В тот же день я поспешила попасть к Лазо. Пришла на Полтавскую улицу, получила у японского офицера разрешение на свидание с Козленко.

Лазо очень обрадовался моему приходу. Настроение у него было бодрое. Он был уверен, что их не раскроют и в течение ближайших дней все пленные будут освобождены. Говорил он об этом осторожно, так как при разговоре присутствовал японец, очевидно, знавший русский язык.

Он дал мне записочку для партийного комитета и просил сегодня же передать.

После свидания с Сергеем я пошла в ревком. Сообщила товарищам, что Лазо находится в плену у японцев. Сведения

о том, что Лазо сидит в здании следственной комиссии, быстро распространились среди актива партии, и к нему на свидание кроме меня ходили и другие товарищи. Когда я пришла во второй раз к Лазо, он высказал недовольство тем, что довольно большой круг лиц знает о его местонахождении.

Восьмого апреля я опять пошла к Лазо. Уверенности в том, что я к нему попаду, не было никакой: японцы свиданий уже больше не разрешали. Но я решила во что бы то ни стало проникнуть к Лазо и, если меня японцы не пустят, хотя бы передать Сергею записку от ревкома через повара.

Когда я пришла в караульное помещение, я сказала японскому офицеру, что мне нужен кок. Японцы пустили меня в подвальное помещение на кухне, я отыскала там повара, и он по другой лестнице провел меня к арестованным. В это свидание я имела возможность разговаривать с Лазо без свидетелей.

Я передала записку члена ревкома товарища Кушнарёва, где он писал Лазо о том, что, якобы, имея возможность уйти из следственной комиссии, он не ушел.

Лазо, прочитав записку, сказал: «Они там не представляют всей трудности положения и, видимо, имеют неправильную информацию. Передай Кушнарёву, что возможность уйти была мало вероятной. Когда в городе началась стрельба, я поспешил в здание следственной комиссии — надо было спасти ценные документы. Отсюда связался с воинскими частями, узнал, что они получили приказ командующего не оказывать сопротивления японцам. В это время японцы уже занимали Полтавскую улицу. Стал вопрос — сдаваться японцам или уходить. Один товарищ из охраны предложил: в первую очередь должны уйти члены Военного совета, другие запротестовали, бросив такой возглас: «А как же мы?» Тогда было решено сделать попытку выйти всем небольшими группами через двор в направлении Голубиной пади. В разведку был послан один товарищ, одетый в штатское (работник следственной комиссии), который должен был срочно выяснить и сообщить, свободен ли путь. Но он не вернулся. А когда послали другого человека, японцы уже окружили дом, и уйти не было никакой возможности. А сейчас, — добавил Лазо, — уйти из-под ареста японцев совершенно невозможно, караул усилен, обращение резко ухудшилось. Последние дни даже кормить стали хуже. Нас поодиночке японцы вызывали на допрос. И меня одного сфотографировали».

Лазо также высказал предположение, что, возможно, среди них есть японский шпион, который мог дать сведения о членах Военного совета.

Настроение Лазо было несколько подавленное. Он просил установить дежурство около дома, чтобы знать, куда их увезут. Об этом я передала в ревком... Утром 9 апреля задержан-

Алексей Луцкий

ных в здании следственной комиссии стали увозить. Первыми отправили Лазо, Лудкого и Сибирцева. Их посадили в легковые машины, а остальных — на грузовик. Везли их по Светланке по направлению к Гнилому углу.

Было утро. Проходившие рабочие узнали Лазо, на улице поднялось большое волнение. Рабочие показывали направление, в котором повезли товарищей.

Так как все члены Военного совета были увезены неизвестно куда, приморское правительство сделало запрос японскому командованию о судьбе арестованных. Партийная организация пыталась также всякими нелегальными путями узнать, где они.

В японском штабе мне был выдан пропуск за подписью майора Хосебе на право свидания с Сергеем. Я отправилась вместе с Луцкой в казармы, в Гнилой угол. Но там я выяснила, что Лазо туда не привозили.

На официальный запрос, где Лазо, японцы ответили: «Мы

вам предоставили все возможности... Лазо в списках у нас не числился, и у нас его нет». Они использовали то, что он изменил свою фамилию, и постарались замести следы.

Весь апрель мы пытались всякими путями выяснить, где находятся арестованные товарищи, и добиться выдачи Лазо. Это делалось и путем переговоров и через печать. В газете «Красное знамя» опубликован был целый ряд резолюций рабочих собраний с протестом против ареста Лазо и других членов Военного совета и с требованием их освобождения. Но японцы упорно молчали. Тут, очевидно, был сговор с белогвардейцами, которым они передали этих трех товарищей.

Во время демонстрации 1 мая рабочие массы Владивостока еще раз выразили свой протест против поведения японцев. На знаменах были надписи: «Отдайте Лазо, Луцкого и Сибирцева!» Но все эти обращения и протесты не дали результатов.

В ответ на все наши протесты японская газетка «Владивониппо», издававшаяся во Владивостоке на русском языке, нагло заявила, что в списках арестованных Лазо нет, что «Лазо ушел в свои любимые сопки» и что поэтому они не могут сообразить, где он находится.

Долгое время нельзя было установить, что было сделано с товарищами. Слухи ходили самые неправдоподобные, самые разноречивые — и об увозе на пароходе в Японию, и о том, что их держат в подземелье, в доме, занимаемом штабом японцев, но с каждым днем становилось все яснее, что товарищей нет уже в живых...

Месяцев через пять, осенью 1920 года, Дальбюро ЦК РКП(б) отправляло в советскую Россию первую группу товарищей на партучебу, в том числе и меня.

Только впоследствии, когда я находилась уже в Москве, была раскрыта кошмарная история с расправой над Лазо, Луцким и Сибирцевым.

РЕЧЬ ЛАЗО

НА ОТКРЫТИИ ВЛАДИВОСТОКСКОГО СОВЕТА

3 АПРЕЛЯ 1920 ГОДА

Товарищи делегаты Владивостокского совета! Приветствую вас как представитель революционного Военного совета.

Товарищи! После кровавой борьбы мы снова собрались здесь, во Владивостоке, в этом окне советской России на берегах Великого океана, в этом центре интервенции на Дальнем Востоке. Собрался совет, и этот факт громче многих слов говорит нам о мощи советской России, о силе международной пролетарской революции.

И не слова приветствия, а какие-то другие слова, слова борьбы, слова, разрешающие тяжелое положение, которое создалось у нас, нужно сказать на этом заседании.

Вне нас — штыки иностранных интервентов, а внутри благодаря этому мы не можем проводить полностью советскую власть. И то, что нас объединяет, то, что дает выход нашим силам, разрешает это запутанное положение, — это борьба.

Все силы, все средства отдадим борьбе. Пусть мы отказываемся от проведения полностью и советской власти и советской политики, но зато готовы к борьбе...

Борьба требует от нас строгой, суровой дисциплины, требует сплочения всех сил вокруг наших революционных организаций.

Товарищи, думаю, что выражу то, что чувствуют и думают наши революционные войска, если скажу, что они сплотились вокруг центральных революционных организаций, готовые выступить по их первому призыву.

Ни одна воинская часть не предпримет самостоятельного выступления.

Каждый солдат, каждый матрос до тех пор не уйдет со службы, не оставит своего оружия, пока иностранная интервенция не будет прекращена и мы не воссоединимся с советской Россией.

Наши войска не хотят войны, слишком много пролито крови, слишком много несчастий сулит новая борьба всему населению. И на войну мы первые не пойдём.

Но если нас вызовут, если на нас нападут, то и мы ответим борьбой.

Наша молодая Красная армия сильна не своим числом, а тем, что за ней стоят неисчислимые ряды угнетенных народов, эксплуатируемых классов всех стран, которые ведут повсюду ожесточенную борьбу за те же цели, — за создание лучшего, справедливого, советского строя.

На этом заседании нужно сказать несколько слов о наших отношениях с японцами.

То, что делают японцы, создает тревожное положение. Ими занят в городе ряд важных пунктов, вывешен флаг на Тигровой горе, и все это без какого-либо повода с нашей стороны. И это в то время, когда в официальных отношениях произошло заметное улучшение.

Я должен вам сообщить, что японцы предложили нам образовать русско-японскую военную комиссию.

Эта комиссия заседала сегодня, и это первое заседание показало, что японцы хотят оформить создавшееся положение и притти с нами к определенному соглашению по ряду вопросов. Так что наши официальные дипломатические отношения сейчас можно назвать хорошими. Общее же положение продолжает оставаться неопределенным и напряженным.

Товарищи! Сегодняшнее заседание совета нужно сравнить с его первым заседанием — в марте 1917 года. Какая разница!

Тогда революционная армия и пролетариат праздновали свержение царизма и только едва намечали пути, по которым пойдет революция.

Тогда совет, наполовину готовый отказаться от советской власти, еще не был тем боевым органом, каким стал потом, каким он является теперь, когда в результате неумолимой классовой борьбы все признали гегемонию советов, все поняли, что нет другого выхода кроме советской власти. Но еще более должны мы сравнить сегодняшний день с последними днями Владивостокского совета — в июне 1918 года.

Слишком много сходства. И тогда, как теперь, совет был окружен превосходными вооруженными силами; вместе с чехами выступали те партии, которые думали произвести революцию наполовину.

И наши товарищи говорили этим партиям, что, свергая советы, они тем самым роют себе могилу.

Теперь этих партий нет. Вызванная ими контрреволюция погубила их, и теперь они готовы признать советы.

Эти полтора года свели на-нет и реакцию, и мы подошли вплотную к борьбе с иностранным империализмом — против нас стоит японская армия.

Мы на это смотрим открыто и открыто говорим, что не революционная Россия нападет на Японию.

Пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть этот удар разобьет совет. Но он не может предотвратить неумолимого хода истории.

И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто; мы смотрим как победители — да, как победители. Когда два года тому назад наши товарищи заключили с немцами униженный мир, тогда они писали, что на этих переговорах они чувствовали себя как победители. И наши товарищи были правы. И те события, которые разыгрались и разыгрываются в Германии, подтвердили их слова.

И здесь мы знаем: пусть разгромят японцы Владивостокский совет, но живы будут советы; с новой, во много раз большей силой подымутся они через некоторое время — и у нас и в Японии.

Пусть японский империализм разобьет нас здесь, но тем самым он подпишет себе приговор.

Да, между концом июня 1918 года и сегодняшним днем много общего, — только события развернулись в грандиозном масштабе, перспектива стала шире и величественнее.

Мы не знаем, что сулит нам завтрашний день, но мы должны вести свою революционную работу, должны оставаться на своем посту.

На сегодняшнем заседании мы должны вспомнить первого председателя Владивостокского совета — погибшего товарища Суханова.

Многие здесь знают его твердую волю и светлый ум, знают, что он был вождем владивостокского пролетариата.

И, вспоминая его преждевременную гибель, мы не будем прославлять его как героя и жалеть о его преждевременной утрате.

Нет, этого вождям пролетариата не надо. Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца...

Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победного шествия. Эти жертвы неизгладимыми письменами запишут в историю этой борьбы.

Товарищи! Ныне положение совета здесь, во Владивостоке, и положение советов в России разное.

Там, за Байкалом, ценой нечеловеческих усилий советы, разрушив старое, победили наконец. Они могут перейти к мирной созидательной работе.

Мы же здесь победы не одержали... Мы должны помнить, что советы не только созидатели нового, но они и могильщики старого, умирающего строя. И эта работа могильщиков здесь не закончилась.

Пусть внутренняя реакция обессилена и распылена, но внешняя реакция имеет возможность осуществлять свою политику...

В борьбе за восстановление советов во Владивостоке и во всем крае пролито много крови, и еще будет пролита кровь, но рано или поздно советская власть восторжествует здесь.

Волна за волной бьет революционная стихия и подтачивает твердыню капитала. Много башен, много стен рухнуло, а другие уже подточены.

Не будем унывать, не будем смущаться тем, что за той победной волной, которая привела нас сюда на заседание Владивостокского совета, что за ней наступят черные дни.

Будем смотреть жизни открыто в глаза; нам нечего терять кроме цепей, и как ни черны те тучи, которые нависли над нами, не им принадлежит победа, а нам.

«Красное знамя» № 60, 27 апреля 1920 г.

ДОКУМЕНТЫ О ГИБЕЛИ С. ЛАЗО

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СТРЕЛКОВ УЧЕБНО-ИНСТРУКТОРСКОЙ ШКОЛЫ

Между 23 и 24 часами прибыли члены Военного совета — товарищи Лазо, Луцкий, Сибирцев. Мы занимали посты в разных местах в здании следственной комиссии. Приехавшие

члены Военного совета сосредоточились в дежурной комнате около телефона и вели переговоры по телефону. Около двух часов ночи товарищ Кандыбка, стоявший на внешнем посту, заметил наступающие цепи японцев на здание следственной комиссии и известил об этом караульного начальника товарища Астахова (4-й роты). Товарищ Лазо приказал караулу не оказывать сопротивления японцам, после чего был выкинут белый флаг.

В здание следственной комиссии вошли два японских офицера с десятью солдатами. Они потребовали сдачи оружия и снаряжения. Караул и члены Военного совета сдали все требуемое японцами без всякого сопротивления, после чего члены Военного совета и мы были отведены на верхний этаж и сосредоточены в трех комнатах с беспрепятственным сообщением между ними. Мы попали в одну комнату с членами Военного совета. Сосредоточив всех нас, японцы объявили нас арестованными и выставили свой караул.

В десять часов 5 апреля стали с нас снимать допрос: кто, какой части, в каком положении был арестован? Во время опроса товарищ Лазо назвал себя прапорщиком, взводным командиром 1-й роты 35-го полка Козленко. Товарищи Луцкий и Сибирцев указали настоящие свои фамилии. Японский переводчик — офицер — спросил Лазо, почему он часто бывал в Военном совете. Товарищ Лазо ответил: «Потому что я политический уполномоченный 1-й роты 35-го полка». Японский переводчик вновь спросил товарища Лазо: как он попал сюда? Лазо ответил: «Я ужинал в ресторане; выйдя оттуда, застигнутый стрельбой, узнав, что здесь русский караул, зашел сюда». После опроса всех нас японский переводчик заявил, что завтра будет для нас суд, после которого одних выпустят, а других оставят арестованными. Суда на следующий день не было...

Восьмого апреля явился к нам японец в штатском, который спрашивал всех, нет ли между нами товарища Лазо.

Одни отвечали: «Не знаем». Другие говорили, что Лазо нет. Японец внимательно присматривался к каждому из нас, останавлив внимание особенно долго на Лазо, говоря в это же время с японским офицером. В этот же день посетила товарища Лазо его жена, вызвав его вниз на свидание. После свидания товарищ Лазо вновь пришел к нам...

Рано утром 9 апреля, когда мы все спали, три члена Военного совета — Лазо, Луцкий и Сибирцев — были подняты и уведены, после чего они уже больше не возвращались, и мы их не видели и не знаем, куда их увели.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» РОДСТВЕННИКОВ ЛАЗО, ЛУЦКОГО И СИБИРЦЕВА

Родственники и друзья членов Военного совета Лазо, Луцкого и Сибирцева просят напечатать в вашей газете следующее:

В ночь на 5 апреля при выступлении японцев Лазо, Луцкий и Сибирцев находились в здании следственной комиссии (Полтавская, № 3), где они были арестованы японцами и разоружены. В том же здании они и находились под арестом первые дни после переворота. В течение этого времени нам удавалось видеться с ними, говорить и передавать им необходимые вещи. Несколько раз во время свиданий мы были свидетелями, как их вызывали в канцелярию для опроса, и ясно, конечно, что в списках они у японцев были; причем Лазо был не под своей фамилией, Луцкий же и Сибирцев — под своей. Все они при опросе назвались офицерами.

Из других источников японцам было известно, что среди арестованных находится Лазо, но не под своим именем. Ими были предприняты меры к опознанию его среди арестованных. Делалось это как с помощью своих представителей, знавших его в лицо, так и с помощью русских шпионов, которые в четверг 8 апреля входили к арестованным.

Очевидно, японцам удалось опознать Лазо и других членов Военного совета.

Так как японцы должны были по требованию милиции освободить здание следственной комиссии, то арестованные сообщили нам, что их должны перевести в другое место.

Нами было установлено наблюдение, и в пятницу, часов в семь утра, всех троих товарищей отделили от остальных арестованных и, заявив им, что их везут только на допрос и что они скоро вернутся обратно, увезли на двух легковых автомобилях по направлению к Гнилому углу. В казарму со всеми арестованными их не поместили, а запрятали куда-то отдельно, совершенно изолировав от всего живого.

Несмотря на все наши поиски мы до сих пор не можем найти их следа. Во всех отделениях японского штаба мы получали ответ, что таких у них нет, хотя Лазо мы запрашивали по двум фамилиям.

Очевидно, у японцев уже велась определенная политика относительно наших товарищей.

На первый день пасхи нам удалось получить у майора главного штаба Хосебе пропуска к арестованным, но когда мы пришли заверить пропуска в 13-ю дивизию, ведавшую всеми арестованными, то у нас эти пропуска отняли, заявив, что таких у них нет. Японский офицер, отобравший пропуска, попросил зайти через некоторое время и уехал куда-то на автомобиле, забрав с собой пропуска. Когда мы пришли во второй раз,

пропуска нам вернули, заявив: «Если вы знаете, где они, то идите к ним, а мы таких не знаем».

С этими пропусками нас пустили к арестованным в общую казарму, где, конечно, как мы и предполагали, Лазо, Луцкого и Сибирцева не оказалось.

Но у нас есть факт, факт неоспоримый, который может подтвердиться многими лицами, что Лазо, Луцкий и Сибирцев были у японцев арестованными и были они увезены 9-го числа.

Мы можем предполагать тут возможность со стороны японцев безответственного расстрела без суда и следствия лиц, работавших у Временного правительства, лиц, пользующихся доверием всего населения. Это дело не будет нами оставлено.

Если японцы не хотят дать нам ответ прямо на наш запрос, мы постараемся узнать это другими путями.

Призываем всех лиц и организации, могущие дать нам какие-нибудь указания, оглашать их в печати и вынести по этому вопросу свои мнения.

«Красное знамя» № 54, 20 апреля 1920 г.

ЛИЦЕМЕРНЫЙ ОТВЕТ ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ «К СУДЬБЕ ТОВАРИЩА ЛАЗО»

По достоверным, имеющимся в нашем распоряжении сведениям, Лазо не был арестован японским командованием, так как оно принципиально не арестовывало идейных политических деятелей. Таким образом, слух об аресте Лазо надо считать неправильным. Приглашенная японским командованием супруга Лазо никого среди арестованных не признала за своего мужа.

По нашим сведениям, Лазо, сын богатого русского помещика, со школьной скамьи душою отдался идее коммунизма и, как только случился в семнадцатом году большевистский переворот на Дальнем Востоке, быстро выдвинулся на военном поприще в качестве талантливого военного деятеля. Но вскоре ему пришлось после нового переворота уйти с верными ему партизанами в сопки, где и началась его деятельность, с одной стороны, хотя и полная лишений, но в то же время, с другой — полная дикой прелести жизни среди великолепной природы. С январского переворота этого года он вновь появляется во Владивостоке и немедленно вступает как деятельный член в Военный совет.

Последние печальные события вновь лишили его возможности проявлять свою кипучую военную деятельность на поле насаждения коммунистических начал в русских войсках, и он, очевидно, влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопки, вновь ушел туда со своими верными партизанами.

Газета «Владиво-Ниппо» № 4, 22 апреля 1920 г.

МОЕ ПОКАЗАНИЕ

Тов. редактор!

Прошу поместить нижеследующее в «Красном знамени»:

«Владиво-Ниппо» № 4 от 22/IV с. г. поместило заметку, озаглавленную «К судьбе товарища Лазо», начинающуюся словами: «По достоверным, имеющимся в нашем распоряжении сведениям, Лазо не был арестован японским командованием, так как оно принципиально не арестовывало идейных политических деятелей».

Настоящим сообщаю: в ночь с 4 на 5 апреля Лазо, Луцкий и Сибирцев и многие другие были арестованы в помещении следственной комиссии.

Утром 7-го я от него имел записку, в которой он сообщал, что, не желая открывать себя (что было небезопасно в тот момент), он назвался прапорщиком Козленко, числящимся на службе в 35-м полку. Кроме того к нему в следственную комиссию ходили на свидание его жена и другие товарищи, видевшие его там.

Девятого апреля товарищи Лазо, Луцкий и Сибирцев были японцами вывезены из следственной комиссии по направлению Гнилого угла, и с этого момента местонахождение их покрыто тайной.

Бесследно люди не могут исчезать ни от кого. Мы знали раньше, что от Калмыкова, Семенова исчезали арестованные, но мы знали также и то, что они были ими истязаемы, убиваемы, и это открывалось.

Исчезновение Лазо, Луцкого и Сибирцева не пройдет бесследно никогда, и всякие уверения русско-японских газет и их иудины слова о том, что товарищ Лазо, «влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопок, вновь ушел туда со своими верными партизанами», никого ни успокоить, ни обмануть не могут.

Итак, я утверждаю:

1. Лазо, Луцкий и Сибирцев были арестованы японскими войсками в следственной комиссии в ночь с 4 на 5 апреля.

2. 9 апреля они были увезены из следственной комиссии в направлении Гнилого угла.

3. До 9 апреля у них бывали близкие им на свидании в помещении следственной комиссии.

Заявление японского командования о том, что среди арестованных Лазо, Луцкий и Сибирцев не были, не соответствует действительности, и честь японского народа требует, чтобы был дан ясный и точный ответ японского командования, куда они девали и что сделано с арестованными нашими товарищами Лазо, Сибирцевым и Луцким.

М. Губельман.

«Красное знамя» № 61, 28 апреля 1920 г.

ПРОТЕСТ ГРУЗЧИКОВ

Заслушав доклад об аресте японцами товарищей Лазо, Сибирцева и Луцкого, собрание представителей союза грузчиков единогласно приняло следующую резолюцию.

Интервенты, как непрошенные гости, ворвались на территорию советской Сибири, чинят насилия и произвол. Протестуя уже не раз против вмешательства в наши дела, мы еще раз поднимаем свой возмущенно-негодующий голос против варварских приемов интервентов — выхватывания из наших рядов лучших наших работников, приемов, достойных темного и гнусного, ночного дельца.

Собрание представителей, выражая волю союза грузчиков, протестует против такого наглого поведения японского командования как во Владивостоке, так и в области, и мощным, единодушным голосом заявляет о единственном нашем требовании: освобождение товарищей Лазо, Сибирцева и Луцкого и удаление насильников с нашей территории, предоставив нас самим себе.

Интервенты! Скатертью дорога, уходите от нас!

«Красное знамя» № 62, 29 апреля 1920 г.

ПРОТЕСТ МЕТАЛЛИСТОВ

Совет уполномоченных индустриального союза металлистов, рассмотрев вопрос об исчезновении товарищей Лазо, Луцкого и Сибирцева, постановил:

Мы, рабочие металлообрабатывающей промышленности, присоединяемся к протесту всего населения Дальнего Востока, протестуем также против действий японского командования, которое несмотря на указания, что товарищи Лазо, Сибирцев и Луцкий арестованы японцами, утверждают, что они этого не делали и не знают.

Мы все-таки требуем от японского командования ответа: куда девались наши товарищи? Протестуя против такого действия японцев, через головы империалистов призываем мировой пролетариат воздействовать на японские вооруженные силы.

Если не поможет этот протест, мы заверяем японское командование, что от слов мы перейдем к делу.

И покажем, что как ни тяжело наше положение под штыком японцев, все-таки мы заставим и их испытать силу сплоченного пролетариата, который без оружия, погибая сам, заставит погибнуть и интервентские войска.

«Красное знамя» № 67, 4 мая 1920 г.

К СУДЬБЕ ЛАЗО И ДРУГИХ

По постановлению Центрального бюро профессиональных союзов секретариатом Центрального бюро было произведено исследование условий увоза и исчезновения членов Военного совета С. Лазо, Сибирцева и Луцкого.

Расследование, как это показывают ниже прилагаемые показания, выясняет точно, что Лазо, Сибирцев и Луцкий вместе со многими другими военнотружущими были задержаны в помещении следственной комиссии в ночь с 4 на 5 апреля и пробыли там под арестом до 9 апреля.

Опасаясь расправы если не со стороны японцев, то со стороны принимавших участие в японском выступлении розановских офицеров, члены Военного совета заявили себя: Лазо — политическим уполномоченным 35-го полка прапорщиком Козленко, Сибирцев — офицером запаса Сибирцевым и Луцкий — офицером Луцким. Под такими фамилиями они были записаны в списки задержанных, каковые были предъявлены инспектору милиции...

Желая убедиться, находятся ли в помещении, как он имел сведения, члены Военного совета, инспектор милиции с разрешения японского караульного начальника был допущен в помещение арестованных, где видел Лазо, Луцкого и Сибирцева, и установил, что Лазо записан в списках под именем прапорщика Козленко. Об этом довел до сведения представителя смешанной военной комиссии Цейтлина.

На основании полученных сведений Цейтлиным был поднят перед японским командованием вопрос об освобождении членов Военного совета Лазо, Сибирцева и Луцкого.

Майором Хосебе было по ходатайству Цейтлина дано разрешение на свидание жене Лазо с мужем, также и жене Луцкого.

Уже после увоза Лазо, Луцкого и Сибирцева из помещения следственной комиссии женам Лазо и Луцкого был выдан пропуск, но этот пропуск был отобран в штабе 13-й дивизии заведующим всеми арестованными.

Согласно показаний установлено, что Лазо был отвезен 9 апреля в шесть часов утра из помещения следственной комиссии по направлению к Гнилому углу на автомобиле за № 730, через некоторое время в этот же день на автомобиле за № 731 были отвезены в том же направлении Сибирцев и Луцкий. Были они помещены в одноэтажной казарме во второй половине того корпуса, где были помещены офицеры, привезенные со станции Владивосток.

Есть сведения, что в отдельной комнате этого помещения находился Лазо.

Когда жене Лазо и Луцкой были возвращены в штабе 13-й дивизии пропуска, им заявили о том, чтобы они сами

показали арестованных и что штаб не знает, где они находятся.

Необходимо указать, что для опознания арестованных, и в частности членов Военного совета, в помещение следственной комиссии являлись многие японские офицеры, и в частности профессор Такиучи, хорошо знавший Лазо. При допросе последнего 8 апреля он был сфотографирован. В списках, имеющих у конвойной команды, числился и прапорщик Козленко, как поименовал себя Лазо, и под своими фамилиями — Сибирцев и Луцкий. Обращаем особое внимание на увоз их на отдельных автомобилях, а размещение их особо от офицеров указывает на то, что японские командиры хорошо знали, что арестованные — члены Военного совета Лазо, Сибирцев и Луцкий. Хосебе, давший разрешение на свидание женам Лазо и Луцкого, обнаружил осведомленность японского командования.

Пропуска Луцкой и Лазо были через несколько часов возвращены, но когда жена Лазо пошла в казармы в Гнилой угол, то ее допустили только в красную казарму, около места, где были помещены солдаты, привезенные из следственной комиссии. Когда же она хотела пройти в следующую одноэтажную казарму, в одной половине которой 9-го помещались арестованные офицеры, а в другой половине были помещены Лазо, Луцкий и Сибирцев, ее туда не пустили и сказали, что там никого нет. Впоследствии японское командование заявило, что жена Лазо не нашла своего мужа: это случилось потому, что ее не пустили туда, где он был помещен, и охотно пустили в ту казарму, где, как они хорошо знали, не было ни Лазо, ни Сибирцева, ни Луцкого. Делая свое заявление, что жены Лазо и Луцкого при осмотре мест заключения не нашли своих мужей, японское командование умалчивает, что не во все казармы, находящиеся в Гнилом углу, была допущена жена Лазо. Казарма, где были помещены Лазо, Сибирцев и Луцкий, была пуста. После того как жене Лазо было дано разрешение на свидание, Лазо, Сибирцев и Луцкий были снова куда-то увезены. Японское командование, пользуясь тем, что при допросе Лазо, Сибирцев и Луцкий не заявили себя официальными членами Военного совета, заявляет, что у них под арестом членов Военного совета нет и что если бы они были, то они были бы освобождены. Все имеющиеся материалы неопровержимо говорят, что члены Военного совета Лазо, Сибирцев и Луцкий находились в руках японского командования и что японское командование укрывает их или уже произвело над ними расправу. Пусть ответит японское командование, куда оно увезло прапорщика Козленко — Лазо, офицера запаса Сибирцева и офицера Луцкого, зачисленных в их списках арестованных в помещении следственной комиссии?

Куда девали они указанных лиц и что над ними сделано?

Центральное бюро профессиональных союзов выражает свое глубокое возмущение против действия японского командования и, обращая на это внимание Временного правительства, считает необходимым опубликовать имеющийся в его распоряжении материал во всех газетах Дальнего Востока, а также передать его в копиях всем консулам и в иностранные газеты, дабы выяснить, к каким способам борьбы прибегает японское командование с честными борцами за единую Россию.

«Красное знамя» № 78, 19 мая 1920 г.

ГИБЕЛЬ ЛАЗО

Письмо в газету «Дальневосточный телеграф» от 18 сентября 1921 года
№ 40

Дорогой товарищ!

Не знаю, известна ли вам в точности история товарища Лазо после японского выступления прошлого года в Приморье, возбудившая негодование трудящихся.

Кошмарная история эта, по сведениям нашей разведки в ... такова.

Разведкой был собран большой кровавый документальный материал. Этот материал был проверен путем показаний одного из участников сожжения Лазо в паровозной топке на Имане... который некоторое время болтался без дела и без денег в... и пытался поступить на службу к правительству ДВР.

Характерно, что «демократическое» правительство ему представилось таким, что погладит его по головке за его прошлое, — потому он так смело и открыто и делал эти показания товарищу... (вы его знаете).

Собранный материал эту историю рисует в следующем виде.

Из следственной комиссии во Владивостоке (Полтавская, 3) арестованные товарищи Лазо, Луцкий и Сибирцев были переведены в японский штаб, а оттуда позднее — в японскую контрразведку на Китайской улице, откуда числа 15—20 апреля были переведены ночью на Первую речку в распоряжение японских войск.

Дальше трагедия переносится на Иман-Уссури.

После заключения мирного соглашения между японцами и Приморским временным правительством японское командование занимало всю магистраль Уссурийской железной дороги, а наши части ушли за тридцативерстную полосу.

Числа 25—28 мая в почтовой теплушке японцы привезли товарищей на Уссури (депо Иманского района)¹.

¹ В документе, видимо, опечатка; речь идет о станции Муравьев-Амурской (ныне ст. Лазо). *Ред.*

В районе Иман-Уссури «действовал» в это время бочкаревский отряд под прикрытием этой тридцативерстной полосы и японского военного командования.

Японцы в мешках передали товарищей бочкаревым. Последние перенесли их в депо, где, согнав бригаду с одного из паровозов (№ был установлен — № ЕЛ 629. *Ред.*), затащили эти мешки в паровозную будку.

Первым сожжен был товарищ Лазо, которого вынули из мешка и хотели живым затолкать в топку. Завязалась борьба. Товарищ Лазо, обладая крупной физической силой, уперся руками. Удар по голове лишил его сознания, и он свободно был протолкнут.

Эту сцену видел один человек из паровозной бригады... который и опознал товарища Лазо, когда его вытаскивали из мешка.

Сцена борьбы, вероятно, удовлетворила или утомила этих негодяев. С другими товарищами было поступлено иначе: они были пристрелены в мешках и затем уже брошены в топку.

Вот общая картина всей этой трагедии, созданная из показаний и рассказов очевидцев, из материалов, которые собрал... отдел нашей разведки.

ДОКУМЕНТЫ О ЗВЕРСТВАХ ЯПОНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД СОБЫТИЙ 4—5 АПРЕЛЯ 1920 ГОДА

ВОЗЗВАНИЕ

**областного комитета Российской коммунистической партии
(большевиков)**

Товарищи и граждане!

Бескровный переворот 31 января с. г., окончательное свержение и ликвидация колчаковщины, розановщины, калмыковщины и прочей реакционной накипи поставили перед всем населением вопрос о существовании русского Дальнего Востока независимым от иноземных сил. Все население ярко выражало одно мнение, у всех было одно желание — желание полного единения с советской Россией, единственной собирательницей всей России.

Но интервенты и главным образом Япония направили все свои силы и хитрость для того, чтобы захватить Дальний Восток в свои руки, подчинить его себе. Неоднократные пред-

ложения советской России Японии начать мирные переговоры для заключения договора до сих пор ни к чему не привели. Среди населения Дальнего Востока, куда сбежались контрреволюционные силы со всей России и Сибири, образовались группы, готовые на какое угодно предательство и измену — лишь бы только им вернуть времена их господства. Эти отбросы России служат японцам, так же как японским интересам служит Семенов и все, кто с ним.

Мирная жизнь Дальнего Востока, который японцы стремятся захватить в свои руки, была нарушена предательским и гнусным выступлением во всей области в ночь с 4 на 5 апреля с. г. Тысячи незащищавшихся молодых, здоровых и сильных русских сынов были убиты, захвачено было все наше военное имущество, обмундирование, снаряжение, все, что находилось в военных складах. Железная дорога также занята японцами, делающими все, что они хотят.

Перед нами, товарищи и граждане, стояла одна задача — не дать возможности уничтожить русское население Дальнего Востока японцами, сохранить свои силы. Мы видим на каждом шагу, каждый день, что японцы не выполняют тех условий, которые были ими подписаны, но мы знаем и другое.

Товарищи и граждане!

Японское командование готовит всему населению Дальнего Востока новое нападение, новые жертвы. Японцы организуют свержение правительства и водворение здесь кровавых атаманов.

Вспомните недавнее прошлое, вспомните исчезновение людей, расстрелянных сотнями, тысячами — в Даурии 1500 человек, в Нерчинске 4000, уничтожение целых деревень, разорение населения, вспомните все это и не забывайте никогда. Теперь, очищенная от этих зверей и предателей, Сибирь объединилась с советской Россией. Лишь Дальний Восток под давлением японцев не может этого сделать. Областной комитет Российской коммунистической партии имеет в своих руках все данные и утверждает, что при помощи контрреволюционных сил Япония готовит удар всему населению и захват края.

Будьте готовы.

Мы призываем всех, кому дорога Россия, дать решительный отпор всем сторонникам Японии, предателям России. Мы должны бороться всеми средствами, какие имеются в нашем распоряжении.

Товарищи граждане, сплотитесь и организуйтесь. Нам, русскому населению Дальнего Востока, предстоит решительная и упорная борьба с предателями России, продавшимися Японии.

Будьте готовы к борьбе. Сплотитесь крепко и

дружно. Да здравствует единая советская Россия. Долой изменников и предателей России. Долой интервентов.

[Апрель 1920 г.]

МЕМОРАНДУМ

Временного приморского правительства советнику японской дипломатической миссии в Сибири [март 1920 года] о допущенных японцами правонарушениях по отношению к русским гражданам

1) 23 мая 1919 г. японскими войсками убит гражданин Иманской волости Сергей Подложнюк, его сын Игнатий, и уничтожено имущество на сумму 330 000 рублей.

2) 5 февраля 1920 г. японский офицер нанес оскорбление действию учителю Городского детского приюта в Никольск-Уссурийске.

3) Японский гарнизон, расположенный на Сучанском руднике, держит себя крайне вызывающе и издает ряд объявлений, стесняющих жизнь рабочих, нарушая продуктивность рудника.

4) 17 февраля 1920 г. на подъемнике Сихотэ-Алинь, Сучанской ветки, японским отрядом без всяких объяснений арестованы 4 русских гражданина.

5) 18 января с. г. Василий Иванченко на разъезде Краевском арестован японским отрядом и расстрелян.

6) В июле 1919 г. японским отрядом отобрано имущество, принадлежавшее крестьянину деревни Архангеловки Успенской волости, Иманского уезда, Тарасу Коваленко, на 250 000 рублей.

7) 8 февраля с. г. японским гарнизоном расстрелян в селе Черниговке, Никольск-Уссурийского уезда, ни в чем неповинный русский гражданин Опанасенко.

8) 10 февраля с. г. арестован японским штабом гражданин Полевой, по подозрению в шпионстве.

9) 25 февраля с. г. японскими войсками убиты и расстреляны следующие лица: около раз. Гедике ремонтный рабочий Федор Дворяк, на ст. Вяземской рабочий Иван Бескровный и путевой сторож 608-й версты Гордей Цибунский с женою и двумя детьми.

10) 29 января с. г. японцы подожгли и разрушили в селе Свечином, Некрасовской волости, имущество: Ивана Щепка, Ивана Сердюка, Виктора Бережного, Василия Сечка, Андрея Осипова, Федора Дымчемна, Дорофея Питлица, Григория Акимова.

11) 28 января с. г. в деревне Анастасьевке, Князе-волконской волости, японцами сожжено три дома, и разграблено имущество, и избито много мирных граждан — мужчин и детей.

12) 25 января с. г. служивший в японской фирме Игияна русский гражданин Николай Ким, якобы за растрату, арестован японским штабом и содержится под стражей.

13) Председатель Посыетского поселкового управления Новак за невыдачу 29 винтовок арестован японским командованием.

14) 12 марта незаконно арестован и подвергнут телесному наказанию русский гражданин Алексей Цой, в урочище Посыет.

15) С 27 по 29 января с. г. японским экспедиционным отрядом приведено в негодность и расхищено имущество Князеволконского кредитного товарищества.

Обращая внимание г. советника японской дипломатической миссии на эти правонарушения, Временное правительство считает своим долгом указать, что все перечисленные факты, как и многие другие, указанные раньше правительством, не могут рассматриваться иначе, как вмешательством во внутренние дела России и нарушением ее суверенных прав. Временное правительство надеется, что г. советник японской дипломатической миссии спешно расследует все эти правонарушения и примет соответствующие меры для наказания виновных и для недопущения впредь подобных актов, нервирующих и так уже волнующееся население (подписи).

ЗАЯВЛЕНИЕ

в Никольск-уссурийскую земскую управу Кузьмы Никитовича
Гудименко

Я, Гудименко, имею честь заявить о том, что произошло в нашем доме. 1920 г., 5 апреля, в 8 часов утра, забежали японские солдаты в мою комнату, где сидели соседние мужчины и мой сын Павел, 18-летний, забежали, вопя и рвякая, как тигры, схватили моего сына за волосы, другого — за глотку, к третьему — со штыком. Моя жена стала просить, говоря, что он не солдат, а рабочий, ответ японцев был — удар прикладом винтовки, моя жена упала. Также жена Кирилюка, показывая на голову мужа, говоря, нужна шапка, но ей не дал закончить японец и прицелился стрелять, но не знаю, что его остановило. В этой же комнате было подполье открыто, где притаились дети, дрожащие от страха. Японец бросился искать чего-то, наверное, думая, что там есть еще мужчины. Аксинья Бордюникова стала просить, говоря, что здесь лишь одни дети и больше никого нет, также и ей попало прикладом, от которого она едва устояла. Также Ильина, плача, сказала: мы жители мирные, за что вы нас трогаете; ее также японец ударил, отчего она упала. Из нашего дома вывели 4 арестованных: моего сына Гудименко, Кирилюк, Ильина, Богославцева. Отведя несколько сажен от нашего дома, где стояли японские

солдаты и офицеры, ничего не говоря, японский офицер подошел к сыну, ударил его по щеке. Мой сын ничего не ответил, после чего офицер скомандовал: стреляй, выстрелы раздались, мой сын упал. Притом в лежащего выстрелили 2 раза и удалились, через некоторое время подъехал автомобиль, с которого слезло два человека, стали толкать прикладами под бока, после чего они убедились, что он убит, стали обыскивать, причем взяли 300 рублей и документы, которые находились при нем. Мой сын был убит 3 пулями, две попали в лоб, которые разорвали всю голову, третья попала в ногу выше колена. Вечером труп был забран в городскую больницу, а 7 апреля похоронили мы его. 21 апреля ходил к доктору, просил копию протокола о ранении. Доктор сказал: он не у нас умер, и мы его не освидетельствовали.

Кузьма Гудименко.

1920 года 21 апреля.

За что подписываются свидетели (подписи).

Мой сын Павел Гудименко служил на Уссурийской железной дороге кочегаром.

ЗАЯВЛЕНИЕ

председателю Никольск-уссурийской земской управы машиниста
Никольск-уссурийской инженерной дистанции М. Беликова

Доношу, что утром 5 апреля при обстреле госпиталя я со своим семейством — женой, матерью и двумя детьми — находился в своей квартире, услышал стук в мою дверь, я поспешил открыть, стучащие оказались японские солдаты, которые, зайдя в квартиру, набросились на нас и вытолкали из квартиры и тут же в упор выстрелом из ружья убили мою жену, мать побили прикладом и меня ранили штыком.

На другой день, т. е. 6 апреля, около 10 часов утра, при обыске в моей квартире японскими солдатами в присутствии моей матери были похищены следующие вещи: 1) двое ножниц с надписью «компания Зингер», 2) бритва с безопасными принадлежностями за № 113, 3) серебряных денег 1 руб. 85 коп., бумажных денег 22 317 рублей и золотое обручальное кольцо.

26 апреля 1920 года, гор. Никольск-Уссурийский.

М. Беликов.

Свидетели (подписи).

НАСИЛИЯ ЯПОНЦЕВ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

Из газеты «Голос родины» № 170 от 22 апреля 1920 года

Положение в Раздольном со слов прибывшего сюда таково: во время выступления японцев земская больница разрушена артиллерийским и пулеметным огнем, акушерка Филиппова от

контузии умерла, больные были приколоты на кроватях, также разрушен лазарет 32-го полка. Есть насилия над мирными гражданами, акты на все составлены, пленные солдаты находятся в тяжелых условиях, их разделили на призванных и партизан; с последними обращение крайне грубое. Волостная земская управа предполагает создать народную милицию из надежных граждан до 150 человек.

Из Михайловки получен приговор, в котором крестьяне заявляют, что японцы, продвигаясь в сторону Спасска проселочными дорогами, берут подводы при угрозах и насилиях.

У Григорьевки из извозчиков и лошадей с телегами устроили прикрытие. В михайловской школе часть библиотеки уничтожили, сломали и сожгли несколько парт, попортили большое количество молодых деревьев в школьном саду, поломали забор; то же делали у некоторых граждан. С населением обращаются грубо, были случаи насилий над женщинами, грабежи.

Также получен приговор осинового сельского схода, где крестьяне отказываются исполнить приказ японцев о доставлении им подвод для возки камня на ремонтирующийся железнодорожный мост через речку Осинку, мотивируя отказ началом полевых работ и неимением распоряжений на это от Временного правительства. По имеющимся сведениям, японцы путем угроз и насилий заставили крестьян дать подводы.

В деревне Ляличи японцы заставили крестьян построить понтон через реку Лифу, забрав у крестьян для этого лес, веревки и т. п.

Покровский сельский сход в приговоре горячо протестует против учиненного японцами в Приморской области над правами русского трудового народа насилия и выражает полное доверие Временному правительству — Приморской областной земской управе — и приветствует его действия в защите суверенных прав русского трудового народа.

В деревне, вдали от города, японцы являются полными хозяевами и делают, что хотят. Ввиду перерыва сообщения с уездом деревня почти не информирована о положении дел в городе. Участь члена уездной земской управы Цоя неизвестна, на запрос не отвечают.

ИЗ ДНЕВНИКА

ЗАМЕТКИ СЕРГЕЯ ЛАЗО

ДЕТСТВО

Уже с самого раннего детства мы долго и много гуляли, пستم, сначала тайно, а потом явно мы стали заниматься охотой.

Недра земли казались таинственными и возбуждали любознательность. Я любил смотреть в колодцы и измерять их глубину. Но особенно меня привлекали те места, где земной покров был обнажен. Это были ямы, из которых брали глину для построек, промоины оврагов, оползни и особенно одна соседняя гора с холмом, где можно было найти кусочки раковин, разные камешки и руду железа, — все это с особенной силой возбуждало вопрос о том, что же находится в этих недрах.

Я любил сильные летние грозы и несмотря на запрещение старался наблюдать их на открытом воздухе... Я, как сейчас, вижу этот туманный горизонт, освещенный ослепительным сине-зеленым электрическим разрядом, и как бы остановившиеся в воздухе капли дождя. И этот шум сильного дождя иногда с прищелкиванием града. А этот запах, особый запах воздуха во время дождя. Я так же отчетливо помню последние минуты перед грозой, когда тучи все более и более заволакивают небо. Холодный сырой ветер порывами зашелестит по деревьям, как бы предупреждая о надвигающейся непогоде, затем редкие кап-

ли дождя — крупные, они грузно пленаются о листья и даже поднимают пыль на земле, — за каждой следующей все новые и новые — так начинается сплошной дождь. А день после дождя — яркий, солнечный, летний день, когда земля еще грязна, воздух насыщен испарениями, а листва деревьев такая свежая и помолодевшая. Я научился любить природу: слишком ярки были ее краски, полно слита жизнь природы с человеком, чтобы не полюбить ее. Потом я научился понимать другую природу, более суровую и угрюмую (красноярские, ононские горы), и страстно полюбил ее.

В том году, в котором я начал писать дневник, я завел тетрадку для заметок, там были заметки по литературе, как раз о Лермонтове. Начиная эту тетрадку, я задумался над тем, какую мысль поставить «девизом» своей жизни; хорошо подумав, я написал: «Нужно искать правду всюду, даже там, где менее всего можно ее найти». Вообще в те годы я часто про себя философствовал, и чем больше я думал над тем, что лежит и что должно лежать в основе наших действий, стремлений, и я отвечал, что человеком руководит стремление к счастью. Хотя мне самому было как-то неловко в этом окончательно признаться. Очевидно, в этой пассивности сказывалось влияние той аскетической философии, которой невольно проникаешься при знакомстве с христианством. Впоследствии в жизни и правда и счастье стали пониматься иначе, и сгладилось понемногу противоречие между правдой и неправдой, с одной стороны, и счастьем и трудом и обязанностями — с другой. Человек понял, что он не может не поступать иначе, как согласно своим убеждениям, которые одни должны определять его поведение. И что счастье — это могучий импульс, побуждающий нас жить в борьбе...

1. Рассмотреть, как весь этот деревенский быт протекал в сознании глубокой зависимости условий нашей жизни от стихийных сил природы. Эта зависимость выражалась в чувстве сильного гнета, когда природа мешала человеку, и, наоборот, радости, когда она благоприятствовала ему. Отец ходил сумрачный и волновался, когда в засуху иногда много дней подряд небо заволакивалось тучами, вдали были слышны раскаты грома, иногда падали редкие капли, но дождь обходил наше имение. Это сильно волновало отца и мать, и они говорили, что уж таково положение имения, приписывали это влиянию соседних гор и прибавляли при этом, что зато у нас не бывает и большого града.

Я помню, как мать часто рассуждала на тему о зависимости человека от природы. При этом она обычно говорила, что лучше, как в сельском хозяйстве, зависеть от господ бога, чем зависеть от людей. И считала поэтому, что положение сельского хозяина более независимое, чем жизнь служилого люда. Но

тем не менее явления природы, когда они были неблагоприятны, действовали угнетающим образом, и все это, вместе взятое, развивало какой-то фатализм.

Мы, дети, чутко перенимали настроение родителей, их волнения и беспокойство передавались и нам. Но ум не мог с этим примириться. Я рано сам дошел до мысли, что не в явлениях природы, как таковых, лежит корень зла, а в организации труда, который представляет каждого своим собственным силам. В одном из дневников того времени я противопоставлял друг другу, с одной стороны, то угнетение, которое испытывают сельские хозяева, когда их постигает неурожай, и ту неразумную радость, которая овладевает ими при большом сборе. Эти два противоположные явления представлялись мне как действия одной и той же причины: неорганизованности труда, того, что недостаток и избыток распределяются между отдельными хозяйствами случайно и неравномерно, хотя для совокупности многих хозяйств колебания совсем невелики, и что нет связующей силы, которая уравнивала [бы] эти колебания. Я видел некоторых из наших соседей, у которых не было никакого умения стать выше этих колебаний, осмыслить их хотя бы в рамках собственного хозяйства. Я видел и понимал, как мои родители стремились ослабить эти колебания во времени: сохраняя избыток урожайного года и делая долги в неурожайный год, чтобы покрыть их при более благоприятных обстоятельствах. Но я также понимал, что это только полумера, и мысль, усиленно работая над возможностью создать лучший социальный строй, дошла до своеобразного коммунизма...

Пылкое воображение уже нарисовало светлыми красками картину коммунистической жизни городов и деревень. Этим мыслям я отдавался со страстью и иногда часами раздумывал над мелочами этого лучшего строя. Попутно я связывал возможность его осуществления с великими научными открытиями, авторы которых не продадут их капиталистам, а отдадут безвозмездно народным массам. Такого рода открытия и социальные преобразования казались мне тесно друг с другом связанными. И я совсем не отдавал себе отчета в той борьбе, без которой немыслимо никакое социальное преобразование. И я уже считал себя непременно одним из работников на этом пути.

Другую сторону дела — зависимость от других людей, о которой говорила мать, противопоставляя ее зависимости от природы, — эту сторону я еще слабо понимал. Я знал, что она существует, но я приписывал все скорее неразумию, чем злой воле людей, в наличии последней как главного фактора я совсем не давал себе отчета. Вот почему и в моих поисках лучшего строя жизни я отводил главную роль научным открытиям и личным качествам. Только значительно позднее я стал отчетливо понимать, в чем дело.

Однако в молодой голове наряду с этим утопическим направлением бродила и здоровая революционная мысль, заква-
шенная впечатлениями 1905 года. Так при слабости крити-
ческого анализа у нас уживаются часто самые несходные, хотя
и не противоречивые понятия. В свое время единство будет
восстановлено.

К этому всему нужно добавить (относится уже к Техноло-
гическому ин[ституту]), что я особенно ценил постановку дела
в крупном производстве потому, что там, как мне казалось,
внешние силы природы все меньше и меньше вмешиваются в
дело и руководящая роль человеческого ума приобретает все
больше и больше влияния.

2. Отношения нас, детей, к отцу были тяжелые и ненор-
мальные. Отец был раздражителен, вспыльчив и неумеренно
требователен — все это вызывалось развивавшейся в нем бо-
лезнью. Но мы это воспринимали непосредственно и остро. Тем
более, что во многих его словах было много желчи и незаслу-
женных оскорблений. Только воспоминания самого раннего
детства рисуют отца другим: он был добрым, ласковым, часто
играл, баловался с нами и любил доставить нам что-либо
приятное. Система нашего воспитания сводилась к тому, чтобы
сделать нас сильными и здоровыми, чтобы избавить нас от
тех дурных влияний, которые, по мнению отца, сломили его
самого. Самым главным из этих дурных влияний отец считал
раннее поступление в гимназию, где, по его словам, его
испортили, научили всяким гадостям. Поэтому нас учили
дома. Но я забегаю вперед. Воспитание наше было здоровым и
в общем поставлено правильно (если бы все принципы и поло-
жения всегда проводились бы в жизнь). Так нас приучали гово-
рить правду и за правду не наказывали (нет правила без
исключений, бывало, и правду скажешь и наказание полу-
чишь. Если такие случаи были еще редки при отце, то они
позже вошли в систему при матери). Приучали нас и к труду,
задавая какую-либо нетрудную работу (выкашивать кусок
земли, выполоть грядку), требовали аккуратности и порядка.
По утрам нас обливали холодной водой.

Я очень хорошо помню, как раз за столом отец, беседуя с
доктором Остроменским, говорил между прочим, что мы, дети,
не понимаем требований и забот родителей, а что отцы и матери
должны делать свое дело согласно своим убеждениям, не
считаясь с мнением детей (сравнить со слышанными позднее
словами Петра Васильевича о том, что дети скорее послуша-
ются и придадут больше весу словам первого встречного, чем
словам родителей). Напрасно думают, что дети не понимают
того, что говорят взрослые, особенно, когда речь идет о них.
Правда, детям трудно рассказать свои мысли. Но они слу-
шают слова взрослых с жадностью и делают свои заключения.
Так и я тогда, прослышав слова отца, не согласился с ними,

я в уме отделил нестрогие меры, которые я вполне оправдывал, и те, которые осуждал.

Укажу еще на один факт. Родители стремились исходить из принципиальных требований, не считаясь с личной оценкой детей: так если что-либо было запрещено, то сколько бы ни плакал ребенок, ему этого все равно не давали. Также заставляли, когда нужно, принимать горькие лекарства. (Мать как-то спорила на эту тему с дядей Колей: последний говорил, что не решается заставлять своих детей пить хину, так как они могут его разлюбить.) И эта принципиальность требований проводилась лучше и последовательнее, чем во многих других семьях.

Вообще физическое воспитание у нас было поставлено хорошо. Отец не боялся нас пускать и в грязь и в дождь на двор и учил кататься верхом. Мать же не любила, чтобы мы шлепали по грязи.

Не всегда, однако, родители умели считаться с психологией ребенка. Так одно время чуть не каждый день за столом происходила такая сцена. Боря хотел, чтобы ему непременно положили первому; это было глупое упрямство, и когда его капризы не исполняли, он надувал губы, иногда плакал и отказывался есть. Это упрямство особенно возмущало отца. Он горячился и ни за что не хотел удовлетворить детского каприза, из-за чего за столом постоянно происходили сцены, очень неприятно действовавшие на нас всех. Мне тогда было больно на все это смотреть. Я считал все это ненужным. А теперь я могу прямо сказать, что тут было упрямство с двух сторон. И лучше было не возбуждать упрямства, а просто, не обращая никакого внимания, ничего не подчеркивая, удовлетворить детский каприз сполна и тем не дать самого повода развращения упрямству. Но я отвлекся в сторону.

Отец слишком строго относился к нашим провинностям. Они выводили его из терпения. И часто правых и виноватых нас бил. И били нас довольно часто. Правда, я не помню, чтобы в то время, пока отец жил в деревне, нас била мать. Особенно врезались в память мне два случая. Раз, когда я сидел за столом, отец за что-то ударил меня и ударил как-то так неловко, что я стукнулся подбородком об стол и прикусил нижнюю губу, откуда сразу полилась кровь. В этом месте долго оставались два затвердения, которые можно едва нащупать еще и теперь. После этого я удрал в сарай и просидел там несколько часов несмотря на то, что меня усиленно звали. Другой раз, перед тем как отец окончательно заболел и его увезли, я в чем-то провинился, и меня хотели наказать. Я тоже удрал и спрятался в маленьком деревянном домике-будочке, выстроенном для нас. Стоял он около конюшни, моросил дождь, было холодно, но под вечер я все-таки вышел, попался на глаза отцу, и он, положив меня себе на колени, как следует высек

широким ремнем, которыми мы подпоясывались. Чувство дикой злобы, жгучей боли и стыда охватило меня после этого. Следующий день был ужасным. Отец уже был ненормален. Мы сидели в детской ни живы, ни мертвы, я слышал голос отца, но не видел его. Приехал доктор Остроменский, я еще раз видел отца за столом, он был бледен и спокоен. Потом его увезли — сначала в Одессу, — думая поместить в лечебницу. Но там не удалось. И отца окончательно поселили в Костюженской больнице для душевнобольных. Дело происходило в конце августа — начале сентября 1902 года. Болезнь приняла такие формы, что дальше жить дома ему было нельзя...

В конце сентября (1905 г.) отец умер. Этого можно было ожидать, так как болезнь была неизлечимой. Я помню, как рано утром мы получили телеграмму, извещающую, что положение отца безнадежно. Мы сразу собрались и поехали...

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Вся жизнь (в первый год студенчества) представляла пеструю смесь пережитков прошлого с мощно вливавшимся потоком впечатлений новой среды. Если тогда я чувствовал какую-то любовь к металлообрабатывающей промышленности, то теперь, оглядываясь на это увлечение, я должен признать, что в сущности, познакомившись с Т. И.¹, я почувствовал непреодолимое тяготение к новым формам труда: труда дифференцированного, специализированного, занимающего в жизни человека вполне определенное место. Я имею право это сказать еще и потому, что я сейчас отчетливо вспоминаю, как я сам мысленно формулировал свои задачи и стремления: все равно, какой труд, но пусть это будет строго определенная работа с ограниченными заданиями и с определенным рабочим днем. Пусть эта работа руководствуется определенной системой знаний, но, самое главное, пусть вне рабочих часов у меня будет непрерывное общение с людьми, я буду членом и участником могучей интеллектуальной жизни, пусть я не буду один. И мне казалось, что в такой жизни та комната, в которой живет человек, имеет второстепенное значение. Он главным образом в ней спит. Весь день проходит за работой, он в общественной столовой, библиотеке и в каком-то универсальном общественном клубе, где люди свободно общаются друг с другом. И я горячо полюбил те скромные задатки коллективизма, кот[орые] я видел в кипучей рабочей жизни Т. И.

Но как далека была жизнь от этого. Специализация сначала меня испугала, я работал случайно и урывками. Только к концу первого года студенчества я понял необходимость специ-

¹ Технологический институт. *Ред.*

ализации и научился работать. Но дальнейшие обстоятельства сломали эти здоровые задатки. Преемственность труда была в корне нарушена. И жизнь еще долгие годы почти не давала возможности провести как следует свободное время, окончить трудовой день духовным общением с людьми.

Да, специализация нужна, необходимо изучить какой-либо отдел знаний до последних мелочей, нас не должна пугать все возрастающая узость специальности. Ибо специализация ставит своей задачей вовсе не образование, а сообщение знаний и навыков, дающих возможность легко работать в определенной области...

Новый большой город, куда я попал, сразу всколыхнул много запросов. Все они настойчиво требовали ответа. Эта жизнь столицы не ослепила меня своим блеском, не оглушила своим шумом, наоборот, спокойно наблюдая ее, я все сильнее проникался сознанием глубокой закономерности, тех сложных связей и вопиющих противоречий, кот[орыми] полна эта жизнь. Читал ли я книгу гениального человека, я поражался его светлому уму, я чувствовал за этим умом жизнь, обильно залитую светом мыслей, и тем самым я болезненно чувствовал, что у меня этого света нет... Говорил ли я с товарищами-универсантами, я поражался их умению легко рассуждать о массе новых предметов, в которых я еще очень мало смыслил. Наконец я был одинок, я знал, что есть другие люди с сильной мыслью, упорной волей и страстным чувством, но их не было среди моих друзей...

Но жизнь не давала ничего в ответ на все это или давала слишком мало. Отсюда тоска и неудовлетворенность, стремление выбиться к лучшей жизни. Мне смешны были люди, желания кот[орых] не шли далее богатства; но разве богатства уж так трудно достигнуть... И я не раз говорил самому себе: не теряй молодые годы, многого не наверстаешь, потом — потом придут заботы, дела, и не вернуть человеку того, что упущено в молодые годы. Мне казалось, что я не только переживаю в молодости всю свою будущую жизнь, не только испытываю все те чувства и переживания, кот[орые] мне предстоит узнать в течение всей своей жизни. Нет, я переживаю в зародыше еще нечто большее — все те возможности, кот[орым] не удастся развиться, все то, чему суждено погибнуть...

В студенческие (да и в гимназические) годы я не раз испытывал стремление пожертвовать избыток денег, кот[орый] был у меня, а также отдать свои силы служению другим. Но из этих искренних филантропических попыток мало что выходило. Меня также тяготило сознание того, что у меня есть собственность, но я не знал, как с ней поступить, я чувствовал свою беспомощность, неприспособленность к практической жизни — с одной стороны. А выход был простой: нужно было отказаться от всего, от всех благ, но и от всех зол того

Сергей Лаго в юношеские годы

строю, в котором я вырос. Нужно было безоговорочно сказать, что там нет ничего моего и, следовательно, мне не с чем рассчитывать. Уже одна мысль о том, что мне нужно сделать что-то с моей собственностью, заключает в себе предвзятую мысль, что это собственность, тогда как на самом деле ее не должно было быть. Такова теоретическая постановка вопроса. Но как поступать на практике? Что должен был делать я, скажем, по окончании гимназии или еще раньше?

Отвечу я на этот вопрос так: я должен был воспользоваться всеми теми преимуществами обеспеченного положения, в котором я находился, для развития своих способностей, кот[орые] я должен был отдать делу пролетариата. Но на это можно возразить: не грозит ли при этом опасность отойти от этого дела, незаметно изменить ему. Так как для того, чтобы быть выразителем воли, чувств и мыслей пролетариата, нужно еще глубокое чувство классовой солидарности, нужно в непрерывной борьбе с действительными препятствиями закалить свой характер. Да, эта опасность есть. Но я не думаю, чтобы из-за нее человек должен был бы отказаться от[] представляющихся ему возможностей развития. Нужно подойти к вещам практически и ясно понять, что для всестороннего развития нужен некоторый досуг и достаток. Поэтому я теперь скажу, что, окончив гимназию, я имел полное право пользоваться средствами из дому, но я должен был ограничить свои потребности необходимым, не ограничивая потребностей развития. Вспоминая то, что я переживал в то время, я помню, что я приблизительно так и решал задачу. В первый лучший год студенческой жизни я был чужд мелочного скопидомства. Я уже понимал, что с расширением запросов расширяются и потребности человека. Но что одновременно с этим, одновременно со своим развитием человек должен готовить себя к самостоятельной работе, к самостоятельному заработку. Я помню, что эта мысль, подготавливавшаяся всем строем питерской жизни, мысль, что я должен стать пролетарием, т. е. работником, который отдает в обмен на необходимые ему блага работу мозга (или мускулов), эта мысль, ярко сверкнув, не угасала потом. И это, по-моему, единственное правильное решение, т. е. кратко резюмируя: я должен был получить свое высшее образование на средства из дому. Это привилегированное положение тем самым накладывало на меня обязательство расширить свое развитие, и одновременно с этим я должен был готовить себя к самостоятельной трудовой жизни. Дальше, когда высшее образование было бы закончено, я не имел бы нравственного права на эту помощь. Но если я безусловно должен был бы отказаться от собственности, которой я владел, то не было бы более разумно дать ей определенное назначение, чем предоставить ее самой себе или, вернее, моим ближним родственникам.

Право частной собственности есть право на известную долю чужого труда. При современном уровне экономических отношений в буржуазном государстве обладание собственностью обеспечивает нас некоторым доходом, даже если мы ничего не делаем. Чем больше прилагаем мы личных трудов и усилий, тем с большим риском, конечно, можем мы рассчитывать и на больший доход. Наивно было бы думать, что в рамках современного буржуазного правопорядка можно лишить данную собственность ее эксплуататорского значения, вернув ее трудящимся — отдать землю крестьянам, фабрику или торговое предприятие рабочим. Нужно дать себе ясный отчет, что такие филантропические меры ничего не принесут. Что значит отдать землю, торговое или промышленное предприятие? В рамках буржуазного правопорядка это значит передать ее в мелкую собственность или общее владение (в лучшем случае с мелкобуржуазной точки зрения) известной группе лиц. Но само собой разумеется, что нигде нет ни идеальных крестьян, ни идеальных пролетариев, и эта единичная мера по существу сведется [к тому], что вместо одного собственника их будет несколько десятков. Не к углублению классовых противоречий, не к расширению классового сознания поведет это, [а] к созданию новых кадров мелкой буржуазии, этого искомого и самого опасного врага настоящей пролетарской революции. По существу такое дробление собственности есть мера, родственная наделению земель по системе хуторского хозяйства по столыпинскому рецепту. Выигрывает ограниченная группа лиц, а в более общем масштабе — это лишняя поддержка буржуазного правопорядка. Класс же трудящихся, как таковой, от этой меры ничего не выигрывает...

В данном случае мы должны руководиться (как и всюду) классовым принципом, который, наиболее глубоко разлагая действительность на ее основные элементы, даст возможность и глубже их уразуметь. Что же нужно делать с этой точки зрения? Нужно реализовать путем продажи денежную стоимость данной собственности. И вырученные деньги передать организациям, руководящим классовой борьбой масс. Здесь и небольшой капитал, правильно использованный, может принести неоценимые услуги. Мой совет — действовать при этом практично и осторожно. Нужно дать себе вполне ясный отчет, что бесповоротный (а он только и может быть таким) переход на сторону пролетариата означает тем самым не менее бесповоротный разрыв с той средой, которая тебя вырастила и воспитала; она, эта среда, исключая единичных лиц, которые благодаря уму или личным связям сумели сохранить личные отношения, эта среда для тебя безвозвратно умерла, а ты в ее глазах стал преступником. Осторожность нужна также и в практическом проведении денежной реализации, а то ей могут легко помешать. Нужно устранить всякие подозрения.

И для этого, конечно, нужно как можно меньше делиться своими взглядами с теми лицами, которые заведомо им не сочувствуют.

Таково, по-моему, наиболее разумное решение вопроса о собственности для человека, решившего перейти в стан пролетариата.

Если ты не хочешь, чтобы тебе была суждена судьба городского обывателя, который чувствует себя неловко вне своей квартиры и привычного места службы; если ты не хочешь превратиться в трусливое животное, готовое поступиться своими мыслями и вступить в сделки с совестью, лишь только ему угрожает опасность и лишения; если ты хочешь быть господином и самого себя и своих поступков — приучай себя к труду и закаливай себя лишениями, — пусть тебя не страшит суровая жизнь, пополненная физическим трудом. Ты должен не только изучить в совершенстве свою специальность, но должен знать какой-либо труд или ремесло. Сочетать последнее с разносторонним развитием вполне нам по силам. В сильном и здоровом теле человек всегда чувствует себя спокойнее и лучше, у него появляется какая-то беззаботность и уверенность в себе. Труд мастерового и рабочего требует или определенных навыков или физической силы; необходимые навыки даются далеко не сразу. Так считается, что слесарь учится три года. Печатник столько же. Меньше надо учиться сапожному и портновскому делу. Но я думаю, что для механика по образованию можно научиться хорошо слесарному делу и в один год. Чтобы иметь хорошие мускулы, их нужно упражнять и не только гимнастикой и спортом, но настоящим трудом. Вообще я думаю, что для студента-технолога нетрудно незаметно изучить хорошо как слесарное дело, так и умение управлять машинами. Никто не может сказать заранее, в каких условиях ему придется быть, и нужно быть готовым, чтобы во время всяких передраг не быть застигнутым врасплох. Также полезно уметь хорошо плавать и, главное, хорошо и много ходить пешком. Например, чтобы без подготовки сделать туда и обратно по 300 верст. Привычка к работе и лишения сделают тебя своим человеком среди трудящихся и обездоленных, рассеянных по всем углам нашей планеты...

Способность отдаться всецело чему-нибудь цельному, большому делу, вложить в него все свои силы. И, наконец, умение работать, умение исполнять, когда это нужно, и скучный и неинтересный труд... Поскольку уже знаем, какая зависимость существует между внешним строем и нашим развитием, поскольку мы познали влияние общих условий жизни коллектива, класса на каждый входящий в него индивид, по-

столько мы не можем не рассматривать себя как частью этого единого целого, и как смешным должно казаться всякое отделение своей судьбы, своей участи от судьбы того коллектива, к которому мы принадлежим...

Однажды в Питере задал себе вопрос: кто же я такой? Кем я хочу и кем я должен быть? С чем я должен при этом считаться? Со своими ли мыслями, выстраданными убеждениями или с чем-либо другим?! Не совершу ли я преступления перед своим дальнейшим развитием, если хоть в малой степени в выборе своей деятельности я буду чувствовать принуждение родной среды. И тут мысль, яркая и сильная, возникла в голове: ты должен отрешиться от всего, стать человеком «без имени, без роду и племени» и решать сам на основании своих знаний и стремлений, [кем] ты должен быть...

Какое великое счастье, что я вырвался, стал в стороне от той среды, которая меня вырастила. Пусть зависимость от родного дома была внешне сильна, но изнутри она умерла. Достаточно было этой внешней зависимости оборваться, как жизнь сразу пошла по-новому.

Всем существом моим тогда овладевало стремление [к] знанию и стремление к действию, оба они были так нераздельны и в настоящей степени требовали проведения в жизнь. Ради этих стремлений я готов был пожертвовать и жертвовал и удовольствием и личным счастьем...

АНКЕТА С. ЛАЗО

Учетно-регистрационный лист владивостокской организации партии коммунистов (большевиков)

1. Фамилия, имя, отчество	— Лазо Сергей Георгиевич
2. Семейное положение	— Женат
3. Возраст	— 26 лет
4. Национальность	— Русский (предки—румыны, швейцарцы)
5. Образование	— Студент Петроградского технологического института
6. Какими языками владеете	— Французским свободно. По-немецки читаю. Молдавским (румынским) свободно
7. Род занятий	— Был студентом-технологом, потом офицером, с начала революции — партийным работником
8. В каких профсоюзах состоял и состоит членом и какие в них работы выполняет	— Не состоял из-за отсутствия времени, профессиональным движением интересовался
9. Год вступления в партию	— 1918 год, август. До этого времени был членом красноярской группы эсеров — левых интернационалистов
10. В чем выражалась партийная работа в нелегальное время (где и когда):
а) до Февральской революции
б) по свержении соввласти	— До Февральской революции месяц с лишним работал в нелегальной организации эсеров в Красноярске, начинал работу среди солдат. По свержении советов работал во Владивостоке и среди партизан Приморской области
11. В чем выражалась партийная работа в легальное время (где и когда)	— Главным образом в массовой агитации
12. К каким отраслям партийной работы подготовлен	— К политической работе. К агитационной и организационной работе
13. К какому виду партийной деятельности имеет склонность	— К чисто партийной, политической, руководящей работе. К агитационной и пропагандистской работе (устной и письменной)
14. Какую работу вел и где при советской власти (по выборам или по найму)	— Член Красноярского исполнительного комитета в 1917 году и председатель солдатской секции Красноярского совета. Член ЦИКа советов Сибири в 1918 году (до разгрома). Командовал Забайкальским фронтом с конца февраля по конец августа 1918 года
15. Был ли на фронте в Красной армии (где, когда)	— На фронте (германском) не был. Участник иркутского переворота и Забайкальского фронта

16. Где и когда и на каких должностях работал в общественных организациях — Не работал
 17. Участвовал ли в партизанской борьбе (где и когда) — Участвовал с первого июня по конец ноября 1919 года в Ольгинском уезде Приморской области
 18. Подвергался ли гонениям (тюрьма, ссылка, лагерь, увольнение) — Не подвергался
 19. В какой работе желает участвовать: государственной, общественной или партийной — Партийной и государственной
 20. Какую и где выполняет работу (по выборам или по найму) — Товарищ председателя Военного совета, по выборам
 21. Адрес — Последние четыре месяца — г. Владивосток (найти через комитет партии)
 22. Участвовал ли на съездах (каких, где и когда) — Съезд советов Западной Сибири, Омск, 1 мая 1917 года. Съезд советов Средней Сибири, Красноярск, 15 сентября 1917 года. Съезд советов Восточной Сибири, Иркутск, 15 октября 1917 года и 15 февраля 1918 года. Фронтной съезд Забайкальского фронта 15 августа 1918 года. Съезд трудящихся Ольгинского уезда, конец июня 1919 года, д. Сергеевка
 23. Какую часть дня отдаете партийной работе — Все свое время
 24. Эмигрировал ли в другие страны, куда — Не эмигрировал
- 19 марта 1920 года
г. Никольск-Уссурийский
- С. Лазо

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Г. Назарчук. Наш офицер	5
Рапорт солдат 4-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка	7
А. Померанцева. В Красноярске	7
Письмо С. Лазо матери и младшему брату	13
Бои в Иркутске	13
О. Иогансон. Два эпизода	15
А. Теличкина. В плену	19
Документы об иркутских событиях	20

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

Н. Матвеев. Борьба за советы в Забайкалье	22
В. Бородавкин. Воспоминания командира	43
А. Кларк-Аносова. Друг	47
О. Лазо. Командующий фронтом	53
Военные сводки Забайкальского фронта	80
Договор командующего Забайкальским фронтом с командованием китайских войск	83

ВО ГЛАВЕ ВОССТАНИЯ

О. Лазо. Приезд во Владивосток	84
Из списка книг, которые изучал Лазо в период подполья в 1918 и 1919 годах	95
А. Фадеев. Встречи с Лазо	98
М. Губельман. Большевики в Лузинском ущелье	106
И. Мелехин. Отряд цемухинцев	115
Борьба на Сучане	125
Народные рассказы о Лазо на Сучане	132
Письмо группы солдат-красноярцев Сергею Лазо	133
М. Губельман. Победа	133
Приказы, воззвания, письма и другие документы С. Лазо в период подготовки восстания 31 января 1920 года и деятельности Военного совета	139
М. Губельман. Поездка по краю	168
Из доклада С. Лазо о текущем моменте на Дальневосточной краевой конференции РКП(б) в Никольск-Уссурийском 17 марта 1920 года	173

ГИБЕЛЬ

З. Станкова. Перед гибелью	175
Т. Головина. Любовь к жизни	176
О. Лазо. Последние дни	180

Речь Лазо на открытии Владивостокского совета 3 апреля 1920 года	185
Документы о гибели С. Лазо	188
Документы о зверствах японских интервентов в Приморской области накануне и в период событий 4—5 апреля 1920 года	197

ИЗ ДНЕВНИКА

Заметки Сергея Лазо	203
Анкета С. Лазо	215

(149

500

Редакторы: А. РОМАНОВА и Г. РЕЙХБЕРГ

Художественный редактор Л. ЮРКЕВИЧ

Переплет и титул худож. А. ЕРМОЛАЕВА и М. МАЛКИНА

Форзац, рисунки и заставки худож. А. ЕРМОЛАЕВА

Ответств. по выпуску С. ЛАЗАРЕВ

Корректурa под руководством Е. КАЛЕНОВОЙ

Сдано в набор 20/XI 1937 г. Подписано к печати 7/II 1938 г. Бумага 60×92¹/₁₆ д. л. В книге 13,63

печ. листов, 5 вклеек, 14,73 авт. л. В печ. л. 47 616 зн. Уполном. Главлита № Б-28914.

Тираж 40 000 экз. Заказ № 4511. Цена книги 3 р. 50 к.; переплет 1 р. 50 к.

Книга отпечатана в 1-й Образцовой типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

102652

